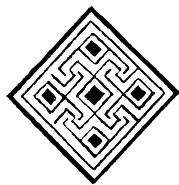

УЧРЕЖДЕНИЕ РАН
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Б.Х. БГАЖНОКОВ

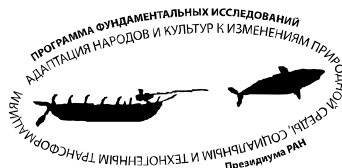
АНТРОПОЛОГИЯ МОРАЛИ

НАЛЬЧИК 2009

УДК – 17
ББК – 87.7
Б - 34

Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Печатается по решению Ученого совета
Учреждения РАН Института гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН

Рецензенты
доктор исторических наук В.Х. Кажаров
кандидат исторических наук Р.Г. Ошроев

Бгажноков Б.Х.

Б - 34 Антропология морали. – Нальчик: Издательский отдел
КБИГИ, 2010. – 128 с.

Книга построена как краткое введение в моральную философию или этику. Подробно рассматривается влияние этических знаний на решение каждодневных проблем, встающих перед человеком, на характер личности и общества. Вводится понятие антропологии морали, как данной в опыте реальности нравственной жизни.

ISBN 978-5-91766-015-8

© КБИГИ, 2009
© Бгажноков Б.Х., 2009
© Бгажноков З.Х., оформление, 2009

Глава 1

Предмет и задачи моральной философии

1. Смысл, назначение и основные формы этических знаний

Философия морали или этика представляет собой теоретически выраженный осмысленный нравственный отношения к миру. Так, в самых общих чертах, я определяю этику или моральную философию.

Но не следует думать, что перед нами теория, далекая от практики, от решения каждодневных проблем, встающих перед человеком. Влияние этики на повседневную жизнь, на характер личности и общества трудно переоценить, это система знаний, помогающая судить о том, что следует и чего не следует делать, отличая добро от зла, прекрасное от безобразного. В каждом обществе существует множество средств и приемов трансляции или коммуникации этих знаний с целью воздействия на сознание и поведение людей. Поэтому в процессах этической рационализации жизненного мира воспитание внутренне связано с образованием, а воспитанность с образованностью, с исполнением нравственного долга. В морали, говорил еще Сократ, невозможно знать и не действовать.

С помощью этико-эстетических знаний, которые передаются и усваиваются с раннего детства, поддерживается необходимый уровень согласия и порядка в обществе. В семье, в школе, в других общественных местах детям постоянно внушают, что неэтично и некрасиво браниться, сорить, обманывать, красть, завидовать, обижать слабых, предавать друзей, нарушать правила гигиены. Даже ребенок дошкольного возраста оценивает с этических позиций не только собственное поведение, не только слова и поступки сверстников, но и поведение взрослых, в том числе и родителей. Однажды я стал свидетелем следующей сцены. Мужчина средних лет, проходя по тротуару, бросил мимо урны с мусором скомканный листок бумаги. Заметив это, девочка пяти-шести лет сделала ему замечание: «Дядя,

дядя, сорить некрасиво!». Пристыженный прохожий вернулся, поднял листок и аккуратно опустил в урну.

Все многообразие этических знаний можно свести к моральным понятиям, суждениям и нормам.

Моральные понятия являются отображениями в отдельном слове или словосочетании различных проявлений и оттенков добра и зла. Таковы понятия честности, щедрости, великодушия, чуткости, благодарности, рассудительности, чувства меры, лживости, скупости, черствости, вероломства, самонадеянности, упрямства, тщеславия и т.д. В каждом из естественных языков тысячи таких слов и словосочетаний. Повседневный язык является в значительной степени языком морали, хотя обычно мы этого не сознаем. Благодаря языку морали, включенному в повседневное общение, между людьми устанавливаются определенные нравственные связи.

То же самое касается моральных суждений и норм. Они строятся на основе моральных понятий и составляют большой список определений, оценок, предписаний, наставлений, запретов, приуроченных к различным жизненным ситуациям и положениям. Моральными суждениями являются устойчивые выражения типа:

*Совість – это наш внутренний судья;
Стыд – страх перед ожидаемым бесчестьем;
Мужество – стойкость в исполнении должного;
Получив добро – помни, а, сделав – забудь;
О даренном не жалеют;
Не похваляйся своими успехами;
Глупого обойди стороной, а умный и сам тебя обойдет.*

К числу развернутых моральных суждений можно отнести мифы, притчи, значительный слой пословиц и поговорок, а также басни и в целом все другие произведения литературы. Известным нравственным содержанием наполнены древнегреческие повествования о подвигах Геракла и Прометея, библейские мифы о Ное и Моисее, произведения Лафонтена, Сенеки, Абеяра, Монтеня, А. Грибоедова, И. Крылова, Л. Толстого, А. Чехова.

Особой формой фиксации нравственного опыта являются моральные кодексы, которые предстают иногда в виде длинного списка предписаний и запретов на все типичные случаи жизни. Примером такого способа коммуникации морали может служить древнеиндийский свод правил подобающего поведения, известный под названием «Законы Ману»¹. Он содержит несколько сотен норм, которых обязан придерживаться человек в общественном и семейном быту.

В других случаях предлагается более краткий перечень наиболее общих правил или принципов: десять заповедей или законов Моисея, содержащихся в Пятикнижии², двенадцать пунктов морального кодекса строителя коммунизма, четырнадцать добродетелей Б. Франклина³.

Каждый подобный кодекс отражает общественные отношения и настроения той эпохи, в которой они создавались. Например, франклиновские добродетели, сформулированные в эпоху бурного развития капитализма в США, отражают главным образом идеал успешного, совершенного предпринимателя⁴. Это список из четырнадцати черт личности:

1) трудолюбие, 2) точное соблюдение денежных обязательств, 3) бережливость, 4) воздержанность в еде и питье; 5) немногословность, способность избегать пустых разговоров, от которых нет пользы ни одному из собеседников; 6) соблюдение порядка во всем; 7) решительность в исполнении принятых планов; 8) искренность, честность; 9) справедливость; 10) умеренность; 11) чистота, опрятность в одежде и жилище; 12) спокойствие, т.е. способность не волноваться по пустякам, из-за неприятностей обычных и неизбежных; 13) целомудрие; 14) скромность.

Наконец, еще одну самую сложную и утонченную форму коммуникации морали составляют труды и отдельные рассуждения о природе нравственности, о специфике отдельных моральных понятий и норм. Существует бесчисленное множество размышлений о различных нюансах добра, блага, справедливости, доверия, порока, зла, предательства, зависти. Например, вполне серьезно обсуждается вопрос об эстетической притягательности зла, о возможности и способности подчинить мораль эстетике, найти очарование в самом скверном⁵.

Этот, конечно, очень сомнительный тезис лежит в основе «Цветов зла» Ш. Бодлера. Вызвавший большие дискуссии фильм М. Казакова «Очарование зла» также построен на способности человека представить зло в невинном, эстетическом обличье.

Но представить можно что угодно и от этого едва ли что-либо измениться. За очарованием зла стоит утонченно-болезненное и лишенное нравственных ограничений удовлетворение страстей и желаний, соединенное с дьявольским искусством обезопасить себя от угрызений совести.

Другой пример – понятие толерантности, ставшее в последние годы актуальным и модным. Мы видим, что в большинстве случаев толерантность представляют как мягкость, уступчивость, иногда даже как покорность и послушание, то есть сводят по существу к слабости. Такое свойство близко по своей природе к биологической толерантности, к восприимчивости внешнего воздействия. Принципиально иной является природа этической, культурной толерантности. Наибольшее значение имеют здесь сила, благородное мужество и мудрость. Кроме всего прочего это позволяет разделить характерную для истинной толерантности терпимость от терпения и терпеливости. В.А. Тишков в данной связи правильно отмечает, что терпение является характеристикой объекта, испытывающего на себе какое-либо негативное воздействие,

давление. В отличие от этого, терпимость – характеристика субъекта, выражающаяся в его «открытости и свободном мышлении»⁶.

Следует лишь добавить к этому, что существуют две разновидности терпения. Первая соотносима с выдержкой и стойкостью. Вторая – с вынужденной или благоразумной покорностью слабого и беспомощного в его отношениях с сильным. Не зря в социальной психологии такие состояния получили название выученной беспомощности⁷. По своему содержанию они близки в гораздо большей степени к состояниям безысходности, социальной апатии и покорности судьбе, а не к толерантности как таковой⁸.

Сверх того, толерантность, как тонко подмечено Г. Маркузе, может быть и репрессивной, консервирующей status quo фактического неравенства и дискриминации⁹, когда людей принуждают покорно, даже с благодарностью переносить тяготы несправедливого, униженного положения. В таких случаях она превращается в утонченную, циничную и потому наиболее отвратительную форму насилия или призыва к насилию. Поэтому человек, противостоящий репрессивной толерантности, обнаруживает свою нравственную силу. Назвать его нетерпимым означает совершить ошибку.

Подобные разъяснения призваны донести до сознания отдельных людей, а в конечном итоге и до массового сознания, истинное значение толерантности, позволяющее человеку сохранить уважение к самому себе, к своему личному достоинству. В повседневном взаимодействии человека с жизненной средой этические знания служат средством постоянного и действенного контроля и самоконтроля мышления и поведения.

Через представления о нравственном и безнравственном, приличном и неприличном, прекрасном и уродливом люди познают и оценивают все происходящее, выбирая на этой основе приемлемые формы поведения и стиля жизни. «Этика, – пишет известный английский философ Дж. Мур, – может нам сказать, какую из альтернатив, лежащих в границах нашего выбора, будет лучше выбрать»¹⁰. Она вооружает необходимыми для этого знаниями и навыками, помогает правильно построить отношения с миром, обрести ощущение радости и смысла бытия. С другой стороны, недостаток этических знаний или их отрицание имеют следствием различного рода неврозы, ощущение тревоги, опустошенности. Такому человеку трудно приспособить себя к окружению и окружение к самому себе. Отсюда целый букет негативных качеств: подозрительность, раздражительность и постоянное недовольство жизнью, озабоченность признанием своих заслуг и ревнивое отношение к успехам окружающих, унижительная зависимость от их покровительства и поддержки.

Преимущества этической рационализации жизненного мира неоспоримы. Исполняя, несмотря на внешние и внутренние препятствия то, к чему обязывает нравственный долг, этика, говоря словами И. Канта, учит тому, как стать достойными счастья¹¹.

2. Этика и эстетика

Этика включает в себя и эстетику – исторически сложившиеся представления о нравственном совершенстве личности и общества, о красоте окружающих вещей и предметов, о гармонии дикой природы и культурного ландшафта. Не зря у философов Древней Греции, например, у Платона, прекрасное является синонимом блага и справедливости, а безобразное синонимом постыдного, позорного. Одним из центральных в античной этике стало понятие калокагии, в котором первое слово *kalos* означает «прекрасный», а второе *agathos* «хороший», «нравственно совершенный».

Термин калокагия и сейчас используется учеными как указание на гармонию внешнего, физического, и внутреннего, нравственного, совершенства личности и общества. А в мировой литературе самым ярким и выразительным определением такой гармонии стали слова дяди Вани из одноименной пьесы А.П. Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Собственное совершенство выступает здесь как цель, которая является в то же время долгом, моральным императивом.

При этом на первый план выдвигается экологический дискурс калокагии, хотя странно, что он не стал предметом специальных исследований. Человеку предлагается такой способ существования, который доставляет наибольшее моральное и эстетическое удовлетворение и ему самому, и окружающим его людям. С другой стороны, все, что в нас самих и в нашем окружении представляется некрасивым, несовершенным, заставляя страдать, кажется одновременно постыдным, унижительным, несправедливым и побуждает к действиям, направленным на установление или восстановление нравственно-экологического порядка и равновесия. Моральный ущерб является неизбежным следствием эстетического ущерба.

Одним словом, эстетические чувства усиливают этические переживания, становятся дополнительным стимулом нравственных поступков. Во все времена люди считали, что в плане физического, эстетического, а стало быть, и психологического комфорта они заслуживают большего. Эта уверенность лежит в основе нравственного прогресса и творческой силы этики. Этико-эстетические представления побуждают людей изменять мир в соответствии с велениями ума и сердца, с представлениями о прекрасном – о культурном и моральном совершенстве личности и общества. Не зря Альберт Швейцер считал, что среди сил, формирующих действительность, нравственность является первой, сему, что нынешнее время не вполне оправданно выдвигает на первый план политические и экономические задачи¹².

Нет, следовательно, ничего удивительного в том, что в самом соотношении этического и эстетического первое выступает как цель, а

второе – как средство или способ ее достижения. При наличии очевидной связи между добром и прекрасным, необходимо вслед за Дж. Муром признать, что «прекрасное является элементом целого, которое есть добро само по себе»¹³. В самом деле, невозможно даже представить, чтобы благо было уродливым. В этом случае оно уже не является благом.

Таким образом, прекрасное становится способом существования или внутренним, смысловым стержнем нравственного. Эстетическим является сам механизм различения добра и зла, порока и добродетели. Это естественно и вполне объяснимо: мы отвергаем порок из чувства отвращения к нему как к чему-то безобразному, ужасному, уродливому. Эстетика нравственности, писал в данной связи И. Кант, придает моральной оценке чувственную форму¹⁴. А все, что приобретает форму эстетического переживания, заслуживает доверия, становится движущей силой бытия, морального мышления и поведения.

3. Мораль и нравственность: сторож снаружи и страж внутри

Возникновение этики связано с именем древнегреческого философа Аристотеля (384–322 до н.э.), учителя и воспитателя Александра Македонского. В основе этого термина лежит греческое слово *ethos* – этос, что означает «привычка, обычаи, нравы». В переводе на латинский язык, сделанном впервые римским оратором и мыслителем Цицероном, слову *ethos* соответствует *mores* и производные от него *moralis* – «моральный» и *moralitas* – «мораль». В русском языке в таком же значении используются термины «нравственный», «нравственность».

Как видим, понятия «этика», «нравственность», «мораль» в принципе совпадают. В обыденной речи, а зачастую в научной и научно-методической литературе они употребляются как синонимы. Однако в отечественной философии сложилась сверх того традиция различения этих понятий. Под этикой подразумевают теоретическое знание, науку, а под моралью и нравственностью – изучаемый этой наукой предмет – моральные нормы, моральное (нравственное) сознание и поведение. Это не значит, что подлинной реальностью этики являются лишь системы абстрактного знания, что это наука о том, что должно быть, а не о том, что на самом деле есть и бывает. Этика – наука о морали и, в определенной степени, элемент самой морали¹⁵. Несколько иначе говорит о том же известный французский философ Поль Рикёр. В его понимании этика является закрепленным в знаниях (осознанным) стремлением к совершенной жизни, а мораль – соединением этого стремления с нормами¹⁶.

Существует также условное, но очень важное с психологической точки зрения разграничение морали и нравственности.

Мораль – это заданные этикой конкретные правила и предписания поведения. Нравственность – внутренняя предрасположенность и потребность соблюдать эти правила. Мораль предстает как нечто внешнее, что необходимо знать, усваивать, соблюдать. Это материал для социализации, для воспитания. Вспомним, как формулируется И.А. Крыловым итог многих басен: «Мораль сей басни такова». Нравственность, в отличие от этого, лишена принуждения и назидательности. Она соотносима в большей степени с воспитанностью, со сложившейся системой моральных ценностей. В одном из пособий для учителя так и сказано: «Мораль – это сторож снаружи, а нравственность – страж внутри, наша совесть, наши нравственные устои. Мораль – это долг, ответственность перед другими, а совесть – это ответственность перед самим собой»¹⁷.

Это напоминает теорию австрийского психиатра Зигмунда Фрейда (1856–1939) о наличии трех сил, оказывающих воздействие на психику и поведение человека: Id – Оно, Ego – Я, Super Ego – Сверх-Я.

В понимании Фрейда Id – это совокупность биологических, естественных потребностей, настоятельно требующих своего, подчас немедленного, удовлетворения, подталкивающих к действиям в этом направлении. Таковы потребности в пище, в тепле, в продолжении рода.

Ego – принятые в обществе и усвоенные человеком правила морали и приличия. Моральные нормы упорядочивают, регламентируют человеческое поведение, ставят его в определенные рамки. Человек не может удовлетворять существующие потребности, как и когда ему захочется. Он обязан делать это в соответствии с общепринятыми правилами. По словам Фрейда, драма человеческого существования состоит в том, что нередко моральные нормы вступают в противоречие с возникшими желаниями, обязывая человека либо скрывать эти желания, либо навсегда или временно отказаться от их удовлетворения. Такое противоборство сил создает базу для психологического напряжения, подобно тому, как в представлении японцев природная стихия – ниньо – вступает в противоречие с социальными и моральными обязанностями – гири, порождая дилемму чувства и долга.

Наконец, Super-Ego – это тот самый «страж внутри», наша совесть, которая отслеживает поведение и образ жизни человека на предмет его соответствия принципам и нормам морали. Это внутренняя цензура поведения.

Станным образом итогом этих весьма оригинальных и правильных суждений стало в учении Фрейда отрицание морали как силы, которая, ограничивая возможности удовлетворения желаний, делает человека несчастным и является едва ли не главным источником психических расстройств. Такие умозаключения свойственны обыденному сознанию. А в философии особенно ярко проявились они в творчестве Ф. Ницше. С негодованием и сарказмом обрушился он на все самые главные моральные ценности (сострадание, скромность, совесть) как на предрассудки, соз-

дающие почву для трусости, малодушия, слабости, совращая человека и парализуя его волю к власти¹⁸.

Вот лишь несколько наиболее типичных для Ницше высказываний: «Моральность скромности способствует крайне вредному размягчению души». «Раскаиваться – значит прибавлять к совершенной глупости новую»; «Мерою силы должны служить большая или меньшая способность обходиться без добродетели»; «Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти ... сама жизнь есть воля к власти».

Ошибочность подобных взглядов блестяще показана в трудах Б.А. Кропоткина, А. Швейцера, К. Юнга, Э. Фромма, В. Франкла, А. Маслоу и др. На самом деле именно мораль многократно увеличивает жизненные силы и возможности человека и общества. Она придает их существованию отчетливо сознаваемый смысл и определенную направленность, что способствует эффективной внутренней организации и наиболее полной самореализации.

В сущности сила воли – это, прежде всего, нравственная сила. Она служит самым надежным гарантом удачного, успешного самораскрытия личности, общества, народа.

4. Этикет

К числу сил, формирующих действительность, относится, несомненно, и этикет – система принципов и норм общения, выражающих взаимное уважение и признание.

Это сложный социальный институт, который является важной составной частью морали. С одной стороны, он включает в себя понятийный аппарат поведения (старший, женщина, гость, улица, семья, родители, дети и т.д.), вокруг которого выстраиваются морально-нормативные предписания и запреты. А с другой – социально заданную технику общения, представленную в психике человека в виде знаний, умений, навыков вежливого, тактичного, уважительного обхождения с людьми. В быту этикет ассоциируется с правилами хорошего тона, с простыми нормами нравственности.

Благодаря этикету проявляются лучшие моральные качества человека – человеколюбие, почтительность, внимательность, чуткость, благожелательность, деликатность, скромность. Этикетное поведение вызывает у людей ощущение безопасного, хорошо организованного и этически выверенного социального пространства.

Однако глубокие нравственные, гуманистические основания этикета часто не принимаются в расчет. Практика показала, что не только в массовом сознании, но и в сознании ученых и учителей-практиков господствуют поверхностные представления об этикете как о механическом исполнении некоторого множества правил поведения в ти-

повых социальных ситуациях. Как связаны эти правила между собой, что именно является их содержанием, какой цели они служат? Такие и многие другие очень важные вопросы чаще всего даже не ставятся. Неудивительно, что в этих условиях разговор об этикете сводится к тому, как следует одеваться, здороваться, прощаться, просить прощения, накрыть стол, произнести тост и выпить.

Все это уже сотни раз повторялось в книгах, журналах, в газетах, в радио и телепередачах, что само по себе, конечно, очень важно и полезно. Но не следует забывать, что этикетное поведение не сводится к простой формальности или учтивости. Практически здесь нет мелочей, которыми можно было бы пренебречь без ущерба для человеческих отношений. К примеру, можно ли без повода и без последствий не ответить на приветствие человека или ответить непривычно холодно, не скрывая своей неприязни. Достаточно только представить чувства, испытываемые и субъектом, и объектом такого взаимодействия, чтобы осознать нравственную силу и социальную значимость правил хорошего тона. Конечно, подобные случаи нечасто встречаются в нашей жизни. Но что произойдет, если из повседневных контактов изъять, предположим, все приветствия, прощания, поздравления, извинения? Если изъять также этически значимые правила молчания, жестикологии, прикосновения, ношения одежды и т.п.? Мир человеческих связей и отношений рухнул бы в одночасье.

Правила этикетного поведения противостоят беспорядку и культурной неразберихе, обеспечивают преемственность социальных связей, отношений, практик, поддерживают в обществе необходимый для динамичного развития уровень нравственной гигиены и дисциплины. С их помощью устанавливаются крепкие социальные связи – дружеские, служебные, родственные. Основное назначение этикета – упорядочение отношений, облегчение контактов, создание в обществе, в группе, в каждой конкретной жизненной ситуации понятной и приятной, духовно-нравственной обстановки и атмосферы.

Именно так определяли значение этикета в древнем Китае. Правила взаимного обхождения были возведены здесь в ранг правительственных постановлений. Нечто подобное имело место в России в эпоху Петра I, реформы которого касались и этикета. В 1717 году по распоряжению Петра I была издана книга «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению, собранного от разных авторов». В ней содержались советы и наставления, важные для развития культуры общения, для создания благоприятной жизненной среды:

- забота о покое окружающих: не нарушать тишины своими действиями, словами;*
- терпимость к иным мнениям и вкусам, не допускать унижения человека;*

- умение выслушать говорящего, не перебивать его и проявлять интерес к его мнению;*
- внимание к собеседнику – стремиться больше спрашивать и слушать, чем говорить самому, не навязывать ему тему разговора о себе как самую интересную;*
- стремление помочь, не требуя благодарности, какую важную услугу вы ни оказали. Покажите, что вы сделали это с удовольствием, без расчета на ответный шаг;*
- забота о своем внешнем виде: что неряшливость и невнимательность к себе есть форма неуважения и к другим людям, пренебрежение их мнениями;*
- стремление не привлекать к себе внимания экстравагантностью внешнего вида.*

Аналогично этому в Японии в течение нескольких столетий с XIV по XIX век действовали специальные, учрежденные верховной властью школы этикета, в которых молодежь обучалась правилам поведения в обществе. Даже в новейшее время, уже в 1943 году, в Японии создавались специальные комитеты, раскрывающие все, что связано с этикетом, с его местом в жизни общества. Показательно, что возглавлял эти комитеты сам министр образования, составивший брошюру под названием «Элементы этикета»¹⁹.

Содержание этикета и его место в социальной жизни той или иной общности определяются конкретно-историческими условиями ее развития. В обществах с сильно выраженной тенденцией к групповому единству, т.е. замкнутых, малоподвижных, минимально подверженных влиянию со стороны, этикет почти всецело, до деталей, до мелочей определяет форму поведения: «Способ, каким человек должен питаться, одеваться в каждом обстоятельстве, жесты, которые он должен производить, определены с точностью»²⁰. Одновременно развивается прямо противоположная ей тенденция генерализации, упрощения этикета, правила поведения «теряют в ясности и точности. Они регламентируют их весьма общим образом, говоря, что должно быть сделано, а не как это должно быть сделано»²¹. Этикет все более и более лишается избыточности, детализации и точности. Это не означает, конечно, что открывается перспектива взаимодействия людей без этикета. Такое общество нельзя себе даже представить. В повседневном общении многие этикетные формы поведения являются наиболее простыми, экономичными способами реагирования на ситуацию. Отказаться от этих удобств было бы само по себе неразумно, не говоря уже о ценности представленного в них этического и эстетического содержания. Благодаря соблюдению правил этикета наши действия и оценки в общении становятся более точными и согласованными. Кроме того, полуавтоматическое порождение и восприятие формул вежливости, как было сказано, освобождает мозг для решения других, более сложных задач, возникающих в ходе общения. А это тоже немало.

Но нам могут возразить, что при этом взаимодействие людей становится безжизненным, шаблонным, в нем не выявляется их индивидуальность. Что можно сказать по этому поводу? В самом деле, в этикетном поведении реакции людей предопределены и нередко настолько формализованы, что истинные побуждения или эмоциональные состояния участников коммуникации могут отойти на задний план. Ориентированность общения здесь не столько личностная, сколько социальная. Приветственные улыбки, поздравления, выражения благодарности, пожелания и многие другие акты общения превращаются порой в необходимость и нередко в тягостную. Поэтому до некоторой степени прав Т. Шибутани, отмечая, что «вежливость – это способ скрывать свою личность»²².

Но и в этом, согласитесь, есть свой резон. Этикет помогает сохранять личную определенность и автономность не в ущерб элементарной вежливости. Будучи одной из сторон нравственной культуры личности и общества, этикет связывает воедино форму (технику) и традиционное содержание, мотивировку общения. Тем самым он задает определенное направление развитию личности, формирует, организует ее. Заключение в этикете почтительное отношение к окружающим сглаживает противоречия, создает необходимую базу для плодотворного сотрудничества. Вполне естественно, что человек хочет знать, как вести себя в различных, в том числе и в новых для него ситуациях. Знание и исполнение правил этикета нужно ему для того, чтобы произвести на людей хорошее впечатление, вызвать у них симпатию, желание увидеться вновь.

Во все времена это отвечало потребностям общественной жизни. Чем больше этикетное поведение распространяется на сферу повседневности, тем выше развитие культуры общества. А высокая культура, в свою очередь, является основой экономического процветания. Этикет – это социальный капитал, который позволяет человеку и обществу в полной мере реализовать свои творческие силы и возможности.

5. Моральное сознание

Важно дать пригодное для практического использования предельно ясное и точное определение данного понятия. Руководствуясь этими соображениями, я определяю моральное сознание как основанное на этических знаниях переживание необходимости и готовности нравственного мышления и действия.

Сфера морального сознания и понимания, как показано ранее, представлена сложнейшей системой моральных понятий и суждений, ориентированных на этическую рационализацию мира. В длинном списке моральных понятий, которыми оперирует наше сознание: добродетель и порок,

верность и предательство, благодарность и неблагодарность, сердечность и черствость, тактичность и бестактность, терпимость и нетерпимость, скромность и заносчивость... В самом противопоставлении этих категорий присутствует оценка, помогающая человеку отличить нравственное от безнравственного. Лексика любого естественного языка, точнее, ее концептуальная база, является определенной моделью нравственности, системой способов этической рационализации мира.

Существует также огромный пласт моральных норм и развернутых моральных оценок, запечатленный в афоризмах, пословицах, притчах, этических рассказах, баснях, в кодексах поведения. Они составляют моральный опыт каждого народа и человечества в целом. И этот опыт не только постоянно используется, но и обогащается, оттачивается людьми, способствуя развитию морального сознания и понимания. Мир предстает перед нами в этическом измерении.

Например, почти у всех народов мира в той или иной форме представлено «золотое правило нравственности», которое гласит: «Не делай другим того, что не желаешь себе». Так сказал живший еще в VI–V вв. до н.э. китайский философ Конфуций. И с тех пор норма взаимности остается в центре всех этических учений. Но в начале прошлого века английский писатель и драматург Бернард Шоу со свойственным ему остроумием и сарказмом отреагировал на это суждение следующим образом: «Не желайте другим того, что желаете самому себе, у вас могут оказаться разные вкусы».

Причина и сама природа заочного и, казалось бы, шуточного спора Бернарда Шоу с Конфуцием гораздо глубже и серьезней, чем может показаться на первый взгляд. Высказывание знаменитого писателя служит напоминанием о том, что у разных людей и сообществ имеются свои, не вполне совпадающие представления о благе, о нравственном долге и совершенстве. В современной этнологии на этой основе сложилось целое направление под названием культурного релятивизма или культурной относительности. Релятивисты делают акцент на различиях между культурами, в том числе и на различиях в представлениях о моральном и аморальном. Антирелятивисты не делают такого акцента. Они концентрируют внимание либо на похожем в нравственном сознании и поведении людей, либо на универсальном.

Это не значит, что в антропологии и этике существуют две кардинально различные точки зрения. Истина находится здесь, как и во всяком другом сложном вопросе, где-то посередине. Признавая общее, универсальное в нравственном опыте человечества, мы не можем отвергать различия в отношениях к тем или иным конкретным, частным фактам социальной жизни. Показателен следующий рассказ из «Бесед и высказываний» Конфуция:

Е-гун сказал Кун-цзы: «У нас есть прямой человек. Когда его отец украл барана, сын выступил свидетелем против отца». Кун-цзы сказал: «Прямые люди у нас отличаются от ваших. Отцы скрывают ошибки сыновей, а сыновья покрывают ошибки отцов, в этом и состоит прямота»²³.

Хорошо отобразил Конфуций и условность, недостижимость провозглашенного им идеала взаимности в отношениях между людьми. Когда один из его учеников по имени Цзы-гун (Дуаньму Сы) сказал, что, следуя золотому правилу, он не хочет делать другим того, чего не хочет, чтобы делали ему, Конфуций ответил: «Этого добиться невозможно»²⁴. Тем самым подчеркивается, что моральному совершенству нет предела, между нравственным идеалом и реальностью человеческого существования, между должным и сущим в моральном сознании и поведении есть некоторая дистанция.

С одной стороны, это дистанция, которую не удастся преодолеть в полной мере, так как идеал нравственного совершенства недостижим. С другой стороны, перед нами поле свободного выбора, открывающее возможность по-своему интерпретировать принципы этики, формировать собственную шкалу моральных ценностей и приоритетов, не всегда совпадающую с той, что задана обществом или определенной – большой или малой – группой. Обычно в этой связи говорят о моральной автономности личности. Но я предпочитаю говорить об индивидуальном моральном коде, который лежит в основе индивидуально своеобразного стиля морального мышления и поведения.

Каждый человек живет, постоянно снимая противоречие между социальной заданностью моральных принципов и норм и конкретными условиями решения нравственных задач. В зависимости от того, как и насколько это ему удастся, мы судим о его моральных и волевых свойствах. Что же касается этики, то она помогает или пытается помочь человеку в решении нравственных задач. Например, она учит тому, чтобы в ситуации морального выбора частное не подменялось общественным. В недавнем советском прошлом к этому подталкивала, либо принуждала в массовом порядке, большевистская идеология.

Среди наиболее известных примеров такой подмены можно назвать поступки Павлика Морозова и Сталина. Первый выдал властям своего отца-кулака, а второй, если верить свидетельствам очевидцев, пожертвовал жизнью своего сына ради патетической фразы: «Я маршалов на рядовых не меняю».

6. Антропология, антропономия и педагогика морали

Вскользь брошенные И. Кантом высказывания об антропологии и антропономии морали не были по достоинству оценены²⁵. Между тем их эвристическая значимость необычайно велика и на этом следует остановиться подробно.

Насколько мы понимаем, антропология морали – это данная в опыте реальность нравственной жизни, нравственного состояния человека

и общества. Мы видим и отмечаем для себя, что есть хорошие, надежные люди, с твердыми моральными устоями и установками. И есть плохие люди – сбившиеся с нравственного пути. Знаем, что можно ожидать от тех и других. В сложном и во многом непредсказуемом мире жизненных связей и отношений это ценный опыт, который помогает нам правильно построить отношения со своим социальным окружением, не допуская досадных ошибок и промахов. Если все же ошибаемся в своих суждениях и оценках, то пытаемся исправить эти ошибки, учимся на них, передавая свой, в том числе и горький, опыт нашим друзьям, близким, ученикам.

Вместе с тем, мы отмечаем, что нередко по разным причинам и сами нарушаем принципы и нормы морали. Испытываем в этой связи неловкость, чувство вины, угрызения совести. Не будет преувеличением сказать, что значительная часть наших чувств и переживаний удовольствия и неудовольствия относится к числу моральных. Всякую ошибку или неудачу мы воспринимаем чаще всего как этическую, а всякую победу как моральную.

И все подобного рода факты и отношения относятся, так или иначе, к сфере антропологии морали. В процессе взаимодействия с миром формируется опыт, который является отражением реальности нравственной жизни. Опыт, который подсказывает, что и человек, и общество в целом несовершенны, что по разным причинам нравственный идеал недостижим или почти недостижим.

Но это не значит, что его нет, что можно отрицать существование нравственных принципов и правил, которые, по словам И. Канта, «устанавливаются законодательствующим разумом». Антропономия морали – тоже реальность нашей жизни, хотя и несколько иная, чем антропология морали. Это реальность идеала, которая руководит поведением человека и общества и признается как высшая цель и высшее благо. Обычно именно она и представлена в разных системах этики. Антропономия морали – это система исторически сложившихся принципов и правил нравственно аргументированного мышления и поведения, своего рода программа этической рационализации мира. Смысловую доминанту данного понятия составляет элемент «номос», ассоциирующийся с нормой, предписанием, законом.

После этих разъяснений легче представить смысл и назначение педагогики морали.

В нашем понимании, она наводит мосты между антропономией и антропологией морали, между этическими учениями и нравственным сознанием. Педагогика морали – сложная и многогранная деятельность, направленная на обеспечение эффективного взаимодействия этики с процессами нравственного мышления и поведения. Роль учителя в этом процессе очень велика. И дело не только в знаниях. Яркость, оригинальность, интеллектуальная смелость педагога, транслятора этических знаний имеют колоссальное значение, хотя столь же велика значимость содержания, конкретных методов и приемов нравственного воспитания.

7. Принципиальное единство светской и религиозной этики

Возраст морального знания и поведения столь же велик, как и возраст человечества. Фактически именно мораль, выполняя демиургическую функцию, создает и постоянно воссоздает человека и общество. Но то же самое относится и к религии. Она закрепляет, укрепляет, совершенствует элементы морального сознания и поведения – через авторитет высшего существа, через веру в могущество и справедливость Создателя, который сполна воздаст людям за все их благодеяния и грехи.

Одним словом, в основе светской и религиозной этики лежит одна и та же основополагающая идея – идея различения добродетели и порока. Вот почему главные заповеди религиозной этики совпадают в основных чертах с предписаниями светской этики. Таковы, например, десять заповедей христианской религии: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй... Точно также и в буддизме каждому верующему вменяется в долг достижение благих, нравственно полноценных состояний сознания через отрицание качеств, препятствующих этому – неалчность (алобха), невраждебность (адвеша), неневежество (амоха) и т.д.²⁶

Но в случае с религией целью морального мышления и поведения является высшее существо и его благосклонность. Обычно для обоснования принципов этики религия применяет метод дедукции и отсюда используемые, например, в исламе умозаключения типа: «Не войти вам в рай, пока не уверуете, а не уверуете вы до тех пор, пока не станете любить друг друга, так не указать ли Вам на то, благодаря чему вы полюбите друг друга, если станете делать это?! Приветствуйте друг друга часто!»²⁷.

Основополагающие принципы человеколюбия и почтительности (приветливости) предстают здесь как составные части и способы формирования религиозного сознания, конечной целью которого является Создатель и вера в Создателя. Этой цели – цели приближения к Богу – подчинены все – самые сложные и самые простые нормы нравственности. Не случайно во внутренней форме большинства известных во всем мире приветственных, прощальных, поздравительных, благодарственных пожеланий содержится имя Создателя. Русское «спасибо», например, происходит из пожелания или мольбы «Спаси тебя бог». Забота о другом человеке ставится в православии, как и в любой другой религии, на первое место и рассматривается как забота и о самом себе, о спасении собственной души.

Вообще, в обосновании и интерпретации многих моральных понятий религиозная этика идет дальше, чем светская этика. Например, в православии и буддизме большое значение придается состоянию душевного покоя и подчеркивается, что оно достигается не победами над противниками, не терпением и самообладанием, а кротостью, смирением, послушанием. Это свидетельствует о том, что религиозная этика

не только укрепляет, придает необходимую жизненную силу и энергию светской этике, но и развивает, совершенствует ее.

Приведу еще один пример, наглядно демонстрирующий различия между светской и религиозной этикой. Человек оскорбил, унизил другого человека и раскаивается в этом. Как в этом случае поступит или должен поступить он, руководствуясь светской этикой, знают все. Оскорбивший пойдет к оскорбленному, расскажет ему о своем раскаянии, извинится, успокоит тем самым и обиженного им человека, и свою совесть. Верующий человек поступит точно так же. Но дополнительно к этому он обязан сообщить об этом Создателю. По характеру эти сообщения могут быть самыми разными: от просьбы в прощении до мольбы об особой благосклонности к тому, кто был незаслуженно оскорблен. К примеру, у мусульман рекомендуется обращаться к Аллаху со словами: «О Аллах, кого бы из верующих не оскорбил я, сделай это для него средством приближения к тебе в день Воскресенья»²⁸. Это, как мы видим, особая, утонченная форма раскаяния.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что различия между светской и религиозной этикой не могут поколебать тезис об их принципиальном единстве. В светской этике нравственное отграничивается от безнравственного и поддерживается в сознании и поведении людей силой общественного мнения, без ссылок на авторитет Создателя. В религиозной этике в ходе решения всех сколько-нибудь значимых нравственных задач большое значение придается общению с Богом (прямому или через посредников), что, однако, не отменяет использование в этом процессе основных принципов и правил светской этики.

У каждого народа выкристаллизовывается созвучная его ментальности и образу жизни светская и религиозная этика. И та, и другая являются достоянием всех членов общества, своего рода intersubjective реальностью, которая организует повседневные контакты, стабильность и предсказуемость человеческих связей и отношений. Ценность светской этики в том, что она создает в обществе атмосферу благожелательности, согласия, взаимопонимания. Ценность этики религиозной в укреплении и внутренней организации нравственного сознания и поведения через авторитет Бога, апостолов, пророков, святых. Согласно религиозным учениям от Бога исходит наиболее глубокое и тонкое, истинное понимание добра и зла.

Таким образом, принципиальное единство светской и религиозной этики неоспоримо. Основой и способом их существования и функционирования является нравственность, в том числе и закрепленные в этикете простые нормы нравственности.

Примечания

- ¹ Законы Ману. М., 1960.
- ² От бытия до откровения. Пятикнижие Моисеево. М., 1993.
- ³ Франклин Б. Автобиография // Франклин Б. Избр. соч. М., 1956. С.482–483.
- ⁴ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998. С. 293.
- ⁵ Сведенсон Л. Философия зла. М., 2008. С. 129.
- ⁶ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 258.
- ⁷ См. об этом: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. С.112–134.
- ⁸ Э.Фромм пишет в данной связи о людях с так называемой «рецептивной ориентацией», у которых бесправное положение, постоянная необходимость приспосабливаться и нравиться порождают чувство беспомощности. См.: Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 73.
- ⁹ Marcuse H. Repressive tolerance // A critique of pure tolerance. London, 1971. P. 136.
- ¹⁰ Мур Дж. Принципы этики. М., 1984. С. 237–238.
- ¹¹ Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 65.
- ¹² Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 115.
- ¹³ Мур Дж. Указ. соч. С. 296.
- ¹⁴ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 342.
- ¹⁵ Гусейнов А.А. Введение в этику. М., 1985. С. 2.
- ¹⁶ Рикёр П. Я – сам как другой. М., 2008. С. 205.
- ¹⁷ Голованов В.П. Методика и технология работы педагога дополнительного образования. М., 2004. С. 145.
- ¹⁸ Ницше Ф. Воля к власти. М., 1995; Он же: Утренняя заря или мысль о моральных предрассудках. Минск, 1998.
- ¹⁹ Nakajima B. Japanese etiquette. Tokyo, 1955. P. 3.
- ²⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 231.
- ²¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 231.
- ²² Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 308.
- ²³ Древнекитайская философия. М., 1972. С. 163.
- ²⁴ Указ. соч. С. 150.
- ²⁵ Кант И. Метафизика нравов. С. 341.
- ²⁶ Классическая буддийская философия. М., 1999. С. 101.
- ²⁷ Крепость мусульманина. Из слов поминания Аллаха, встречающихся в Коране и сунне. Майкоп, 2007.
- ²⁸ Крепость Мусульманина. С. 201.

Глава 2

Нравственные принципы

1. Природа и функции нравственных принципов

Существуют различные системы этики: этика Древней Греции, этика индуизма, конфуцианская этика... Каждая из них предлагает свою модель нравственности, выдвигая на первый план ограниченное число ключевых, всеохватывающих понятий: справедливость, человечность, почтительность, мудрость и т.п. Такие понятия получают статус нравственных принципов или законов, на которых держится здание этики.

Все другие частные моральные понятия группируются вокруг нравственных законов, выполняя функции их внутреннего оправдания и аргументации. К примеру, человечность как нравственный принцип или закон опирается на такие понятия, как сострадание, чуткость, внимательность, готовность простить или помочь. Нравственный закон почтительности реализуется через уважение, деликатность, скромность, послушание, тактичность, благоговейное отношение к миру.

Моральные принципы – это закрепленные в нравственном сознании и опыте важнейшие моральные обязанности, являющиеся мотивами нравственных поступков.

В различных системах этики, как сказано, используется различный набор моральных законов. В Древней Греции к числу главных моральных принципов (кардинальных добродетелей) относили мужество, мудрость, справедливость. В конфуцианской этике, распространенной в Китае и Японии, выделяются пять так называемых постоянств: 1) человечность, 2) справедливость, 3) благопристойность, 4) мудрость, 5) честность¹. Христианская этика ставит на первое место веру, надежду, милосердие. Среди важнейших моральных принципов, выдвигаемых традиционной индийской философией: ахимса – непричинение вреда живому, астея – освобождение от жадности и воровства, апариграха – отказ от даров, загрязняющих душу, и т.д.

Собственную модель нравственности предлагают иногда философы-моралисты. Например, известный русский философ XIX в. В.С. Соло-

вьев выдвинул идею трех главных добродетелей: стыд, жалость, благоговение².

В основе модели, предложенной немецко-французским мыслителем А. Швейцером (1875–1965), лежит ценность жизни как таковой, и отсюда выводит он один единственный и всеохватывающий нравственный закон – «благоговение перед жизнью», напоминающий принцип ахимсы (непричинения вреда живому) в индийской философии. Раскрывая сущность и направленность данного закона, Швейцер пишет: «Поистине нравственен человек только тогда, когда он повинуетя внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-нибудь вред»³.

С законом благоговения перед жизнью перекликается принцип ответственности, предложенный немецко-американским философом Г. Йонасом⁴. Классикой современной теории морали стала концепция социальной справедливости Дж. Ролза⁵. Многие современные философы в качестве ключевого морального понятия выдвигают уважение (почтительность). «Всякая мораль, – пишет, к примеру, Н. Луман, – касается в конечном итоге вопроса о том, уважают люди друг друга и при каких условиях. Под уважением (esteem, esteem) следует понимать генерализованное признание и почтение, которым вознаграждается то, что другой соответствует ожиданиям»⁶. Вследствие этого и мораль той или иной конкретной общности определяется как совокупность условий или критериев, в соответствии с которыми в данной общности принимается решение об уважении и неуважении.

Учитывая, что в настоящее время нужна новая всеобщая этика, максимально приближенная к наиболее острым проблемам, вставшим перед человечеством, выдвигаются кроме того различные модели так называемой глобальной этики. К примеру, немецкий религиозный философ Х. Кюнг сформулировал вместе с коллегами четыре неизменные директивы по созданию глобальной этики:

- 1) создание культуры, отрицающей насилие и признающей жизнь высочайшей ценностью;
- 2) культуры солидарности и справедливого экономического порядка;
- 3) культуры терпимости и жизни, основанной на правдивости;
- 4) культуры равных прав и партнерства между мужчинами и женщинами⁷.

Речь идет, как мы видим, о главных, универсальных законах, которые в той или иной комбинации повторяются в различных системах этики. Ценность этих законов состоит в том, что они закрепляют в нравственном опыте важнейшие моральные обязанности. С другой стороны, они служат обозначениями сложившихся в процессе воспитания постоянных состояний сознания: человечности, щедрости, справедливости, почтительности, разумности и т.д. Иными словами, это добродетели, которые еще Аристотель называл «привычными склонностями» к со-

вершению нравственных поступков. Моральные принципы вырастают в сознание человека как социальная обязанность, как долг и, таким образом, определяют и делают необходимым все наше поведение.

Известно, что способы (средства, приемы) реализации каждого морального принципа весьма многообразны. Они зависят от индивидуальных особенностей человека, от условий и обстоятельств конкретной жизненной ситуации, от сложившихся в данном обществе традиций нравственного мышления и поведения. Но нас интересуют сейчас не столько различия в средствах реализации моральных законов, сколько сама сущность и этическая аргументация этих принципов, выраженная в доступной для каждого человека универсальной моральной грамматике⁸.

Об этом в дальнейшем и пойдет речь. Мы сосредоточимся на анализе пяти моральных законов, которые наиболее часто встречаются в системах светской этики и отражают все самое главное и лучшее, что отложилось в нравственном опыте человечества. Таковы, в нашем понимании, человечность, почтительность, разумность, мужество, честь. Между этими законами устанавливаются хорошо отработанные функциональные связи, в том смысле, что каждый из них поддерживает, усиливает, а в известном смысле и представляет систему этики в целом.

И все же основное содержание, весь пафос этики сконцентрированы в принципе человечности. Другие принципы, сохраняя относительную самостоятельность, имеют смысл только как средства наиболее полной, точной и успешной реализации установок человеколюбия. Почтительность обеспечивает благожелательность и уважение в контактах с миром; мужество организует и мобилизует усилия, необходимые для достижения нравственных целей; за разумом закреплена роль интеллектуальной цензуры поведения; за честью – чувственно-эмоциональной.

2. Человечность

Человечность – система позитивных, объединяющих чувств и реакций: симпатии, понимания, сочувствия. В своих высших проявлениях она включает в себя осознанное, доброе и непредвзятое отношение не только к людям, но и к природе, к животному и растительному миру, к культурному наследию человечества. Это носящая надживотный характер способность и готовность индивида перенести естественную любовь к самому себе и к своим близким на других людей, на весь окружающий мир.

Любить другого человека означает видеть его хорошим, не придавая самодовлеющего значения плохому. В основе такой установки лежит общий для всех народов взгляд на человека как на светлое, доброе существо, способное понять, помочь, простить. Поэтому мизантропию – че-

людей коневенниство – воспринимают как опасную аномалию. Того, кто не любит других людей, не видит, не замечает в них хорошего, не считают человеком в собственном смысле слова. Существует общая для жителей нашей планеты обязанность: в любых, даже самых сложных ситуациях, оставаться человеком. И отсюда представления о необходимости вести себя в соответствии с нравственной ступенью, на которую поднимались люди в процессе эволюции. «Если ты человек, то води себя как человек» – такова универсальная формула морально-антропологической идентичности.

Долг человечности – доброе и деятельное участие во всем, что происходит вокруг. Верности и соответствия самому себе, своей социальной природе. Нельзя считать кого-либо человеческим лишь потому, что он не причиняет никому вреда. Человечность как свойство личности складывается из повседневного альтруизма, из таких актов, как понимание, выручка, услуга, уступка, одолжение. Это способность войти в положение других людей, помочь им хотя бы добрым советом и словами участия. Ведь ситуации, когда люди нуждаются в такой – чисто моральной – поддержке, не так уж редки. Иногда посочувствовать – все равно, что помочь делом.

Проявления человечности в повседневной жизни создают атмосферу взаимной поддержки и выручки, поддерживают в людях чувство защищенности и уверенности в себе, в том, что в трудную минуту они могут рассчитывать на сочувствие и помощь окружающих. На этой почве развивается социальное ожидание любви и понимания, которое у некоторых народов имеет специальные обозначения. Например, у японцев в этом качестве используется категория амае, у адыгских народов Кавказа категория хатыр.

Эмпатия. Питательной внутренней «средой» человеколюбия является, как уже сказано, свойственной человеческой природе соучастие, сострадание, сопереживание. Говоря языком психологии, это эмпатия, под которой подразумевают «способность проникать в психику другого человека, сочувствовать ему и принимать его чувства в расчет»⁹. Эмпатию характеризуют как «теплое» вхождение в роль другого человека, в отличие от «холодного вхождения», когда оно не сопровождается сочувствием и доброжелательностью¹⁰. В соответствии с идеей и общей направленностью человечности «участливость» следует оценивать как моральную обязанность и важное нравственное качество личности, противоположное таким свойствам, как черствость, бессердечность, нравственная глухота.

Чуткость. В сложной палитре моральных понятий и чувств, из которых складывается человеколюбие, особое место занимает чуткость. Как одна из черт характера личности, чуткость представляет собой сплав нравственного внимания, нравственной памяти и нравственного понимания.

Нравственное внимание – это этический интерес или особая форма любознательности или пытливости, способность выявить, распознать

переживания или состояния человека и по-доброму, по-человечески отреагировать на них. Простого наблюдения для этого недостаточно. Требуется нравственно мотивированное, «сердечное» внимание. Не зря говорят, что глаза смотрят и видят, но по-настоящему распознает и выделяет радость или печаль другого человека именно сердце или душа. Нравственное внимание задает определенный тон, определенное, этически выверенное направление внешнего внимания, способствует формированию особого типа личности – тонко чувствующего переживания людей. К проявлениям нравственного или позитивного внимания относятся используемые в общении расспросы о здоровье, поздравления с радостным событием, соболезнования, всякого рода предупредительные жесты, движения, действия. Во всех случаях это забота о других людях, приятное и лестное для них свидетельство их значимости.

То же самое относится и к нравственной памяти. Существенным признаком памяти вообще является, как известно, ее избирательность. Что же касается нравственного воспоминания, то оно избирательно, прежде всего, в том смысле, что извлекает из архивов памяти материал, который предрасполагает к добрым поступкам. Например, таков поступок человека, который навестит с подарками забытого всеми старого учителя или ветерана войны.

Так же, как и в случае с нравственным вниманием, здесь на первый план выдвигается нравственная валентность памяти, ее готовность воспроизводить этически значимые факты и отношения прошлого, чтобы, опираясь на забытую или игнорируемую другими информацию, откликнуться на чужую радость, боль или печаль каким-либо неожиданным, неординарным жестом участия. Это положительное свойство, противоположное нравственной амнезии как отрицательному свойству. Человек, обладающий нравственной памятью, добр, чуток, и в то же время находчив, предупредителен. Значительную часть информации, необходимой для нравственного мышления и поведения, он черпает в событиях и ситуациях прошлого, которые внешне никак не связаны с текущим моментом. Только по этическим соображениям они становятся актуальными в данное время. И, кстати, чем дальше в глубь прошлого проникает нравственная память, тем больше ценится базирующаяся на этом активность.

Каждый день перед человеком встает вопрос, что именно следует вспомнить, чтобы наилучшим образом, этически грамотно отреагировать на ту или иную ситуацию. Это требует и определенной мыслительной работы: мышление определяет, когда и что необходимо вспомнить. Кроме того, именно мышление или акты нравственного понимания доводят процесс нравственных исканий до своего логического конца, до установления всех нюансов доброго и злого. Отсюда выражения «понимающий человек», «человек с пониманием», то есть умный, проницательный и от-

ветственный. способный по моральным человеколюбивым соображениям не только любить, но и ненавидеть, о чем говорил еще Конфуций¹¹. В последующем, в связи с анализом принципа разумности, мы еще вернемся к этим, безусловно, очень важным положениям моральной философии.

Благодарность. Как черта характера и привычка этически грамотно реагировать на помощь или услугу, благодарность является важной составной частью человечности. Это проявление внимательности, чуткости, благородства, свидетельствующее о том, что доброе отношение замечено, принято, по достоинству оценено. В суете повседневных дел и забот люди забывают о том, высказаны ли в необходимых случаях слова признательности, а иногда и намеренно действуют так, словно ничем не обязаны другим за их помощь и поддержку. Между тем, человек, сколько бы он это не отрицал, нуждается в благодарности. Для самоуважения, для позитивной самооценки. Недаром сказано: «Мы ни за что не бываем так благодарны, как за благодарность»¹².

Благодарность предполагает готовность ответить добром на добро, любовью на любовь, уважением на уважение. Неблагодарность разрушает эту гармонию и наносит ощутимый удар устоям морали. Поэтому ни одно сколько-нибудь значимое доброе дело, слово, побуждение не должно остаться без внимания, без нравственного отклика.

Благодарность, как мы видим, не просто «достраивает» здание человечности, она раздвигает горизонты человеколюбия, выступая в роли «пружины», которая накапливает необходимую духовно-нравственную энергию, приводит в действие механизм новых благодеяний. Если благодарность выпадет из системы морали, человечность потеряет неизбежно значительную часть своей внутренней силы и энергии. В конечном итоге это может настолько ослабить мотивацию человеколюбивых поступков, что станет равносильно уничтожению морали. И. Кант не зря подчеркивал, что на благодарности лежит печать особой ответственности, ответственности за состояние и судьбу морали в целом, ср.: «Благодарность следует еще рассматривать как священный долг, то есть долг, нарушение которого (как позорный пример) может в самом принципе уничтожить моральный мотив благодеяния»¹³.

В самом деле, сколько бы мы ни отвергали желание заслужить благодарность или славу, сознание, что совершаемые нами благородные поступки никем и никогда не будут поняты, оценены, признаны, что в конечном итоге они не ведут к добру, не способствует утверждению человеколюбия. Более того, на этой почве формируется отрицание человеколюбия. Мизантропия как философия жизни является реакцией на реальное или мнимое непонимание, непризнание и неблагодарность окружающих.

Парадокс заключается, однако же, в том, что этика обязывает совершать добрые дела, не рассчитывая на благодарность, – чтобы не

снизить, не уничтожить этим нравственную ценность поступка. «Сделай добро и забудь об этом», – говорят в данной связи. Оказав кому-либо помощь, недостойно жаловаться на то, что тебя за это не поблагодарили, что ты зря потратил время, силы, средства; неприлично напоминать человеку об оказанных ему услугах, говорить об этом с упреком или с сожалением. Даже в разговоре с третьими лицами нужно избегать сообщений о своих благодеяниях.

Возникает, одним словом, нравственная коллизия – своего рода антиномия благородного самопожертвования и ожидания благодарности.

Такое противоречие затрагивает основы внутреннего мира личности и требует своего разрешения. Отсюда стратегия распределения и перераспределения объема и содержания нравственной памяти: рекомендуется вытеснять информацию о собственных добрых делах и не забывать о добрых делах других людей, и, прежде всего, об услугах, оказанных вам лично. В конечном итоге все сводится к тому, чтобы каждый знал, помнил и соответствующим образом исполнял свой долг человечности и благодарности, по возможности сконцентрировался на добром отношении к нему окружающих, а не на том, в какой мере и форме находят признание его собственные дела.

3. Почтительность

Обычно почтительность ассоциируется с вежливостью, благожелательностью, учтивостью, хорошими манерами, что в целом правильно отражает сущность данного морального принципа.

Но философское осмысление почтительности шире обыденного. В этом понятии заключено уважительное, благоговейное, поэтическое отношение к миру как к чуду, бесценному, божественному дару. Принцип почтительности обязывает относиться так к людям, вещам, явлениям природы, не отвергая, не уничтожая, а с благодарностью принимая все лучшее, что есть и появляется в нашей жизни. На этой почве еще в древности сформировались разного рода культы: культ деревьев, культ железа, культ животных, культ небесных светил. Фактически они отражали благоговейное отношение к мирозданию, малой частью которого является каждый отдельный человек, призванный стать полезным звеном мира. Так, как это сказано в известных стихах Заболоцкого:

*Звено в звено и форма в форму
Мир во всей его живой архитектуре
Орган поющий, море труб клavier.*

В русской культурной традиции такое отношение к миру закреплено в понятии «благочестия». У китайцев аналогом благочестия является

категория «ли». На Кавказе, в Средней и Малой Азии в этом качестве используется термин «намус», которое восходит к греческому *nomos* – «закон». Это слово произносят с благоговением, как волшебное, обладающее большой нравственной силой. Намус – зачаток великих тайн и эпитет пророка Джабраила (Гавриила). В каждой культуре термин «намус» обрывает новыми значениями. К примеру, жители Ирана используют его для обозначения чистоты, целомудрия, женской чести, а также в значении «принцип», «правило», «закон», «закон природы».

Как совокупность личностных свойств, почтительность побуждает к суждениям и поступкам, символизирующим бережное, заботливое, уважительное отношение, и тормозит, отменяет действия, способные унижить, принизить значимость чего-либо или кого-либо. Стыдно и недостойно принижать труд дворника, уборщика мусора, лифтера. Стыдно и неразумно ломать скамейки в сквере, уничтожать памятники культуры, вырубать леса, загрязнять водоемы. Всякое нарушение социального, экологического равновесия и порядка предосудительно, вредно, безнравственно. Непочтительное отношение к тому, что создано умом и руками человека, бессмысленное разрушение культурных, материальных ценностей не зря получило название вандализма. Это слово произошло от названия древнегерманского племени вандалов, разграбивших в 455 г. Рим и уничтоживших огромное число памятников античной культуры.

Во взаимоотношениях с другими людьми почтительный человек стыдится вмешиваться в чей-либо разговор, громко смеяться, хвастать, говорить на повышенных тонах, сидеть, развалившись, похлопывать собеседника по плечу и т.д. Исключая все, что может огорчить, оскорбить, унижить человека, почтительность создает благоприятную атмосферу общения, своего рода психологический уют и комфорт. Она внушает людям, что их чтят, ценят, что их достоинство надежно защищено. По преимуществу это сдерживающая сила, которая отменяет неэтикетные реакции и направляет поведение в этикетное русло.

Основа, своего рода психологическая база почтительности – подчеркнутая скромность и деликатность. Смещено в силу данного обстоятельства представление о гордости. Эпитет «гордый» воспринимается иногда как отрицательная характеристика, как указание на высокомерие, заносчивость, претенциозность. Говорят, что гордость «разрушает», ослабляет разум. Положительным свойством считается только чувство собственного достоинства, лишь бы оно не переходило определенную грань, не превращалось в гордыню.

Величайший порок – хвастовство. Ведь человек, заявляющий без тени смущения о своих достижениях и заслугах, подчас даже невольно умаляет или ставит под сомнение заслуги и честь окружающих.

Почтительность и ритуал. Почтительность проявляется в определенном типе поведения, превращаясь из виртуальной формы в акту-

альную. Поэтому вводится понятие почтительного или этикетного образа действий – благожелательного, изысканного, артистичного, когда этическая ценность социальных действий обогащается эстетической ценностью.

Но не следует думать, что между этикой и этикетом дистанция огромного размера. Обычно простая учтивость, предполагающая только знание манер, трансформируется в истинную вежливость и почтительность и становится внутренним условием деятельности. Будучи выражением морально-этических идей и установок, этикет поддерживает в обществе необходимый уровень благожелательности, оказывая на мораль обратное позитивное действие. В конечном итоге все зависит от нравственного состояния социума. Поэтому кризис или упадок морали неизбежно влечет за собой кризис этикета. На это указывал русский этнолог С.М. Широкогоров: «Людам, лишенным морали, – пишет он, – слова убеждения уважать личность другого человека и внешние проявления уважения к ней могут казаться наивными и бессмысленными, но для людей, признающих понятие морали, и слова убеждения, и внешние проявления уважения личности полны глубокого смысла и влияния, так как являются лишь частью целой системы мышления»¹⁴.

Этический иммунитет личности. В нашем понимании это безусловное право человека на уважение, независимо от возраста, пола, социальной или расовой принадлежности. Устанавливается, иначе говоря, персональное правовое поле личности, в которое не должен вторгаться никто, и осуждается всякое посягательство на честь и достоинство личности.

Трудно переоценить социальную значимость данной категории. Этический иммунитет устанавливает равенство прав на элементарное уважение и признание каждого человека, будь то высокопоставленный чиновник, ребенок, кровный враг или нищий бродяга. Так формируется демократическая структура характера, в которой, по словам А. Маслоу, центральное место занимает «тенденция уважать любое человеческое существо лишь потому, что это человек»¹⁵. В русле подобной направленности, то есть с учетом и под контролем этического иммунитета, возникают, развиваются и действуют общепринятые правила взаимного обхождения, поддерживается определенный уровень или необходимый минимум этической законности.

На основе этического иммунитета строится давно известное в педагогике правило упреждающего уважения¹⁶, а в юриспруденции презумпция невиновности.

Антитеза этикетной и неэтикетной личности. Существует проверенное опытом убеждение в том, что правила хорошего тона необходимо знать и соблюдать для наилучшей самореализации, для достижения в контактах личных целей и задач. Благодаря изысканной вежливости и почтительности приобретают репутацию человека доброжелательного, уважительного, приятного в общении.

И напротив – в невыгодном свете предстает не знающий и плохо знающий нормы этикета. Обычно в контактах с людьми он обнаруживает робость, беспомощность, растерянность. «Почтительность без ритуала приводит к суетливости», – подчеркивал в этой связи Конфуций. Чаще всего это выражается в том, что человек бездействует там, где этикет предписывает определенную активность, символизирующую почтение. Например, не поднимается со своего места при появлении старших или женщин, молчит, когда нужно извиниться или поблагодарить за услугу, не наносит необходимых визитов вежливости и т.п. Существует длинный список характеристик, применяемых к такому человеку: невежда, невоспитанный, неотесанный, несуразный, неловкий, никчемный, безынициативный. Выявить свою личность в облагороженной форме с таким набором негативных качеств не удастся. Этикетное невежество как специфическая форма аномии и девиантного (отклоняющегося) поведения, ограничивает поле и возможности самореализации.

Четко выделяется активная форма этикетного невежества, когда человек нарушает правила приличия явно, открыто, даже демонстративно: бесцеремонно вмешивается в разговор, злословит, отпускает фривольные шутки, сидит, развалившись, громко смеется, беззастенчиво хвалит себя и своих близких и т.д. Как негативное явление, близкое к активным формам этикетного невежества, расценивают отождествление почтительности с лестью и угодничеством. По общему мнению, это симптом неразвитой способности понимания и следствие ложных суждений о социальном уме.

Диалектика уважения и самоуважения. Значимость почтительности и связанная с этим стратегия достижения личностных целей с помощью вежливости и обходительности вызывает некоторые опасения. Не разовьется ли на этой почве рабская психология? Нет ли здесь риска концептуальной подмены?

Чтобы устранить возможность подобных превращений, устанавливается этически выверенная граница почтительности, которую нельзя переступить без ущерба для собственного достоинства. Каждый человек сам определяет эту границу. Вместе с тем существует и действует общее для всех мнемоническое правило: «Оказывая уважение людям, помни, что это делается и для того, чтобы показать себе и другим, как и насколько ты уважаешь себя, насколько дорожишь образом Я, вступая в контакт с оценивающим тебя человеком».

Самоуважение – психологическая база и внутреннее оправдание почтительного отношения к людям. Лучше всего такой взгляд отражен в известном суждении: «Уважение, которое оказываешь другому, это уважение, которое ты оказываешь себе самому». Но есть и другие варианты данной формулы. Например, можно услышать, как говорят: «Чем больше ты ценишь и уважаешь людей, тем больше ценишь и уважаешь себя самого»; «Цени, почитай людей, и сам будешь почитаем».

У этих высказываний есть своя логика. Имеется в виду, что, проявляя уважение, субъект активно внедряется в сознание другого человека и предлагает ему такую схему доброжелательных отношений, на которую, в принципе, и сам рассчитывает. Иными словами, почтительность предстает как иное выражение или обратная сторона социальных притязаний и ожиданий. Это своего рода этическая подсказка, способ, с помощью которого человек подготавливает модель доброжелательных отношений к собственной персоне.

Подобные рассуждения находятся в кругу традиционных представлений о том, что для ориентировки в нюансах почтительного поведения нужен тонкий расчет. Американский социолог Хоманс не зря сравнивал взаимодействие людей с экономической сделкой или «социальной экономикой», когда люди, как товаром, обмениваются любовью, уважением, признанием, услугами, информацией. Элементы такого расчета действительно имеют место, и они связаны, прежде всего, с деятельностью разума, на который возлагают функции нравственно-интеллектуального мониторинга или контроля поведения, о чем и пойдет речь в следующем разделе.

4. Разумность

Разумность – это способность нравственно аргументированного мышления и поведения. Ум, игнорирующий моральный опыт, ограничен, не способен отделить доброе от злого, приличное от неприличного, правильное от ошибочного, прекрасное от безобразного. Строго говоря, вполне разумным может быть признан лишь человек с выраженной социальной, нравственной ориентацией ума.

Толкование разумности в терминах морали имеет давнюю традицию, уходящую своими корнями в древнегреческую философию. Еще Платон в числе наиболее важных признаков разумности выделял «знание добра и зла». Согласно Аристотелю, это способность выбора и исполнения действий, направленных к высшему благу. Аналогичным образом высказывались Кант, Гегель и многие другие философы. Большую эвристическую ценность имеет определение итальянского философа эпохи возрождения Н. Кузанского. Разумность в его представлении есть знание истины, чувство красоты и желание блага, то есть внутреннее единство логического, эстетического и нравственного.

Каждое жизненное отношение по-своему многозначно и противоречиво. Задача нравственно ориентированного человека в том, чтобы, проникая вглубь событий, ситуаций, высветить в них все нюансы истинного и ложного, прекрасного и безобразного, доброго и злого. Мож-

но вспомнить в данной связи пьесу Вампилова «Старший сын», в которой кульминацией явилось столкновение правды голой, бездушной и правды моральной, нравственно аргументированной. Отсюда проблема правильного и неправильного понимания. В этике она решается иначе, чем в логике: правильным считается такое понимание, которое согласуется с фундаментальными моральными принципами, с долгом человечности, почтительности, чести.

Слово «понимание» используется при этом с этическим акцентом, как нравственное понимание, свойственное человеку умному, пронизательному и одновременно доброму, склонному к нравственным поступкам. Отсутствие этих качеств оценивают как серьезный недостаток умственной и нравственной культуры. На людей этого типа нельзя положиться в каком-либо серьезном деле, с ними трудно поддерживать контакт. Непонимание воздвигает непреодолимые психологические барьеры.

Нравственное понимание – сложный, порой драматичный процесс, в ходе которого мы осознаем, к примеру, что существует помощь во благо и помощь во вред. Бывают случаи, когда нравственное понимание подавляет импульсы нравственного предпонимания как ложные, этически несостоятельные. Отсюда и проблема так называемой «эмпатической точности» взаимодействия¹⁷. При прочих равных условиях ее уровень возрастает по мере возрастания глубины нравственного понимания.

Антитеза разумности и неразумности. В восприятии жизни между разумными и неразумными существенная разница. Отсюда мотив диаметрально противоположных действий и реакций в одних и тех же условиях: «Горе для умного, радость для дураков»; «Разумный строит, неразумный разрушает». Подчеркивается, кроме того, что разумным приходится исправлять ошибки неразумных, ср.: «Дурак затевает, умный расхлебывает»; «Глупца по делу пошлешь, придется вслед за ним самому идти».

Неразумность, являясь источником аномии и девиантного поведения, представляет большую опасность для общества. Неслучайно разговор о том, что люди теряют голову, стали несдержанны, алчны, неблагодарны, заканчивается обычно заключением: «Видимо, настал конец света». У всех народов мира апокалипсис связывают с падением нравов.

Прочно утвердилась мысль о несовместимости разумных и неразумных. Отсюда идея дистанцирования от глупцов, а точнее – специфического обхождения с ними. Говорят: «Глупца обойди, а умный обойдет тебя сам». В том же направлении действуют наставления типа: «С глупцом не водись»; «С глупцом не связывайся»; «Приставшему глупцу шапку отдай и уйди». Можно вспомнить в данной связи и знаменитое «не оспаривай глупца» А.С. Пушкина.

Понятно, что это «обходительность» или экзокоммуникация особого рода – негативная, основанная на неприязни, а порой и на стра-

хе, ибо неразумный, как было сказано, опасен – способен расстроить дела, дискредитировать самые лучшие идеи и начинания. Говорят, что даже в качестве врага предпочтительнее иметь умного человека, нежели глупца: «Лучше разумный враг, чем глупый товарищ»; «Да укусит меня собака разумного человека, но не коснется дружба неразумного».

Самые большие опасения вызывают «умные и корыстолюбивые дураки». Недаром говорят: «Круглый дурак предпочтительней умного глупца».

Понятно, что контактов с глупцами не избежать. Поэтому выработался, как отмечалось, определенный стиль взаимодействия с ними, который можно назвать осторожной обходительностью. За внешней вежливостью, свойственной этой манере поведения, желание освободиться от глупца, не давая повода для сближения и контактов.

Замечают, что эта позиция уязвима, что она граничит с попустительством, пользуясь которым нередко неразумные, но ловкие, нечистоплотные люди становятся «хозяевами жизни», а разумные остаются не у дел. Но обычно и к этому относятся философски: не питая иллюзий насчет всеобщей справедливости, но полагаясь на превосходство и победу разума. Считается, что, в конце концов, жизнь расставит все по своим местам.

И это тоже элементы традиционного образа мыслей, складывавшегося веками опыта самосохранения и выживания. Этика несовместима с «философией» неудачника, который во всех своих промахах и бедах винит других.

Правильная самооценка и социальный ум. Будучи составной частью моральной рефлексии, самооценка предстает обычно в виде социальной обязанности или долга благоразумия. Благодаря этому развиваются такие свойства ума, как здравый смысл, чувство меры, самокритичность. Долг благоразумия обязывает знать масштаб и пределы своих возможностей, активизировать процессы самопознания и самоконтроля.

Хорошо известны отвечающие условиям этой задачи императивы: «Познай себя»; «Оценив свои силы, за дело берись»; «Контролируй себя»; «Не зазнавайся» и др. Речь идет о культурной самоорганизации личности, которая предполагает осмотрительность, внутреннюю собранность, расчетливость. Отсюда понятие социальной зоркости и проницательности – способности рассмотреть в жизненной ситуации ее суть.

Вполне естественно и закономерно негативное отношение к тем, кто неправильно оценивает себя и свое место в жизни, кто в силу этих обстоятельств потерял бдительность и контроль над собой, страдает излишним самомнением. При этом обычно указывают на сдвиги или нарушения в процессах самоидентификации.

Людям свойственно забываться, и больше всего, когда они окружены славой и почетом. В таких случаях рекомендуется быть особенно бдительным и самокритичным. Рассказывают, что однажды пользовавшийся большим авторитетом черкесский дворянин Падис пришел в на-

циональное собрание без каблука на правом башмаке. Люди были немало удивлены, как могло случиться такое с человеком, отличавшимся большой аккуратностью. «Не ломайте голову, – усмехнулся Падис, – я сам оторвал на одном башмаке каблук: неудобство, причиняемое этим, напоминает мне, что как бы вы меня ни возносили, я такой же смертный, как и все. Горе тому, кто забывается».

Самокритичность и правильная самооценка. Это первый и самый главный признак социального ума. Не нужно приспосабливаться к миру, учит этика, необходимо приспосабливать себя к окружению и окружение к самому себе. Такова складывавшаяся веками стратегия рационального выбора себя – через самостроительство, через самоусовершенствование. В современной науке подобным процессам уделяется большое внимание, и в связи с этим обычно говорят о «культуре себя», о поиске и формировании эффективной и перспективной практической идентичности, обеспечивающей высокий уровень ориентации в самом себе и в окружающем мире¹⁸.

Специфическим выражением такой нацеленной на успех и самоусовершенствование идентичности служит в системе этики искусство общения: способность налаживать и поддерживать добрые отношения с друзьями, родственниками, сослуживцами. Устаревшее русское слово «людскость» как нельзя лучше передает эти качества. Искусство находиться среди людей или людскость – это умение достойно жить и вести себя в обществе, поднимая авторитет человека и взрастившей его культуры.

Благоразумие и чувство меры. Высокая степень самовнимания и самокритичности, как мы убедились, связана с желанием правильно оценить обстановку, точно определить свои возможности и место в системе жизненных связей и отношений. В итоге все сводится к страху нарушить меру, оказаться в смешном, глупом, неудобном положении.

Est modus in rebus, – говорили в данной связи древние римляне, что означает: «Есть мера в вещах».

Чувство меры тесно связано с представлениями о рассудительности, хорошем вкусе, изяществе манер. Чрезмерным считается все, что нарушает этически и эстетически выдержанное равновесие социальных практик, будь то излишняя категоричность или самоуверенность, любопытство или настойчивость, одежда ярких тонов или развязная походка, громкая речь или смех... Сюда же следует отнести нарушения правильной последовательности в череде событий. Осуждают поспешность, нетерпеливость, стремление опередить события.

Неразумным считается как избыток того или иного качества, так и недостаток. Чувство меры, подчеркивал еще Аристотель, необходимо даже в проявлении положительных свойств¹⁹. К примеру, избыток мужества может обернуться безрассудством, щедрость – расточительством, вежливость – лестью и угодничеством. Естественным образом возникает здесь некоторое ощущение страха – нарушение меры пред-

стает в сознании как реальная угроза устоям бытия, а в больших масштабах, как отображение глобального хаоса.

Чрезвычайно популярна связанная с чувством меры распространенная среди всех народов мира идея срединного пути. «Не стремись быть первым наездником и последним не оставайся», – говорят на Кавказе. Неразумным считают стремление быть на виду, желание любой ценой превзойти, опередить других. Следует лишь спокойно заниматься своим делом, исполнять свой долг, не требуя внимания, признания, награды. Это общее правило. Но когда возникает сложная, экстремальная ситуация, необходимо быть в первых рядах группы, проявляя мужество, стойкость, принципиальность.

В любом случае не нужно зазнаваться. Уважения заслуживает тот, кто остается самим собой, несмотря на изменения в биографии, в статусе, в карьере.

Социализация разумности. Источником, движущей силой и питательной средой разумности является сама жизнь. Разум не продают, не покупают, его добывают и внедряют в себя в ходе встреч и контактов с людьми, в гуще общественных связей. Чтобы овладеть знаниями, в которых запечатлен нравственно-интеллектуальный опыт многих поколений, необходимо находиться среди людей, внимательно отслеживая и перенимая опыт разумного поведения. Это уже само по себе проявление ума: разум «собирают», осваивая по крупицам одно суждение за другим.

Можно считать эти процессы подключением и приобщением к коллективному разуму или к надындивидуальному интеллекту, то есть к культуре. В итоге человек становится в той или иной мере частью мыслящего целого, живым воплощением культуры.

Общению принадлежит здесь решающая роль. Существует мнение, что ограничение социальных контактов притупляет ум, у общительного человека он, напротив, развивается, становится более острым, пронизательным, живым. Люди испытывают на себе постоянное и в целом благотворное влияние окружающих. На этом, подчеркивает Ю.М. Лотман, построен «весь механизм культуры, делающий одну индивидуальность необходимой для другой»²⁰. Человек не только творит, но и постоянно реанимирует, воссоздает другого человека, как бальзам.

Нужен, следовательно, сознательный поиск контактов, в которых можно обогатить знания, выработать правильный взгляд на жизнь. В числе самых ценных черт личности не зря называют любознательность, умение общаться и привычку советоваться с мудрыми. Не вполне благоразумным, даже несчастным считают человека, пренебрегающего данным правилом.

Таковы в самом общем виде внешние условия и координаты социализации разумности. Но знания, полученные в ходе контактов с людьми, не гарантируют полного и глубокого освоения морального опыта: многознание уму не научает. Поэтому важное, едва ли не решающее значение

придают мысленной переработке и селекции этических знаний, способности правильно, этически грамотно соотносить и оценивать факты и отношения социальной жизни. Мать разума – мысль. Приучая себя к анализу проблемных ситуаций, человек дисциплинирует ум, вырабатывает рассудительность, прозорливость и другие качества, обеспечивающие точность нравственных оценок. Размышляя, из всякого дела (события) можно извлечь урок.

Опыт показывает, что этот процесс активно протекает в начальный период жизни и продолжается до глубокой старости. Разумность приходит с годами. Поэтому о детях обычно говорят «умненький, смывленный ребенок», но никогда не скажут: «разумный (благоразумный) ребенок». Показательно, что первые проблески нравственного ума связывают с пробудившейся способностью отличать добро от зла. Бытует выражение: «С тех пор, как стал отличать добро от зла». Это рубеж, за которым человек начинает воспринимать элементы окружения с пониманием, давая им этическую оценку.

Но разум должен еще устояться. Считается, что обычно он становится более или менее оформленным и устоявшимся в 15–16 лет у девушек и в 17–18 лет у юношей.

5. Мужество

Нравственный пафос мужества. Мужество – большая воля и важное моральное качество, ассоциирующееся с силой нравственных позиций и устремлений личности или, как говорил Платон, со «стойкостью в исполнении должного»²¹. Благодаря мужеству человек преодолевает страх, преодолагает боль, усталость, голод, холод, стойко переносит удары судьбы, действует решительно в условиях опасности. Идеал мужества – достойная жизнь, заканчивающаяся не менее достойной смертью. Это социальная обязанность и ценность высшего порядка, перед которой меркнет ценность самой жизни.

Традиционно все это связывают с чертами настоящего мужчины, воина, рыцаря, и нет, следовательно, ничего удивительного в том, что в основе термина «мужество» лежит слово «мужчина», хотя нравственный пафос мужества распространяется в полной мере и на женщин.

Общее мнение таково, что благодаря мужеству наилучшим образом проявляются лучшие моральные свойства человека. Вот почему кроме храбрости и воинской доблести, в семантическом поле данной категории оказываются практически все базисные моральные качества: почтительность, человечность, великодушие, щедрость, сдержанность, рассудительность, справедливость. Аналогом мужества является благородство и отсюда распространенное, особенно в конфуцианской этике, понятие «благородного мужа».

В сущности, термин «мужество» охватывает, так или иначе, все наиболее важные нравственные ценности, но с заметным акцентом на волевых усилиях и качествах, необходимых для поддержания и развития морали. Происходит, иначе говоря, взаимный обмен значениями. Волевые свойства (храбрость, решительность, стойкость и т.д.) оказываются в ореоле высокой нравственности, общеизвестные нравственные качества (щедрость, человечность, справедливость, деликатность и т.п.) предстают как проявления истинного мужества.

Это ведет к взаимному усилению ценностей: воля укрепляется и облагораживается нравственностью, нравственность повышает свою весомость и значимость за счет воли.

Легко представить негативные следствия устранения подобных связей: воля превратилась бы в слепую и неуправляемую силу, а нравственность – лишилась необходимой энергии. «Мужество, – подчеркивал в данной связи Дж. Локк, – является стражем и опорой всех других добродетелей, и без него человек навряд ли будет тверд в исполнении своего долга и навряд ли проявит характер истинно достойного человека»²².

Проблема истинного мужества. Самые, казалось бы, бесстрашные поступки воспринимаются как морально ущербные, если лишены нравственного обоснования и оправдания. С отсутствием стыда, совести, сострадания, с недостатком воспитания или ума связывают наглость, разнузданность, самонадеянность, жестокость. В таких случаях говорят: «Это не признак мужества», – подчеркивая тем самым, что имеет место проявление совсем иных, несовместимых с истинным мужеством свойств.

Мы сталкиваемся здесь с важной для этической теории и практики проблемой морально релевантных и иррелевантных аспектов социального действия²³. Оценочные суждения типа «Это не признак мужества» помогают не только ставить, но и решать подобные проблемы – путем «высвечивания» поступков или действий, которые ошибочно, только на основании внешнего сходства, по недомыслию, могут быть отнесены к категории мужественных.

Высшей инстанцией мужества является сила духа, основанная на нравственных принципах и убеждениях. Этика мобилизует внутренние силы и возможности человека, позволяя выдержать самые тяжелые испытания. В восточной традиции среди факторов «силы» личности не зря называют наряду с богатством, здоровьем, высокопоставленными родственниками и покровителями еще и моральные ценности²⁴. В конце концов, многое зависит не только от суммы всевозможных объективных фактов и отношений, но и от фокуса самовосприятия. Важно, чтобы человек ощутил себя нравственно сильным. Во взаимодействии жизненных сил человека с наличными социальными условиями мужество (этика в целом) раздвигает границы или масштабы возможного.

При этом нельзя сводить все к простому честолобию. В обосновании мужества принимает участие вся система известных этических принци-

пов и установок. Например, существенное значение имеет управляющий волей разум, как дополнительная сила, которая дается человеку сверх природных возможностей. Нельзя действовать безрассудно. Всегда, но особенно в сложных ситуациях, чреватых тяжелыми последствиями, необходимо приступать к делу, имея определенный замысел, с верой в успех. Отсюда образ взаимной связи разума, веры и мужества. В таких случаях, замечает Дж. Локк, необходимо еще сознание опасности и определенная мера страха, способная держать нас настороже²⁵.

Это, разумеется, не трусость, а всего лишь момент морального чувства – страх перед возможным или ожидаемым бесчестьем.

Виды мужества. Мужество проявляется по-разному в зависимости от целей и условий, от содержания и обоснования выполняемой деятельности. Подчеркивая, что «люди бывают мужественны по разным причинам», Аристотель выделял пять видов мужества: гражданское, воинское (мужество опытных), от незнания, от гнева, от самонадеянности²⁶.

Перед нами поучительная классификация. Однако в основе трех последних видов мужества лежит та или иная форма невежества и помутнения сознания. Поступки, совершаемые по этим причинам, отличаются, как указывал сам Аристотель, сравнительно низким социальным и нравственным качеством. Поэтому этика отвергает их связь с мужеством, мало того, она требует отменить любую активность, возникающую под влиянием гнева, самонадеянности или при отсутствии необходимой информации. Вспомним рекомендации типа «Охваченный гневом к делу не приступай»; «Разум ставь впереди мужества»; «Не храбрись, когда противник невзрачный»; «Не храбрись, когда враг мал числом» и т.д. Перед нами взвешенное отношение к мужеству, подкрепленное развитой моральной рефлексией.

Учитывая сказанное, этика предлагает концепцию нравственно наполненных и обоснованных видов мужества. Из них, в первую очередь, я назвал бы доблесть, стойкость, сдержанность, благородство. Эти качества взаимно дополняют, поддерживают и усиливают друг друга. Доблесть или храбрость побеждает угрожающий нравственности животный страх; стойкость противостоит разрушительному действию лишений и страстей; сдержанность позволяет отказаться от импульсивных реакций, необдуманных поступков; наконец, мужество-благородство – источник великодушия, справедливости, самоотверженного служения людям.

Доблесть. Это сложное, многоплановое понятие, включающее, помимо храбрости и отваги, гражданское мужество и интеллектуальную смелость, что открывает поле для индивидуальных различий, когда, к примеру, человек обладает ярко выраженной воинской доблестью и в гораздо меньшей степени гражданским мужеством. Но в любом случае это нравственно обоснованная активность, способность действовать, побеждая робость и страх. Доблесть выводит человека из состояния аморального покоя, оцепенения, ступора.

Своеобразна логика доблестных поступков. Обычно это острая, кратковременная активность, актуальная в моменты опасности, неопределенности, когда достижение нравственной цели связано с известным риском и невозможно без преодоления серьезных внешних и внутренних препятствий, без борьбы мотивов и психологической мобилизации. Доблесть – победа человека над обстоятельствами и над самим собой.

Известно, что представления о возможных негативных следствиях поступка (физический, материальный или «моральный» ущерб) способны парализовать активность человека как раз в тот момент, когда долг обязывает действовать быстро, решительно, хладнокровно. В такие моменты и включается механизм мужества-доблести, он призван подавить инстинкт самосохранения, открыть дорогу нравственно необходимым действиям. В острой, драматичной форме отображается эта мысль в императиве «Жизнь отдай и возьми честь».

Воинское мужество поддерживается силой общественного мнения, сознанием позора, который ожидает человека, дрогнувшего в бою.

Таким образом, храбрый человек рискует благополучием, здоровьем или жизнью не безрассудно, а осознанно, чтобы исполнить свой долг, сохранить доброе имя. Когда в борьбу между собой вступают страх смерти и страх бесчестия, мужество-доблесть выбирает первое – гибель и честь и отвергает второе – жизнь и бесчестие.

Внутренней пружиной поступка является в этом случае этический страх, что относится в равной степени и к другой форме доблести, именуемой гражданским мужеством. Оно связано главным образом со сферой социального общения, с открытым, смелым и эффективным воздействием на людей, с умением высказать свою точку зрения на те или иные важные проблемы, предложить свои пути их разрешения. Такую ответственность не каждый сможет и вправе на себя взять. Но тот, кто успешно действует на общественном поприще, вызывает уважение как человек гражданской доблести и чести.

Стойкость и сдержанность. Жизнь – испытание на прочность нравственных устоев личности. Опуская руки, предаваясь унынию, отчаянию, человек открывает доступ негативным реакциям, становится легко уязвимым, способным сбиться с нравственного пути. Чтобы воспрепятствовать этому и «включается» механизм мужества-стойкости, он помогает с честью выдержать тяжелые испытания и сохранить присутствие духа. Такой человек не будет сломлен, не нарушит нравственный закон, не станет искать оправданий своих неудач в неблагоприятном стечении обстоятельств. Стоицизм – сплав воли, разума и долга чести.

Это означает, что мужественным называют человека не только за отвагу и смелость, но также за терпение, выносливость, упорство в достижении нравственно оправданных целей. Наличие таких свойств знаменует победу духовного, высокого начала над витальным и низким. О таких людях говорят: «стойкий, надежный, мужественный человек».

То же самое следует сказать о сдержанности. Это антипод импульсивности, способность не раздражаясь, не гневаясь оценивать и переносить неприятные, недружелюбные, порой оскорбительные воздействия. В общении с людьми необходимо, несмотря ни на что, оставаться спокойным, почтительным, даже кротким. Иногда это требует больших усилий воли, поэтому в культурной традиции всех народов сдержанность предстает как мужество самой высокой пробы, и, прежде всего, как способность победить в гневе свой язык.

Стойкость и сдержанность проявляются в экстремальных ситуациях, когда приходится действовать, преодолевая голод, холод, жару, нестерпимую боль, подавляя отчаяние и страх. Но и в быту очень важно держать себя достойно, не обнаруживая признаков слабости и нетерпения. К этому приучают с детства. Сформировавшиеся под влиянием такого воспитания стойкость, выносливость, сдержанность помогают бороться с повседневными желаниями и страстями, оставаясь в рамках приличий в любых ситуациях.

Обычно о плохом настроении или недомогании такие люди если и говорят, то в полушутливой форме, как бы извиняясь за свою нетерпеливость и слабость.

Вообще в контактах с людьми необходимо быть бодрым, подтянутым, внушая окружающим спокойную уверенность в своих силах и возможностях, передавая другим как эстафету хорошее настроение. Это особая форма благовоспитанности, которая украшает человека, вызывает к нему чувство симпатии.

Мужество-благородство. Обычно гораздо легче навредить человеку, чем помочь. Поэтому в злодеянии нет и капли мужества. Мужество в благодеянии. Благородство – мужество добрых деяний, способность совершать поступки, требующие не только внушительных сил и средств, но также и в еще большей степени большого мужества и сердца.

По своей нравственной ориентации данный вид мужества совпадает с человечностью, особенно в быту, в ситуациях повседневных встреч и контактов. Это умение прощать и быть признательным, защищать права униженных, обездоленных, преодолевать зависть, гордыню. Не все и в не равной степени обладают такими умениями. Поэтому говорят: «Способный сделать то, к чему призывает сердце, – благородный муж».

Своеобразна внутренняя логика поступков, диктуемых благородным мужеством. Обычно они совершаются в условиях, которые внешне никак не predisполагают к человеколюбию, самопожертвованию. Поэтому в любой относительно здоровой нравственной среде такие реакции получают большой общественный резонанс, вызывают у людей приятное удивление и восхищение. Они надолго запоминаются, становятся готовыми образцами мужества. На этой почве, как мы знаем, возникают этические рассказы и притчи, строится прецедентная этика.

Люди, которые ценят дело, успешно с ним справляются, заслуживают звания благородных, «больших мужей». Это престижно и обычно все желают удостоиться такой чести. Однако не всем и не в равной степени это удастся, что ведет иногда к соперничеству, к скрытой или открытой борьбе за первенство. Обычно состязательность такого рода приобретает формы, несовместимые с моральными принципами, и потому считается разрушительной, нерациональной – этически несостоятельной.

Этика отвергает стремление к превосходству, дух и суету безоглядного соперничества; предосудительным считается само желание слыть лучше всех. Сила характера в том, чтобы, не завидуя другим, спокойно и добросовестно исполнять свой долг, служить делу, к которому более всего предрасположен. Следовательно, путь к благородному мужеству открыт для всех, независимо от происхождения, материального положения, способностей, рода занятий. Любое полезное дело является по своему важным, большим, благородным. Все зависит только от страсти, энергии и изобретательности субъекта, от того, насколько вкладывает он в дело свою душу.

6. Честь

Честь – субъективное сознание и переживание моральных обязательств перед самим собой, перед обществом, перед Богом. Ослабление или утрата такого самосознания и самоконтроля (аномия) ведет к нарушению моральных норм, воспринимается как «потеря» или «отсутствие лица», совести, человеческого достоинства.

Частью повседневного социального контроля и мониторинга являются напоминания о долге чести и справедливости, об антитезе славы и позора. Самая большая похвала – указание на наличие совести, и самое большое осуждение – напоминание об отсутствии или угрозе ее потерять. С большим пиететом говорят: «У этого человека есть совесть». Это означает, что человек справедлив, честен, последовательно и точно выполняет требования морали.

Добавим к сказанному, что у всех народов забота о личной чести воспринимается в контексте заботы о сохранении чести и репутации референтной группы: семьи, фамилии, рода, сословия, нации. Действуют коллективистские ценности, фиксированные в таких понятиях, как «честь страны», «честь фамилии», «дворянская честь» и т.п.

Лицо как орган чести, совести, стыда. У многих народов мира лицо служит общим выражением моральной идентичности, вовлекается в процесс личностной и публичной самопрезентации²⁷. К примеру, у англичан, так же точно, как у русских, китайцев, турков, действовать, не считаясь с лицом, – значит грубо нарушить правила морали, бросить вызов обществу. Каждый англичанин, по словам М. Аргайла, ведет себя в соответ-

ствии с представлениями о лице и стремится внушить эти представления окружающим²⁸.

Но почему именно лицо было признано символом чести, совести, стыда? По-видимому, решающее значение имел тот факт, что это наиболее открытая, выразительная и культурная часть человеческого тела, сообщающая наибольшую информацию о характерологических свойствах личности, о ее состояниях и реакциях в каждый данный момент. Будучи органом, выделяющим человека из животного мира, лицо ассоциируется с его самой важной личностной характеристикой. Вспомним в данной связи, какое значение имеет пощечина в культуре многих народов. В ней угадывается желание подчеркнуть, что у человека снижена или утрачена необходимая чувствительность лица. Чтобы восстановить ее, приходится прибегать к радикальным мерам. Иными словами, пощечина – напоминание о дефекте или «плохой работе» органа чести, но в то же время и способ оскорбления человека, демонстративный вызов, который ему бросают. Неслучайно в европейской культуре перчатка, брошенная в лицо, стала знаком крайнего унижения.

Столь же показательна традиция клеймения лица. Когда кабардинского рыцаря Андемыркана обступают князья, чтобы убить его, первое, что он делает, обороняясь, – клеймит своего ближайшего друга и сподвижника Биту, оказавшегося в числе нападавших:

*Обернулся и отсек кинжалом бороду Биту,
«Чтоб не забыл меня», – сказав, отсек три пальца руки.
«Чтоб каждый видел, кто ты есть», – сказав, на лице сделал отметину.*

Андемыркан мог просто заколоть Биту. Но в народном сознании такая кара была бы недостаточной для человека, изменившего высоким идеалам мужской дружбы. Поэтому в действие вступают позорящие наказания: сначала отсечение бороды, затем – чтобы осталась неизгладимая печать позора – отсечение трех пальцев, и, наконец, как самая большая и суровая кара – клеймение лица.

Пристойное и непристойное. Пристойность охватывает все многообразие нравственно полноценных действий, служит отображением правильной ориентировки в условиях ситуации и правильного, нравственно оправданного выбора средств и приемов поведения. Непристойность – общее выражение неприличного, неуместного в поведении. Так оценивают бранные слова, громкий смех, развязную позу или походку, неопрятность в одежде, прожорливость, жадность, болтливость и т.д. Как осуждение конкретного действия, движения или поступка звучат оценки «осрамился», «некрасиво вышло», «покрыл себя позором».

Если в ходе рефлексии человек отмечает с тревогой или с досадой: «Навлек на себя позор», – это не что иное, как голос совести, реакция на испытываемый человеком стыд. Представления о приличном и непри-

личном являются важным компонентом глубинных структур сознания и самосознания, они охватывают всю сферу, всю многоцветную палитру морального и аморального. Однако на деле нужен большой жизненный опыт, позволяющий определить, что именно в реальной жизни и в конкретной ситуации подпадает под эти понятия. Поэтому советуют: «Стремитесь узнать, что прилично и что неприлично»; «Овладевайте умением отличать приличное (пристойное) от неприличного (непристойного)».

В таких случаях правильная ориентировка предполагает кроме интеллекта и определенное эстетическое чутье – ощущение гармонии с самим собой и с окружением. Человек обязан знать, насколько органично вписывается он в ситуацию, насколько уместны его слова, жесты, позы, взгляд, улыбка, смех, интонация, детали одежды, прическа, походка. Все это должно отвечать представлениям о пристойном, а, следовательно, о красивом, уместном, гармоничном.

Эстетика поведения прямо связана с понятиями о приличии. Человек, как отмечалось ранее, призван, обязан соответствовать красоте и гармонии окружающего мира. Даже в тех случаях, когда он не нарушает каких-либо важных моральных правил, а всего лишь невпопад или некстати говорит, смеется, жестикулирует, встает, садится и т.д., – это вызывает негативные реакции.

Не случайно, прежде чем исполнить то или иное действие, часто советуются: «Прилично ли будет поступить таким образом?». В большом ходу просьбы: «Не посчитай за бестактность», «Прошу правильно меня понять». Это куртуазный жест, реакция человека воспитанного, который уважает собеседника и сам себе знает цену. Нечто подобное наблюдается в ситуациях, когда в ответ на извинения человека говорят: «Не беспокойся, я не вижу в этом ничего предосудительного». Тем самым дают знать, что хорошо понимают ситуацию, входят в положение человека, не осуждают или прощают его.

Этический страх. Стыд – сложное чувство, в котором доминирует страх, и, прежде всего, «страх перед ожидаемым бесчестьем»²⁹. Но человек страшится не только внешнего суда – суд совести внушает еще больше опасений, вселяет тревогу, вызывает смятение, чувство вины. В системе этики такой страх ассоциируется со стыдом как необходимым моральным свойством. Когда хотят сказать, что у человека притупились нравственные чувства, в первую очередь, ссылаются на отсутствие страха и стыда: «Нет у него ни страха, ни стыда, ни чести».

Страх, как мы видим, включается в систему механизмов морального контроля и самоконтроля. Но это вторичный, культурный страх, наполненный богатым духовным содержанием, обусловленный боязнью потерять репутацию честного, порядочного человека. Существует убеждение, что наличие данного свойства поддерживает и укрепляет важные моральные качества личности: человечность, почтительность, чувство меры. С другой стороны, это боязнь прослыть

робким, малодушным. Этический страх заставляет и приучает человека действовать решительно и смело.

Как видим, этический страх – сложное, одухотворенное чувство, манифестирующее достойное отношение к жизни, когда боязнь совершить что-либо «несовместимое с лицом» или сделать то, к чему призывает долг, ставит мощный заслон аморальности. В отличие от страха вообще или первичного, животного страха, который парализует и деморализует человека, этический страх конструктивен, заставляет оставаться в рамках приличий в самых сложных ситуациях. Но генетически он связан с первичным страхом. Социализация этического страха происходит под влиянием культурной среды, по мере формирования условных связей между действиями, вызывающими страх и стыд. Схема этих связей и превращений проста:

Инстинктивный страх → Стыд → Этический страх

Стыд, как видно из этой схемы, следует за страхом. Благодаря повторению подобных ситуаций, возникают особые, этически значимые ассоциации по смежности. В конце концов они закрепляются в памяти в виде нерасчлененного этического страха – боязни «потерять лицо», поступить несправедливо, не по-людски, не по-мужски и т.п. Пропущенный через стыд, т.е. облагороженный, культурный, одухотворенный, он становится выражением постоянной ответственности человека перед миром, важным подспорьем разума в его стремлении взять под свой контроль коллективное бессознательное.

Когда говорят о падении нравов, не случайно ссылаются на утрату этического страха или стыда. В системе этики – это не только индивидуально-личностное, но и социальное чувство, являющееся отражением общественного мнения и контроля.

Совість как орган смысла. В практическом сознании совесть выполняет роль «датчика», фиксирующего нравственные параметры и ориентиры собственных поступков, действий, образа жизни в целом. «Зашкаливание» датчика – сигнал тревоги, несовместимости того или иного действия с моралью. Возникает, иначе говоря, опасность разрушения индивидуально своеобразных и хорошо устоявшихся нравственных опор личности – личностной моральной идентичности или личностного морального кода.

Э. Фромм не зря определял совесть как голос, зовущий человека к самому себе, говорящий, что он должен делать, чтобы стать самим собой. Совесть – это основа самоидентификации, социальный механизм, обеспечивающий внутреннее соответствие и гармонию представлений личности о себе, о своих связях и отношениях с внешним миром.

7. Системная организация и актуализация нравственных принципов

Нравственные принципы – всеобщие и постоянно действующие структуры сознания, благодаря которым вырабатываются сходные взгляды, привычки, реакции, поддерживается необходимый уровень понимания и согласия в обществе. С другой стороны – это механизмы, поддерживающие внутреннюю определенность и согласованность морального мышления и поведения личности. Я подчеркивал в данной связи, что между моральными принципами устанавливаются хорошо отработанные структурно-функциональные связи. Помехи в одной из них приводят, вследствие этого, к сбою всей системы, к различного рода недостаточности нравственного мышления и поведения. К примеру, недостаток мужества может спровоцировать действия, противоречащие чести, неразумность открывает доступ проявлениям самонадеянности, грубости, бестактности.

Другая характерная черта нравственных принципов – их устойчивость и универсальность. Они не связаны жестко с условиями определенной эпохи или конкретной жизненной ситуации, с обычаями и ритуалами отдельных народов. Поэтому этика, по словам О.Г. Дробницкого, «с одной стороны ... прорывает границы традиционно-этнических и внутригрупповых норм, противостоит им как нечто более широкое, объемлющее, а с другой – превращает совершенно равнозначные для всех индивидов одинаковые нормы обычного поведения в индивидуализированную задачу личности, обособившейся от «родового тела», клана или замкнутой общности»³⁰.

Решение встающих перед человеком каждодневно этических задач осуществляется, как сказано, в соответствии с индивидуальным моральным кодом.

Например, почтительность может включать в себя элемент творчества, обыгрывания основной схемы этикетного поведения. Часто в таких случаях говорят об изысканной вежливости и куртуазном поведении. Выделяют различные формы такого поведения, когда человек: «1) с предельным изяществом выполняет приемы, предписанные для данной ситуации; 2) применяет большее число приемов или более сложные приемы, чем его партнер; 3) позволяет себе отклонения от правил, но такие, что они лишь подчеркивают его полное и свободное владение этикетными приемами»³¹. В результате повышается действенность, нравственная и эстетическая ценность этикетного поступка и, разумеется, дает о себе знать индивидуальность личности.

Существенные различия наблюдаются и в мотивации действий формально подчиняющихся одному и тому же моральному принципу или правилу. Например, помогать кому-либо можно по разным причинам, иногда даже преследуя корыстные цели – снижая нравственное качество поступ-

ка или превращая его в безнравственное. «Деяние, - пишет в данной связи Р.Г. Апресян, - становится моральным в силу определенного характера мотивации и рефлексии»³². Важно, вследствие этого, различать значение и смысл совершаемого действия. Я определяю значение как отношение цели к релевантным для его достижения средствам. И это, в сущности, нейтральная характеристика человеческой активности – описание вменяемого, целенаправленного действия безотносительно к тому, является оно моральным или нет. Значение отвечает на вопрос «что делается?», «что происходит?». Смысл, в отличие от этого – морально-этическое понятие, предполагающее ответ на вопрос о конкретной нравственной задаче и нравственном качестве совершаемого действия.

Прежде всего эти ответы дает себе самому субъект действия. И многое зависит от того, каковы действия, которые, по мнению индивида, может или не может «вместить» его лицо, его индивидуальный моральный код. К примеру, двойные стандарты в отношениях с людьми могут восприниматься одним человеком как совершенно неприемлемые, а другим – как естественные, не нарушающие его моральной определенности и идентичности. Кроме того, эти взгляды меняются от эпохи к эпохе. Средневековый воин мог победить своего противника, используя обман, хитрость, ложную клятву и при этом оставаться героем. С другой стороны, типичный злодей часто действует парадоксальным образом – используя средства и приемы, не лишенные благородства. Я называю такие явления этическим шизоморфизмом, в противоположность этическому изоморфизму, когда мы имеем вполне однозначных – «чистых» героев и антигероев³³.

В реальной жизни наблюдается сочетание элементов этического изоморфизма и шизоморфизма, а также развитие или изменение их соотношения во времени. Идентичность, как правильно отмечает Е. Боровски, по сути своей диахронична, хотя логически может рассматриваться и как точка во времени³⁴. Кстати, и в синхронии возможна определенная динамика или сукцессивность, когда, к примеру, различается моральная идентичность в области политики и в сфере отношений с близкими друзьями.

В то же время не может быть и речи о вполне свободной идентичности, размывающей границы морали и Я-концепции.

При этом за индивидом сохраняется право искать и применять иные, новые способы реагирования на жизненные события, лишь бы они находились в соответствии с духом нравственных законов. В каждый данный момент своего существования человек находится в созданной *par excellence* им самим культурно-психологической среде и уже тем самым предопределяет выбор той или иной линии поведения, того или иного поступка. Нравственный поступок рождается во взаимодействии двух структур: структуры личности и структуры морали.

Учитывая универсальный характер данного явления, я считаю необходимым выделить в этической теории специальный раздел под на-

званием «прецедентная этика». Поиски в этом направлении помогут преодолеть некоторую односторонность современной этики, которая, как заметил С. Кьеркегор, состоит в том, что она стремится внести идеальность в действительность, не обременяя себя заботой об исследовании перетекания, трансформации действительности в идеальность³⁵. Между тем это живой, каждодневный процесс развития, обновления способов этической рационализации мира. Здесь, по словам Папы Иоанна Павла II, «практика предваряет теорию»³⁶.

Таким образом, моральное сознание является одновременно и практическим, и дискурсивным, то есть организует и направляет не только повседневное мышление и поведение, но и линию развития и преобразования этических систем.

Примечания

- ¹ *Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.–Л., 1947; *Тейдзио И.* Японская этика. М., 1911.
- ² *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. М., 1988. Т. 1.
- ³ *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992.
- ⁴ *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики технологической цивилизации. М., 2004.
- ⁵ *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1955.
- ⁶ *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 312.
- ⁷ *Küng H.* Projekt Weltethos. München, 1990.
- ⁸ О понятии «универсальная моральная грамматика». См.: *Хаузер М.* Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М., 2008. С. 580-589.
- ⁹ *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 139.
- ¹⁰ *Собкин В.С.* К определению понятия «идентификация» // Виды и функции речевой деятельности. М., 1977.
- ¹¹ Известное высказывание Конфуция «Только обладающий человеколюбием может любить людей и ненавидеть людей». – *Конфуций.* Лунь Юй // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. С. 148.
- ¹² Афоризм австрийской писательницы Эбнер-Эшенбах. – См.: *Марасин В.В.* Человек... добродетели и пороки, достоинства и недостатки. М., 2002. С. 38.
- ¹³ *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. Т. 3. М., 1964. С. 396.
- ¹⁴ *Широкогоров С.М.* Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919.
- ¹⁵ *Maslow A.H.* Motivation and personality. N.-Y., 1954.
- ¹⁶ *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 404.
- ¹⁷ *Berlo D.* The process of communication. N.-Y., 1960. P. 134–135.
- ¹⁸ *Erikson E.H.* Identity and the life cycle. N.-Y., 1959; *Nicols R.E.* The science of mental cybernetics. N.-Y., 1970; *Wong D.B.* On Flourishing and funding one's identity in community // Midwest studies in philosophy. Vol. XIII. Ethical theory: Character and virtue. Notre Dame, 1988.
- ¹⁹ *Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Соч. Т. 4. М., 1983. С. 145–171.
- ²⁰ *Лотман Ю.М.* Феномен культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. С. 17.
- ²¹ *Платон.* Определения // Платон. Диалоги. М., 1986. С. 426.
- ²² *Локк Дж.* Мысли о воспитании // Локк Дж. Соч. Т. 3. М., 1988. С. 511.

- ²³ См.: *Hare R.M.* Relevance // Values and morales. Boston, London, 1978. P. 259.
- ²⁴ См.: *Chu G.C.* The changing concept of self in contemporary China // Culture and self. Asian and western perspectives. N.-Y.; London, 1985.
- ²⁵ Локк Дж. Указ. соч. С. 512.
- ²⁶ Аристотель. Указ. соч. С. 110–115.
- ²⁷ *Goffman E.* On face-work // Psychiatry. Vol. 18. 1955; *Thelin M.G.* Chinese values: A sociologists view // The moral sense in the communal significance of life. Boston; Tokyo, 1986.
- ²⁸ *Argyle M.* The psychology of interpersonal behavior. London, 1971. P. 124.
- ²⁹ Платон. Указ. соч. С. 435.
- ³⁰ Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974. С. 300.
- ³¹ Цивьян Т.В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам. Вып. 11. Тарту, 1966. С. 149.
- ³² Апресян Р.Г. Идея морали. М., 1995. С. 25
- ³³ Бгажноков Б.Х. Адыгский историко-героический эпос в комплексном освещении. Типология основных персонажей с точки зрения этических представлений // Героико-исторический эпос народов Кавказа. Грозный, 1988. С. 67.
- ³⁴ *Borowski E.J.* Identity and personal identity // Mind. Vol. 45. 1976.
- ³⁵ Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 123.
- ³⁶ Войтыла К. Основания этики // Вопросы философии. № 1. 1990. С. 29.

Глава 3

Этика и эстетика жизненной среды

1. Этико-эстетическое содержание экологического мышления и поведения

Этико-эстетические принципы, понятия, суждения изначально экологичны. В применении к жизненной среде они образуют специфическую область знания, позволяющую выделить нравственную экологию в качестве субдисциплины, объединяющей потенциал экологии и целого ряда других наук: философии, этики, эстетики, этнологии, психологии. В нашем понимании, предметом нравственной экологии является этико-эстетическое содержание взаимоотношений человека с жизненной средой, а главной задачей – улучшение, рационализация этих отношений. Это отрасль этики, помогающая правильно выстроить отношения с миром и максимально полно реализовать свой творческий потенциал.

Самое главное в жизни каждого человека – выработать этическое и эстетическое отношение к миру, создавая и воссоздавая себя как часть этого мира, как нравственную личность. Это трудная задача. Решая ее, мы учимся видеть и понимать окружающее, различать все оттенки доброго и злого, прекрасного и уродливого, приемлемого и неприемлемого.

Возможности человека в этом смысле безграничны. Но не всегда задействованы в полном объеме. Значимость внимательного, ответственного и критического отношения к происходящему постоянно недооценивается, что связано во многом с плохо поставленным нравственно-экологическим образованием. Не выработаны общие принципы и конкретные приемы такого образования. Нет даже четкого представления о том, что такое жизненная среда. Следует ли, к примеру, включать в ее состав внутреннюю органическую среду человека, многообразие личностных переживаний и психологическое поле личности? А ведь от правильного ответа на эти и некоторые другие подобные вопросы зависит решение многих социальных задач.

Странно, что на протяжении почти целого столетия, когда впервые заговорили об экологии человека как о науке, в характеристиках и

определениях жизненной среды не нашлось достойного места для самого человека, для социальных групп и сообществ. Между тем, каждый отдельный человек, а также и целые сообщества выступают для других людей и сообществ в виде экологического события и фона, как составная – благоприятная или неблагоприятная – часть их жизненной среды. Без полноценного нравственно-экологического ощущения и видения бытия не может быть исполнен сформулированный еще И. Кантом нравственный долг каждого человека общества, народа – «быть полезным звеном мира», его украшением.

Но потребность в самоусовершенствовании сохраняется в любом случае. Познавая мир, выдвигая новые способы обустройства пространства, люди создают и воссоздают условия своего существования, пытаются найти свое место в жизни, выявить свою личность в облагороженном виде.

Мы говорим в этом случае об экологическом успехе, как о движущей силе нравственно-экологического мышления и поведения. Но почему не всем и не в полной мере удастся удовлетворить потребность в самореализации? Почему, наконец, уничтожается нравственная личность, и рушатся, теряют свою неоспоримость такие понятия, как ответственность, совесть, солидарность? Подобные вопросы имеют не только узко научное, общетеоретическое, но и важное социально-практическое значение, обязывающее выработать широкое, нравственно-экологическое видение мира, при котором внешние и внутренние условия человеческого существования рассматриваются в единстве, во взаимодействии со смыслом и назначением бытия.

Принципиальное значение имеет сам факт восприятия и освоения окружающей среды через призму этико-эстетических диспозиций. Мы стремимся к тому, чтобы жизненная среда удовлетворяла в полной мере базовые потребности, в том числе потребности в красоте, уюте, защищенности, справедливости. С другой стороны и фактически по тем же причинам возникает и ширится сознание необходимости ответственного, бережного отношения к природе, к жизни, к жизненной среде в целом. Альберт Швейцер, как указывалось ранее, назвал такое отношение благоговейным, то есть поэтическим, религиозно-мистическим¹. Сложившись на заре человеческой истории, духовно-нравственное осмысление и освоение жизненной среды не утратило своей значимости и сейчас, в условиях, когда стремительно возрастают возможности радикальных и трагических по своим последствиям изменений жизненной среды.

В отечественной науке впервые эти проблемы были поставлены академиком Д. Лихачевым. В экологии, по его словам, существует два раздела: экология биологическая и экология культурная или нравственная. И отсюда своеобразное понимание экологической безопасности: «Убить человека биологически, – пишет Лихачев, – может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно мо-

жет несоблюдение законов экологии культурной»². Подчеркивается тем самым, что необходимо улучшать характеристики жизненной среды не только по медико-биологическим, но и по морально-психологическим соображениям, чтобы вызвать у людей по возможности максимально полное ощущение счастья, комфорта, уверенности в будущем.

По сложившейся традиции, упорядочение взаимоотношений человека с жизненной средой является задачей социальной экологии, экологии человека, правовой экологии и др. В рамках этих дисциплин определяются стандарты хорошего качества окружающей среды, осуществляется контроль, направленный на предотвращение вредного физического, биологического, психологического воздействия пространства, рассматриваются вопросы адаптации человека к техногенным изменениям. Много внимания уделяется и тому, в какой мере и форме сама среда должна быть защищена от последствий человеческой деятельности.

Нравственная экология призвана дополнить эту работу – исследовать глубинное этико-эстетическое содержание взаимоотношений личности и общества с жизненной средой, выработать систему принципов и норм (в том числе и запрещающих) нравственно-экологического мышления, поведения, контроля. В поле заинтересованного внимания оказываются при таком подходе факты не столько физического, сколько морального, общекультурного ущерба, который наносит или может нанести людям плохо организованное экзистенциальное пространство. Низкое этико-эстетическое качество среды ведет к культурной неразберихе, формирует человека с неразвитым, ущербным сознанием, предрасполагая к различным формам девиантного поведения. В таких случаях и обратное воздействие человека на среду оказывается негативным; создается порочный круг нравственно-экологической дезориентации и деградации.

Поэтому так важен этико-эстетический анализ и мониторинг пространства, в котором люди живут или хотели бы жить. В конечном итоге это забота об условиях, способных обеспечить не только выживание человека как биологического существа, но и максимально возможное соответствие этих условий высшим духовно-нравственным запросам личности.

Целостное восприятие внешнего и внутреннего мира – неотъемлемое свойство нашей психики, благодаря которому формируется экологическое сознание – совокупность исторически сложившихся представлений о взаимных связях и отношениях человека с жизненной средой, о значимости этих связей для установления экологического порядка. У разных сообществ эти представления имеют свою специфику и логику, что послужило основанием для выделения экологической антропологии на Западе и этнической экологии в России³.

В качестве особого направления в науке о человеке и обществе нравственно-экологическое представление жизненной среды сложи-

лись в последние три–четыре десятилетия. Большую известность получили исследования навыков структурирования пространства в ходе социального взаимодействия и поведения⁴, специфики самочувствия и культурной самоорганизации людей в зависимости от плотности населения, размеров и структур общества и территорий⁵. Важным вкладом в нравственно-экологическое осмысление жизненной среды явилось положение о социальном пространстве, стремящемся более полно и продуктивно реализовать себя в физическом пространстве⁶. Неоднократно поднимался вопрос об «этических аспектах социального окружения»⁷, о так называемой енвайронментальной этике (environmental ethic)⁸ и затем экологической этике⁹ как науке, направленной на этическую рационализацию жизненной среды. Развились особые направления в тех сферах деятельности, которые были прямо связаны с этико-эстетическими аспектами организации пространства: дизайн, психодизайн, гуманистическое направление в архитектуре¹⁰.

Уместно, вообще говоря, выделить два этапа развития нравственной экологии. На первом этапе преобладала забота об утверждении (через систему моральных и юридических норм) бережного, экономного, заботливого отношения к природе. Тревогу вызывали возрастающие масштабы экофобного поведения и истощения природы. Предметом специальных исследований стали многочисленные факты непоправимого ущерба, который наносят и еще могут нанести ей люди, «вооруженные» современной техникой и технологией, подчиняющие свои действия задачам расширения объемов производства и потребления¹¹.

На новом этапе развития нравственной экологии проблема ставится гораздо шире – с учетом системного характера взаимоотношений личности и общества с жизненной средой. На первый план выдвигаются вопросы этической и эстетической рационализации этих взаимоотношений в практике человеческого существования и самоосуществления. Такой подход расширяет традиционные представления об экологии человека. В центре внимания оказывается среда в более широком смысле, чем было принято раньше. Учитывается, что не только внешние условия и координаты бытия, но и специфические характеристики психологического поля и внутренней среды организма могут способствовать или препятствовать достижению психобиологического баланса – хорошего общего самочувствия, ощущения здоровья и полноты жизни.

Вследствие этого, по-новому ставится и проблема экологических прав, нравственно-экологической защищенности и безопасности человека. Известно, что, будучи величайшей ценностью, необходимым условием и способом существования человечества, среда в то же время таит множество угроз и опасностей и возникает необходимость избирательной защищенности человека и общества от этих угроз. Не только в экстремальных условиях, но и в обычной повседневной жизни

мы рискуем подвергнуться и подвергаемся опасному воздействию различных свойств и проявлений среды. Пагубно сказываются и снижают возможности развития личности и общества загрязнение воздуха, почвы, воды; шум, создаваемый дорожным движением; неудобная планировка домов, городских улиц; безвкусная реклама; плохой дизайн... Негативно отражается деструкция социальных связей и отношений: нарушение прав человека, дискриминация по расовому, национальному, половому признаку, грубость и бестактность, неблагодарность и нетерпимость окружающих. Возникают и прогрессируют на этом фоне болезни. И тогда угнетающе действует на человека, вызывая депрессию, хроническое недовольство жизнью не только внешняя, но и внутренняя жизненная среда.

2. Самочувствие в системе нравственно-экологического анализа бытия

Самочувствие – квинтэссенция жизненной среды, сама субстанция жизни. Здоровый сон, хорошие новости, встречи и общение с приятными людьми, элементарный порядок и чистота в ближайшем окружении человека – все это факторы, способствующие достижению и сохранению хорошего настроения, душевного равновесия. В иную, прямо противоположную по качеству атмосферу переносят человека негативные воздействия жизненной среды. Одним словом, самочувствие складывается из бесчисленного множества сохраняющихся в эмоциональной памяти переживаний, вызванных постоянно меняющимся содержанием жизненной среды. И это не просто фон, на котором разворачивается поведение человека, а процесс познания и понимания собственной жизни.

Благодаря чувствам мы открываем для себя позицию, которую занимаем или которую нам следует занять по отношению к тем или иным элементам жизненной среды, к миру в целом. «Главное мы хорошо можем разглядеть только сердцем», – говорил Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». Эмоции и чувства сильнее и богаче наших мыслей. Это – способы нравственно-экологического, а, следовательно, и эстетического восприятия и анализа бытия.

Велик диапазон чувственно-эмоционального восприятия и использования элементов жизненной среды. К примеру, благотворный, как говорят сейчас, терапевтический эффект производит на человека эмоционально окрашенное созерцание природы. Причем, имеет значение не только прямое, но и опосредованное воздействие природы, построенное на возможностях эмоционального воспоминания, как хорошо передано это в замечательных стихах Инны Кашежевой:

*Когда для счастья сердца мне мало,
Когда тревожат мелкие раздоры,
Я обращаю мысленные взоры
К тебе Кавказ – чистилище мое,
К вам, мои судьбы,
К вам, родные горы.*

Горы в этом контексте – не только природный, но и эстетический ландшафт, метафора нравственно-экологического порядка и выравнивания. Вершины Кавказа ассоциируются с представлениями о вершинах нравственного знания, внимания, понимания, позволяя восстановить душевное равновесие, отстраниться от смятения чувств, от хаоса в ближайшем окружении.

Все зависит в таких случаях от вкусов, привязанностей, пристрастий человека, от сложившихся с годами привычных способов экологического выравнивания. Однажды мне довелось побывать в доме известного знатока китайской медицины. Это был пожилой, одинокий человек, находившийся много лет в эмиграции в Шанхае и доживавший свой век в глухом кабардинском селе. В ходе беседы я обратил внимание на старую картину, висевшую на стене его комнаты. На ней был изображен восход солнца и рыбак, плывущий в маленькой лодке с небольшим уловом. «Хорошая картина», – сказал я. Охотно со мной согласившись, старик добавил, что она имеет для него не только эстетическое, но и важное практическое значение: «Проснувшись утром, я смотрю на человека, успевшего встать ни свет, ни заря и наловить для себя рыбу. Это помогает мне найти в себе силы подняться с постели и по примеру рыбака с картины заняться необходимыми по хозяйству делами».

В числе задач нравственной экологии, этически выверенная организация материальной, культурно-предметной жизненной среды занимает одно из первых мест. Известно, как плохо действуют на психику грязные, разбитые дороги и тротуары, скапливающийся во дворах и в подъездах домов мусор, заросшие бурьяном остовы недостроенных и заброшенных зданий. И как меняется, улучшается настроение, когда все это приводится в надлежащий вид, создаются хорошие жилищные и бытовые условия. Элементарный порядок и чистота в ближайшем окружении человека способствуют восстановлению и сохранению хорошего настроения, душевного равновесия, уверенности в будущем.

При этом дает о себе знать экофутуристическое осмысление каждого нового жизнеутверждающего элемента жизненной среды. К примеру, если в жилом микрорайоне тротуар устлан великолепной брусчаткой, то возникает потребность дополнить эту красоту оригинальным цветником, пышным кустарником, радующими глаз деревьями, уютными скамейками для отдыха; становится актуальным приведение в надлежащий порядок стен и крыш близлежащих зданий. Меняется вслед за этим и поведение людей. Они стараются поддерживать красоту и

порядок в микрорайоне: не сорить, поливать цветы, осторожно припарковывать машины, чтобы не повредить бордюры. И даже одеваться более нарядно.

Все это свидетельствует лишь раз о том, что человек воспринимает себя самого как часть культурного пространства, в котором он находится, а целостное восприятие жизненной среды является обратной стороной инстинкта экологического порядка.

Большое значение придают со времен античности так называемой апопсии – виду, открывающемуся из окон зданий. Не случайно возникло и получило всеобщее признание целое направление в современном градостроительстве под названием видеоэкологии¹².

Люди дорожат ощущением пространства, перспективой, которая разворачивается каждодневно перед их взором. В Чикаго в одном и том же доме совершенно одинаковые роскошные квартиры на берегу Великих озер сильно различаются в цене в зависимости от того, доступен из окон этих квартир вид на озера или нет. Первые в два раза дороже вторых. Идея небоскребов родилась не столько из-за недостатка земли, сколько в целях создания и поддержания ощущения свободы, полета. Культ высоты в Америке стоит в одном ассоциативном ряду с культом личностного роста и достижений, он является национально-культурным выражением экофутуризма, идеологического брэнда, получившего название американской мечты.

Эти примеры свидетельствуют еще и о том, насколько важно, чтобы заботливо украшенная и одухотворенная жизненная среда была максимально доступной, демократичной. Люди с обостренным чувством экологического равновесия и справедливости всегда обращали на это внимание. Например, Владимир Высоцкий в одной из своих песен, повторяя как заклинание «зачем человеку заборы», поэтически отобразил мечту о сношении многочисленных стен, отделяющих людей от природы и друг от друга. Большим нравственно-экологическим содержанием и смыслом наполнены многие другие песни Высоцкого. Вспомним песню о нейтральной полосе на государственной границе – на границе между двумя идеологически противопоставленными мирами:

*А на нейтральной полосе цветут цветы
Необычайной красоты.*

Такие сюжеты сами по себе очень интересны как образцы нравственно ориентированного, критического отношения к организации жизненного пространства. Нравственно-экологические сюжеты и мотивы творчества Высоцкого, Евтушенко, Солоухина, Заболоцкого и многих других поэтов и писателей, являющиеся продолжением и развитием этих сюжетов и мотивов в творчестве великих русских писателей XIX – начала XX вв., могли бы стать предметом специального исследования.

То же самое можно сказать о творчестве великих западных писателей: Германа Гессе, Поля Сартра, Габриеля Гарсия Маркеса. Душу настоящего художника ранит искусственно созданная расколотовость единства мира, нарастающее не только техногенное, но и идеологическое загрязнение среды, в том числе и в повседневном быту, в стереотипах мышления и поведения.

Нравственная экология обязывает держать в поле постоянного внимания внутреннюю связь самочувствия и элементов жизненной среды, учитывая, что здесь и в самом деле все взаимосвязано. К примеру, деградация архитектуры в период 60–70-х годов прошлого века пагубно сказалась на духовно-нравственной атмосфере российского общества. Зажатые в узком пространстве однотипных панельных пятиэтажек, люди утратили ощущение праздника, открытости, полноты жизни. Однообразная визуальная среда нагоняла тоску, а минимум открытого и сообщающегося с миром пространства формировал философию безысходности и приземленности, уничтожал здоровый дух авантюризма, перспективу развития и личностного роста. Даже традиционные коммуналки в постройках дореволюционной и сталинской эпохи несли больше света и тепла – во всяком случае, в отношениях между людьми, в представлениях о возможном и желаемом будущем. И лишь сейчас стала достоянием гласности печальная, леденящая душу статистика огромного числа убийств и самоубийств в так называемых «хрущовках» и «хрущобах».

Известны разнообразные другие факторы, снижающие общий уровень самочувствия: плохое освещение комнат, чрезмерно высокая или низкая температура, шум, неприятные запахи, усталость, недосыпание и т.д. Степень их негативного воздействия часто недооценивается. Между тем, экспериментально доказано, что, к примеру, шум дорожного движения или длительный шум связанный со строительством и ремонтом близлежащих объектов оказывает отрицательное влияние на успеваемость детей в школе, вызывая стресс. Люди, находящиеся под постоянным воздействием значительного шума, даже сами того не сознавая, становятся более раздражительными; при прочих равных условиях они чаще подвержены агрессивным реакциям и менее склонны оказывать помощь окружающим¹³. По словам американского психолога Н. Хэйса, в городских условиях постоянный фоновый шум стал «уже настолько признанным стрессором, что получил название «шумовое загрязнение»¹⁴. Аналогичным образом действует на человека и сама по себе высокая плотность, суета и толкотня больших городов. В частности, заметно снижается в этих условиях уровень нравственного внимания и готовность помочь людям¹⁵.

Однако ощущение дискомфорта вызывают и различные формы сенсорной изоляции. Например, абсолютная, неестественная тишина, как показывают специальные исследования, не способствует улучшению настроения. Если за окном дождь, но мы совершенно (из-за специаль-

ной звукоизоляции) не слышим его шума, это может вызвать неприятное ощущение оторванности от внешнего мира. Биоритмы человека в соединении с силой и ритмом внешних воздействий, могут давать как положительный, так и отрицательный эффект. Не зря для будущих полетов на Марс готовят специалистов, которые хорошо переносят условия сенсорной изоляции.

Большое значение имеет для каждого человека общее состояние внутренней среды организма (крови, лимфы, тканевой жидкости). Поэтому существуют правила и ограничения, связанные с культурой питания, гигиеной тела, оздоровительными упражнениями, продолжительностью сна. Они помогают обеспечить нормальный обмен веществ, хорошую работу внутренних органов, избежать многих болезней и болезненных ощущений, и тем самым сохранять и поддерживать бодрость организма и красоту тела, уверенность в своих силах и возможностях. Так достигается в конечном итоге внутренняя согласованность взаимоотношений человека с жизнью.

Но здесь, как и в других подобных случаях, необходим индивидуальный медико-биологический и нравственно-экологический подход. К примеру, степень пользы и вреда, который может принести организму (улучшая или ухудшая самочувствие) кофе или алкоголь зависит во многом от качественных характеристик ферментов каждого конкретного человека. Запах цветов или духов, поднимающий настроение одних людей, у других может вызвать аллергию и резкое ухудшение настроения.

Как видим, самочувствие – это механизм самосознания и самоконтроля, определяющий качественную специфику переживаний и соответственно – логику поведения людей. Известно, что при прочих равных условиях девиантное поведение обусловлено плохим самочувствием, а доброжелательность, отзывчивость, готовность помочь чаще проявляются в условиях хорошего самочувствия. Гипотеза «хорошее настроение – хорошие дела» блестяще подтверждена в экспериментальных исследованиях¹⁶, и такие, в недавнем прошлом экзотические термины, как аромотерапия и артотерапия уже прочно входят в нашу жизнь как обозначения способов наилучшей организации жизненной среды. Приятные запахи, эстетически грамотно организованная предметная среда поднимают настроение. В таких случаях, как установлено психологами, человек более вежлив и обходителен, изъявляет большую готовность помочь другим людям.

Давно известно об эмоциональном воздействии различных цветов и их комбинаций. Например, красный возбуждает, а желтый повышает настроение. Голубой цвет, в отличие от этого, смягчает и успокаивает. Полагают, что генетически он связан с безоблачным небом, в противоположность нагоняющему тоску серому цвету, ассоциирующемуся с тучами, туманами, дождями¹⁷. Учитывая реакции людей на различные цвета, профессиональные дизайнеры интерьеров «предпочитают голубые тона,

когда пытаются создать спокойную, безмятежную атмосферу для гостиной, а в игровой комнате используют красные и желтые тона¹⁸.

Эти примеры свидетельствуют о том, что без чувственного анализа невозможно постичь истинное содержание жизненной среды, ее позитивные и негативные стороны. Окрашенная в эмоциональные тона интерпретация и презентация человеком своего существования лучше и тоньше всего отображает меру счастья или страдания, испытываемого от сигналов, поступающих из различных участков экзистенциального пространства. Фактически, самочувствие является самой важной качественной характеристикой жизненной среды.

3. Стремление к экологическому порядку

Нравственная экология не дает рецепты на все случаи жизни. Это лишь инструмент анализа и диверсификации жизненной среды, которым мы можем воспользоваться с пользой для себя и для своего окружения.

Существуют некоторые общие и индивидуальные представления о позитивной и негативной жизненной среде, об экологическом порядке и беспорядке. В соответствии с ними человек насколько это возможно приспособливает к себе доступное ему окружение. Например, обратив внимание на изъяны в своей внешности – повышает или снижает вес, изменяет взгляд и осанку, лечит и вставляет зубы. Получив на работе новый кабинет, заменяет или по-новому расставляет в нем мебель, снимает со стены поблекшую картину...

И так во всех случаях жизни. Преодолевая экзистенциальную недостаточность, люди обустривают свой жизненный мир, конструируют действительность, в которой чувствуют себя наиболее комфортно. Это своего рода идея фикс, побуждающая находиться в постоянном движении и поиске: заботиться о здоровье, украшать жилище, создавать семью и воспитывать детей, устанавливать и поддерживать контакты, повышать квалификацию, участвовать в политической жизни т.д. Известно возникающее вследствие каких-либо неудач или конфликтов с окружением желание оказаться в других странах или городах, чтобы в условиях нового окружения начать жизнь заново, с чистого листа. Человеком движет инстинкт экологического выравнивания или порядка – баланса между базовыми потребностями и условиями среды.

Об этом писал в 20-х годах прошлого века американский социолог Роберт Парк, основатель экологии человека как науки о пространственной организации человеческих сообществ. Особенно много внимания уделял он городу как особой форме коллективной организации жизненной среды. В его понимании, город и городское окружение представляют собой

наиболее состоятельную и в целом наиболее успешную попытку человека переделать мир по велению своего сердца¹⁹. С этим можно согласиться: связь географической и социальной мобильности прослеживается отчетливо, а города – это генераторы новых идей и новых форм бытия. Именно там люди активно ищут и, благодаря экологической конкуренции, находят наилучшее применение своим способностям.

В сложном и разнообразном пространстве больших городов рождаются новые, невиданные ранее способы разумной, психологически выверенной организации жизненной среды. В экофутуристическом и духовно-нравственном отношении это наиболее насыщенное, продвинутое, благополучное жизненное пространство. Специальные исследования показывают, что самочувствие горожан в целом заметно лучше, чем самочувствие сельских жителей. Кроме того, и внутри городского пространства есть более привлекательные (престижные) и непривлекательные (не престижные) зоны. Например, в Москве в пределах Садового кольца налицо наиболее яркая, динамичная и оптимистичная жизненная среда, и здесь, как недавно показали специальные исследования, едва ли не самая высокая для всей России продолжительность жизни. И это несмотря на скученность, загрязнение воздуха, интенсивное дорожное движение и шум. Интуитивно чувствуя, что в центре Москвы наиболее благоприятная среда, люди стремятся попасть сюда не только в часы досуга. Пространство внутри Садового кольца привлекает многих как место постоянного проживания и работы.

Правда, известен наряду с этим и феномен бегства из города в деревню, в лоно природы, в надежде создать здесь такую жизнь, которая им по душе, о которой они мечтают. В сельской местности, как известно, больше простора и свободного времени, которое высвобождается для нравственного внимания и любви к ближнему. Мы знаем также, что такое перемещение сопряжено часто со сменой рода деятельности, со снижением общего уровня социально-экологических притязаний, получившим название *down shifting*. Очевиден и нравственный смысл подобных исканий: люди хотят жить в мире, который в наибольшей степени соответствует их представлениям о красоте, удобстве, счастье, о смысле и назначении бытия. И, напротив – стремятся вырваться из среды, где, по их мнению, господствует или преобладает унылое однообразие, хроническая безрадостность, лихорадочная, порой жестокая и беспощадная борьба за выживание и богатство, за повышение социального статуса и общественного признания.

Такие примеры свидетельствуют о том, что выбор места постоянного проживания и связанные с этим переселения имеют отчетливо выраженный нравственно-экологический и эстетический дискурс, который был специально выделен еще Конфуцием. Наставляя своих учеников, он говорил: «Там, где царит человеколюбие, прекрасно. Поэтому, когда [кто-либо] поселяется там, где нет человеколюбия, разве он мудр?»²⁰.

Стремление к нравственно-экологическому порядку обнаруживает себя в некоторых простейших формах территориального поведения, когда человек старательно обходит места, которые по разным причинам ухудшают его самочувствие. Например, перестает ходить в аптеку или парикмахерскую, где ему нагрубили, обходит стороной завистников и предателей многолетней дружбы, неохотно посещает места прежней работы, где от отношений с сослуживцами у него остался горький осадок и т.д.

Тяжелым, подчас невыносимым становится окрашенный в негативные тона груз прошлого в условиях малых обществ, где отношения спрессованы и преобладают тесные, повторяющиеся личные контакты. Безусловно, психология малых территорий в каждом случае имеет свою специфику, но есть, как мы убеждаемся, некоторые общие закономерности. Жители небольших территорий вынуждены учиться жить вместе, очень тонко, избирательно приспособляясь к конъюнктуре сложившегося соотношения позиций и сил. Они умеют тщательно скрывать свою враждебность и считаться с чужим мнением, избегая открытых ссор и столкновений, что, однако, не мешает вести скрытую, порой жестокую борьбу с противниками. Большое развитие получают такие средства преследования и унижения, как диффамация, волокита дел, от решения которых зависит судьба человека. Тому, кто стал в малом обществе объектом преследования, отказывают (обычно очень вежливо) во всем: в устройстве на работу, повышении по службе, получении пособий и т.д. Людей недостаточно стойких и ассертивных (способных постоять за себя, защищая свои права и уважая права других)²¹ это изматывает, истощает. Недаром сказано: волокита – смертельная форма отказа.

В малых обществах трудно, выказав негативное отношение какому-либо влиятельному лицу, затем никогда с ним не встречаться, не сталкиваться с его сторонниками. Проблематично хлопнув дверью уйти с одной работы и устроиться на другую, более престижную или равноценную. Репутация неуживчивого или скандального человека будет преследовать его повсюду. С другой стороны, часто руководитель учреждения не смеет уволить нерадивого работника, сознавая, что может вызвать неудовольствие его покровителей. Такая, как ее называет Д. Ловенталь, «управляемая близость»²² сковывает действия человека, не позволяет ему в рамках данного социального поля исполнять свои функциональные обязанности и реализовывать в полной мере свой творческий потенциал. Как правило, людей оценивают здесь не столько по их личным достоинствам и способностям, сколько по степени лояльности к исторически сложившемуся, пусть даже неудобному укладу жизни. Создается в итоге общество с аномическим, иррациональным распределением статусов и ролей. Не будучи знакомым со всеми хитросплетениями связей и отношений, возникающих на этой почве, невозможно понять, в силу каких именно причин одни люди пользуются

большим признанием и всеми благами, а другие, подчас превосходящие их по профессиональным и человеческим качествам, остаются в тени или не у дел.

Управляемой близостью малых обществ обусловлен во многом характерный для них отток трудоспособного населения, когда значительная, как правило, не худшая, часть жителей этих обществ, перемещается регулярно в большие страны и города. Стремление вырваться из малого общества в большое обусловлено некоторыми психологическими моментами, о которых писал еще Гегель. Здесь, по его словам, уменьшается значение семейных и других частных связей и теряет силу острота чувств мести, ненависти и подобные им страсти. «В занятиях, связанных в большом государстве с крупными интересами, эти субъективные стороны сами собой отмирают, и создается привычка исходить из всеобщих интересов воззрений и дел»²³.

Происходит за счет этого глобальное – в масштабах всей планеты – экологическое выравнивание, в ходе которого, нередко, горизонтальная мобильность трансформируется в вертикальную. Подтверждая известную истину, что нет пророка в своем отечестве, этот, говоря словами Ф. Ницше, «пафос расстояния»²⁴ является на самом деле признаком силы, а не слабости населения. В реакциях людей на мир преобладает осознанное движение к самореализации, что предполагает неизбежно преодоление расстояний, изменение условий существования. С одной стороны, это активность, направленная на устранение препятствий, создаваемых жизненной средой, а с другой – столь же сложная и упорная деятельность по использованию, упорядочению, перестройке мира в соответствии с представлениями о личном и общем благе.

Человек никогда не приспосабливается. В своем стремлении к экологическому порядку он всегда, с раннего детства до глубокой старости, приспосабливает: себя к окружению и окружение к самому себе. Нравственно-экологическое мышление и поведение предполагает единство этих начал.

Даже в тех случаях, когда люди, смирившись с плохими условиями существования, почти не пытаются их изменить, плывут по течению, или кончают жизнь самоубийством – все равно это их собственный выбор. Выбор себя, которым они владеют и распоряжаются самостоятельно.

4. Экофутуризм. Идеология становления новых форм бытия

Во взаимодействии с жизненной средой формируются представления об экзистенциальном пространстве, о более или менее успешных попытках человека познать его и приспособить к удовлетворению собственных

нужд. Вектор этих усилий тесно связан не только с опытом предыдущего, но и с моделями предстоящего, в том числе и желаемого будущего, с этически аргументированной организацией жизненной среды. Вот почему вводится понятие экофутуризма – культурной политики, направленной на познание и улучшение параметров экзистенциального пространства, на конструирование предстоящего. Мы говорим об экофутуристическом мироощущении и мировосприятии как о постоянной нацеленности на улучшение параметров жизненной среды. В основе своей это оптимистическое мироощущение, основанное на уверенности в том, что улучшение жизненной среды возможно и происходит, что оно зависит от усилий и творческой инициативы самого человека.

Базовые принципы экофутуристического подхода основаны на глубинной связи изменений, происходящих в жизненной среде, в психологии человека, погруженного в эту среду. Еще в начале XX века известный русский ученый А.А. Богданов выдвинул концепцию повышения жизнеспособности систем за счет мирового потока событий и неизбежно изменяющейся жизненной среды. Используя возрастание суммы и разнообразия активностей, вызванных этими изменениями, человек, по мнению А.А. Богданова, приобретает новые качества, позволяющие ему наилучшим образом организовать свое жизненное пространство²⁵. Дальнейшее развитие получила эта идея в синергетике – науке о принципах эволюции сложных неравновесных систем. По мнению специалистов в данной области, среда – суть «некое единое начало, выступающее как носитель различных форм будущей организации, как поле неоднородных путей развития»²⁶. Возделывать данное поле должным образом, с наибольшей пользой и выгодой для самоосуществления и саморазвития – историческая миссия, ключевая задача человека и общества.

Как видим, в динамике процессов эволюции жизненная среда выступает не только как замысел, но и как совокупность условий, используемых для различных вариантов развития. Это, как сказано ранее, своего рода капитал, предрасполагающий к экологическому успеху. Введенный в начале 70-х годов прошлого столетия С.А. Тулмином для обозначения эффективного развития научной мысли²⁷ этот термин полезен и удобен для более широких экофутуристических обобщений. Мы называем экологическим успехом достижение новых, более совершенных форм бытия человека в мире, когда удачная адаптация является обратной стороной успешного изменения условий жизненной среды.

Это особый случай рационального выбора, специфика которого в том, что условия, диктуемые жизненной средой, приводятся в соответствие с личностными или общественными планами и предпочтениями. При этом не следует опасаться обвинений в антропоцентризме. Антропоцентрична, психологична сама субстанция экологического мышления и поведения²⁸. Аналогичным образом можно рассматривать дина-

мику развития народов и культур. Иначе невозможно понять, почему не только отдельные люди, но и целые народы выбирают различные пути, средства, способы своей самореализации.

Конструирование предстоящего – процесс отчетливо воспринимаемых позитивных изменений жизненной среды. Такая формулировка, использованная недавно талантливым минским психологом К.В. Сельченком в качестве названия изданного им руководства по психодизайну²⁹, лучше всего передает сущность экофутуристического мироощущения, когда постоянно видишь и чувствуешь, что движешься в правильном этически выверенном направлении, в тот мир, в который хотелось бы перенестись. Строго говоря, экофутуристическое, дионисийское отношение к миру лежит в основе всех планов и структур деятельности человека, являясь неотъемлемой частью его психо-биологического и социального естества. Конструирование предстоящего – это захватывающий духовный поход в желаемое будущее, возвышенное дело, преодолевающее обыденность настоящего. В практике взаимодействия с жизненной средой люди создают и постоянно воссоздают особый микромир, наделенный собственным именем субъекта действия, пронизанный силой его духа. Возникает динамичное психологическое пространство, или поле личности, стремящееся реализовать себя в социальном пространстве и времени.

Психологическое поле личности – сложное единство наличного состояния и будущих возможностей человека, его самораскрытия во времени и в пространстве – в еще не состоявшейся истории личной жизни.

Но экофутуристический подход акцентирует внимание не только на психологии, но и на логике становления новых форм бытия. Главное в таком подходе – выбор принципов и приоритетов диверсификации различных параметров экзистенциального пространства, ускорение темпов выхода на более совершенную форму культурной самоорганизации. Ценностно-нормативная заданность такого выбора и устремления в будущее очевидна. Она составляет субстанциональное ядро идеологии среды, включая в себя систему образов о мире, в котором мы хотим жить, соответствующие этим образам планы, проекты, структуры человеческой деятельности. Идеология среды – база для формирования установок экологического мышления и поведения, организационный центр экологического сознания, оказывающий решающее воздействие на общую линию или стратегию человеческой деятельности.

Понятно, что здесь нет ничего раз и навсегда заданного. Идеология среды постоянно меняется в зависимости от эпохи, от масштабных, социально-политических, экономических, технологических преобразований. То же самое происходит и на личностном уровне под влиянием жизненного опыта и возрастных изменений. Например, в старости у людей вырабатываются принципиально иные, более близкие, теплые и чуткие отношения с жизненной средой. Об этом с высоты своего пре-

клонного возраста писал Герман Гессе: «Рассматривание, наблюдение, созерцание все больше становится привычкой и упражнением, и незаметно настроение и позиция наблюдающего определяют все наше поведение»³⁰.

Следует учитывать также, что на различных участках экзистенциального пространства идеология среды проявляется по-разному, специфическим образом. Например, в предметно-пространственной сфере она может выступать в виде концепции дизайна, в сфере природы – как идея поддерживающего развития, гарантирующего сохранение ее ресурсов, в сфере социальных отношений – как установка на равенство, братство, сотрудничество.

Особым образом строится идеология духовно-нравственного пространства личности. Например, в мировых религиях она предстает как концепция самосопереживания, самоочищения, самоспасения, а в конечном итоге – как идея сохранения данного Богом (неповрежденного) состояния. Концепция греха и страдания – в основе своей нравственно-экологическая. Утверждается, что в духовной сфере все зависит от того, как распорядится человек условиями, которые создал для него Творец, что люди сами себя наказывают, если «вместо чистой воды пьют грязную». Человек с развитой способностью этической рационализации жизненной среды наполняется силой и энергией, позволяющей преодолеть связанную с мыслями о непредсказуемости и опасности предстоящего фундаментальную тревогу бытия.

Этим объясняется необходимость изучения специфики прогнозирования и проектирования жизненной среды, взаимного соответствия замысла и реальности в экзистенциальном пространстве. Экофутуризм – не обывательская мечтательность или предусмотрительность, а воля к жизненно необходимому, этически значимому изменению жизненной среды, концентрированное выражение ответственности перед будущим. Тяготение человечества к такому пониманию своей миссии не подлежит сомнению. Отдельные люди и целые сообщества стремятся действовать так, чтобы последствия этих действий улучшали основные характеристики экзистенциального пространства, способствовали достижению хорошего общего самочувствия, ощущения здоровья и полноты жизни. Правильно сказано, что «вдохновленные такими целями, ощущая воздействие блага на чувство, мы можем испытать радость ответственности»³¹. Это цели, которые направляют наше сознание и поведение в нравственно-экологическое русло. Они помогают нам жить, придавая уверенность в себе, в правильности принимаемых решений.

Конечно, нравственно-экологическое видение мира не дает рецептов на все случаи жизни. Но оно незаменимо в качестве универсального способа анализа и диверсификации жизненной среды, которым мы всегда можем воспользоваться с громадной пользой для себя и для своего окружения.

5. Инстинкт сочувствия и культурные механизмы эмпатии

К явлениям экологического выравнивания следует отнести также некоторые биопсихологические закономерности и законы, например закон эмпатии (от греч. *empathēia* – сопереживание, сочувствие).

Закон эмпатии проявляется в виде сочувствия различным элементам жизненной среды: сочувствия людям, жизни растений, памятникам архитектуры и т.д. Это особого рода активность психики, сопровождающаяся желанием сохранить, поддержать или установить экологический порядок. Мы уже говорили, что в межличностных отношениях эмпатия обнаруживает себя как переживание переживаний другого человека. В итоге достигается не только высокая степень понимания субъектом состояний и действий объекта, но и определенное (полное или частичное) согласие с его мотивами, с внутренним оправданием и объяснением бытия другой личности. Недаром эмпатию рассматривают как сочувствие, предрасполагающее к помощи и альтруистическому поведению.

Ясно, что понимаемая таким образом эмпатия приобретает различные культурные формы, оставаясь в то же время имманентным природным свойством человека. Сочувственная объективность вырастает из глубин коллективного бессознательного как внутренняя потребность человеческого естества в подобии, аффилиации, взаимном признании. «У человека есть инстинкт сочувствия», – подчеркивал К. Юнг³². В самом деле, эмпатия может возникнуть произвольно и неожиданно для самого субъекта, например как сострадание к заклятому врагу, попавшему в трудное положение. Вообще, Юнг больше, чем кто-либо другой из великих мыслителей XX века, был сторонником широкой общегуманистической трактовки сочувствия как проявления экстравертивной установки и активной ассимиляции (интроекции) объекта субъектом. «Человек с установкой на эмпатию, – писал он, – обнаруживает себя в мире, нуждающемся в его субъективном чувстве, с тем, чтобы иметь жизнь и душу. Он доверчиво наделяет его своим воодушевлением»³³.

Это означает, что эмпатия – свойство психической организации человека. А эмпатические реакции являются не только сознательными, но в какой-то степени и произвольными инстинктивными реакциями, направленными на сохранение и восстановление экологического порядка. Уже в первобытном обществе таковы реакции мужчины-самца, стремящегося защитить свое ближайшее и наиболее уязвимое социальное окружение, без которого он не может жить полнокровной жизнью. Прежде всего, это касается семьи, которая создается и функционирует благодаря взаимопомощи. «Если мы рассмотрим все известные человеческие общества, – пишет М. Мид, – мы повсюду найдем какую-либо форму семьи, некоторый набор постоянных правил, побуждающих

мужчин помогать женщинам, заботиться о детях, пока они малы... Отличительная черта самца человека – повсюду помогать добывать пищу женщинам и детям»³⁴.

По мере развития цивилизации и морали эти реакции выходят за пределы семьи, приобретают характер общепризнанных норм и привычных способов сочувственного, благожелательного поведения, создавая в обществе атмосферу согласия, взаимной помощи, поддержки, понимания. Такие нормы складываются постепенно уже в эпоху становления человечества как необходимость объединения усилий, направленных на выживание в условиях суровой дикой природы. На смену дообщественному состоянию человека приходят формы общественной организации, объединяющие его с другими людьми на основе согласия и взаимной помощи – для прекращения войны всех против всех³⁵. Основы культуры эмпатии закладывались уже в первобытном обществе, и уже в то время многие из альтруистических норм и обязательств носили общечеловеческий характер. Например, добывая совместно пищу, люди щедро угощали и одаривали добычей другого члена данной общности³⁶. Взаимная помощь выступала здесь, как отмечал К.Ф. Кесслер³⁷ и вслед за ним П.А. Кропоткин и Л.С. Берг, в качестве важного фактора эволюции и социального прогресса³⁸.

Сочувствие распространялось и на природу, которая становилась вследствие этого сопричастной духу человечества. Хорошо известные под названием антропоморфизма и анимизма (аниматизма) эти отношения имеют гуманистическую направленность как способы выражения основанного на эмпатии внутреннего единства человека со средой.

Размышляя над этим, мы все больше приходим к мысли о необходимости рассмотреть под новым углом зрения концепцию и догму анимизма как продукта первобытного, прелогического мышления. Анимизм – это форма сопричастности смыслу и назначению окружающего мира, способ нравственно акцентированной организации жизненной среды.

Например, известны явления пищевого аниматизма, в основе которых лежит благоговейное отношение к хлебу как к духовной сущности, способной переживать и оценивать отношение к ней человека³⁹. У балкарцев есть выражение: гыржын къач – букв.: «крест хлеба». И это, пожалуй, самое лучшее отображение не только культа и святости пищи, но и всего разнообразия связанных с ним традиционных способов мышления и поведения. К примеру, не рекомендуется садиться за стол и есть с кем попало. Считается, что совместная трапеза обязывает к дружбе и верности и в последующем, если человек изменит этой дружбе, его накажет даже не судьба, а пища. Отсюда проклятье: гыржын къачы урсун – «пусть ударит (накажет) хлеб»⁴⁰.

Не менее показательна традиция почитания растений, выражавшаяся еще и в том, что некоторые деревья и леса выделялись особо в качестве объектов религиозного поклонения. Повсеместно действовали

запреты на вырубку таких деревьев и лесов, и это были эмпатические в своей основе нормы, являющиеся компонентами традиционной экологической, природоохранной культуры. Среди шапсугов было распространено мнение, что срубленная в священном лесу ветвь повлечет за собой смерть человека, посмеявшегося это сделать, срубленное дерево – уничтожение его семьи, а истребление священной рощи – гибель всего окрестного населения⁴¹.

Аналогичные представления и обычаи были распространены у многих других народов. И дело здесь, конечно, не в страхе наказания, а в сочувствии жизни вообще, будь то жизнь растения, животного или человеческого существа. Обычно люди с неохотой, с каким-то необъяснимым тяжелым чувством прибегают к вырубке деревьев и лесов и, напротив, испытывают удовольствие, когда лесной массив или какое-либо красивое дерево, беспрепятственно развивается, радуя глаз своей мощью, величием, красотой форм.

Сочувствие жизни растений и в целом устройству окружающей человека среды внутренне связано с эстетическими переживаниями. По существу, любая активность, имеющая целью создание, сохранение и развитие красоты, является в основе своей эмпатической. Акцентируя на этом внимание, нравственная экология подготавливает почву для рассмотрения в данной плоскости всех компонентов культуры: первичного производства, поселения, жилища, пищи, морали, права, религии, народного искусства. Чем выше свойственная данному сообществу на данном этапе истории культура эмпатии, тем ярче обнаруживают себя во всех названных сферах жизни признаки красоты, гармонии, нравственной чистоты, справедливости. В отличие от этого недостаточно развитая культура эмпатии питает, поддерживает и множит этически и эстетически ущербную и агрессивную деятельность и среду, пагубно отражаясь на самочувствии людей.

Низкий уровень эмпатии свидетельствует в таких случаях и об отсутствии необходимой нравственно-экологической грамотности и культуры, когда люди не могут даже понять, к каким реакциям обязывает их та или иная жизненная ситуация. Выделяя такую разновидность невежества, Гегель писал: «В своих отношениях с другими людьми необразованный человек легко может их обидеть, так как он действует по своему побуждению, не предаваясь рефлексированию о чувствах других. Он не хочет задевать других, но его поведение не согласуется с его волей»⁴².

Дуализм такой ситуации очевиден. Он состоит в том, что, как правило, «инстинкт сочувствия», не подкрепленный соответствующими нормами, навыками, потребностями, не срабатывает. В результате нарушается исторически сложившееся право человека на эмпатию – на сочувственное, понимающее, благожелательное отношение. И это свидетельствует лишний раз о том, что концепция справедливости возни-

кает как форма этической и юридической рационализации сочувствия, как способ эмпатического понимания и объяснения мира.

В своих высших проявлениях эмпатия является актом доброй воли и самопожертвования. Карл Роджерс и другие психологи не зря подчеркивали в данной связи, что быть эмпатичным трудно, что для этого необходимо обладать большой внутренней силой, оставаясь в то же время тонким, чутким, снисходительным, деликатным⁴³. Однако это не бесполезная трата сил и средств. Обычно во взаимоотношениях человека с миром эмпатия проходит тест на рациональность⁴⁴, поэтому, действуя в интересах социального и природного окружения, человек действует и в своих собственных интересах, создает для себя благоприятную социальную среду и психологическую атмосферу.

Эмпатия – это высокая культура чувств, предполагающая развитие нравственное внимание и память.

Но можно ли с такой меркой подходить к обычному человеку? Как оставить в стороне свои собственные дела и заняться делами, не имеющими прямого отношения к удовлетворению собственных нужд и потребностей? Как преодолеть возникающие на этом пути психологические, социальные барьеры: эгоизм, вековую вражду и предубежденность, элементарную усталость? Где взять необходимые для этого силы?

Ответить на поставленные вопросы гораздо легче, если учесть, что неиссякаемым источником эмпатии и дополнительных ресурсов, необходимых для поддержания сочувственного отношения к людям, является культура эмпатии – система принципов и норм сочувственного мышления и поведения. Действия, подчиненные этим принципам и нормам, люди воспринимают обычно как нечто вполне естественное и необременительное. К примеру, требуются ли в обычных условиях большие силы для того, чтобы поприветствовать знакомого человека, расспросить его о делах, поблагодарить за оказанное внимание, извиниться за опоздание на встречу, поздравить с повышением по службе или с рождением ребенка? Считаем ли мы очень трудным делом помочь старому и больному человеку подняться по лестнице, уступить место женщине, заменить на работе заболевшего коллегу? Нет, конечно. Человек в таких случаях действует в интересах других людей в силу, как пишет Гегель, простой добропорядочности, движимый желанием соответствовать такому поведению, которое «ему в его условиях предписано, высказано, известно»⁴⁵.

В повседневном общении значительная часть эмпатических действий выполняется почти автоматически, по привычке. Они относятся к числу так называемых «простых волевых действий», соотносимых с простыми нормами нравственности. Проще говоря, в таких случаях мы ведем себя надлежащим образом, так, как предписывает освоенная и разделяемая нами культура. На этой почве произрастает доверие, развиваются сотрудничество, взаимовыручка, взаимопомощь.

Дополнительно к этому, уже за пределами межличностных связей и отношений существует четко обозначенный, во многом высокоинституционализированный слой культуры эмпатии, связанный с созданием благоприятной для человека жизненной среды при строительстве жилых и производственных помещений, конструировании промышленных изделий, озеленении городов и т.д. Широко обсуждаются различные аспекты не только естественной, но и рукотворной среды, чтобы выяснить, в какой мере она отвечает национальным и общечеловеческим стандартам эмпатического, эстетического отношения к миру. Мысли отдельных личностей и целых народов в течение многих веков работают в данном направлении, стремясь противостоять беспечному, расточительному отношению к своему бытию.

Одним словом, существует, и вполне реально, мощный пласт культуры, сформировавшийся под влиянием сочувствия, сопереживания, взаимной помощи. Мы называем его культурой эмпатии. В структуре нравственной экологии (и гуманитарного знания в целом) данный слой культуры выступает как основной, определяющий тенденцию социального развития человечества⁴⁶. Культура эмпатии – это система выработанных человечеством ценностей, норм, институтов, ориентированных на этико-эстетическую рационализацию мира – на производство и воспроизводство сочувственного, понимающего, эстетически выдержанного мышления и поведения.

Оставаясь хорошо организованной и скоординированной целостностью, культура эмпатии четко разделяется на индивидуально-личностную и социально-организованную (институционализированную) культуру эмпатии.

В первом случае речь идет об умениях и навыках эмпатического мышления и поведения отдельного человека. Эмпатичность выступает здесь в качестве важного личностного свойства, и в таких случаях говорят о характере отдельного человека: о его доброте, отзывчивости, чуткости. В отличие от этого, социально-организованная культура эмпатии является характеристикой общества в целом. Она включает в себя систему стандартов благополучной жизни, утвержденных и поддерживаемых государством. К примеру, эмпатическим содержанием наполнены архитектурные решения и стандарты⁴⁷. И особенно касается это так называемой городской экологии. Пространство улиц, кварталов, районов, площадей, скверов, дворов, зданий, квартир организуется с учетом потребностей горожан в психологическом комфорте.

Как видим, задача культуры эмпатии – придать естественным импульсам и реакциям сочувствия, сострадания, помощи более осмысленный и организованный характер. С информационной точки зрения она представляет собой определенную систему сведений о том, где взять эмпатию и как быть эмпатичным в конкретных жизненных условиях и ситуациях. Это внутренний опыт человечества, приобретаемый

и используемый в ходе социализации и известный в той или иной мере каждому человеку.

6. Нравственно-экологическая грамотность

Этическая рационализация жизненной среды позволяет сбалансировать инструментальную грамотность, которая стимулирует распространение профессиональных знаний и развитие цивилизации, и духовно-нравственную или нравственно-экологическую грамотность, обеспечивающую формирование этико-эстетических принципов и установок, сохранность и развитие гуманитарной культуры.

Дело в том, что инструментальные знания, производимые наукой и направленные на техническое преобразование мира, непригодны для преобразования души человека, развития способностей морального суждения и поведения. Отсюда некоторая однобокость современных систем образования. В погоне за высоким уровнем технической цивилизации снижается уровень нравственно-экологической грамотности и требовательности к состоянию жизненной среды, общей культуры человека и общества. Это приводит в конце концов к разладу с внутренней и внешней средой, ощущению, что, несмотря даже на внешние признаки успеха, жизнь теряет постепенно свой прежний смысл. «Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслотраты, – говорил в данной связи В. Франкл. – В такой век воспитание должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совесть так, чтобы человеку хватило чуткости расслышать требование, содержащееся в каждой отдельной ситуации»⁴⁸.

Именно к этому обязывает нравственная экология, опирающаяся во всех случаях на богатый, складывавшийся веками опыт этической рационализации взаимоотношений человека с жизненной средой.

Впрочем, и в отношении к культурному наследию, в частности к традиционным верованиям и практикам, следует проявлять нравственно аргументированную критическую грамотность. Многие из них не способствуют развитию и росту и становятся порой серьезным препятствием на пути прогресса. «Традиции, – отмечает в данной связи американский этнолог Роберт Эджертон, – могут быть полезны, они способны даже выполнять функции важных адаптивных механизмов, но при этом довольно часто бывают неэффективными, вредными и даже смертельно опасными»⁴⁹. К примеру, актуальной и совершенно оправданной остается для нас ценность традиционных этических принципов. Но при этом нет четкого представления о механизмах сдвига от ценностно-ориентирующей доминанты традиционной этики и традиционного кодекса поведения к их целерациональной доминанте, отвечающей вызовам нового времени.

Развивая упомянутые выше рассуждения о необходимости нравственно-экологического воспитания, В. Франкл очень ярко отобразил необходимость такого сдвига: «В век, когда десять заповедей, по-видимому, уже потеряли для многих свою силу, человек должен быть подготовлен к тому, чтобы воспринять 10000 заповедей, заключенных в 10 000 ситуаций, с которыми его сталкивает жизнь»⁵⁰. В каждом конкретном случае, опираясь на предельно общие моральные принципы и установки, мы сами должны принимать решения относительно пригодности или непригодности наших действий и норм совместной жизни.

Критика и переработка наличного фонда культуры была актуальна во все времена. Вместе с тем нужны новые алгоритмы осмысления, трансляции, актуализации традиций. Мы унаследовали от прошлого величайшее культурное наследие, но чаще всего не ощущаем его присутствия в актуальном жизненном пространстве; имея в своем распоряжении богатый духовно-нравственный опыт, не в состоянии его познать, усвоить, применить для наилучшей организации жизненной среды. В новых, сильно изменившихся условиях этот опыт не может использоваться прежними способами и в прежнем объеме. Традиционная культура, религия, родной язык становятся для многих не подспорьем в организации жизненной среды, а обузой, непосильным грузом. Люди не знают, что с этим наследием делать, какие именно культурные ценности и какое место могут или должны занять в пространстве их существования. Отсюда растерянность, суетливость, духовная неустроенность, а порой и озлобленность значительной части населения, желание сбросить с себя груз прежних ценностей, тяжелое бремя сохранения культуры. Считая свою жизнь неудавшейся, многие сознательно или не вполне осознанно мстят всему окружающему, создавая вокруг себя атмосферу нравственно-экологического неблагополучия.

Разумеется, нет необходимости отказываться ни от благ современной цивилизации, ни от культурных традиций. И те, и другие очень важны и нужны, но оборачиваются злом, разочарованием и разрушением, если не служат целям духовно-нравственного развития. Сознательный (порой демонстративный) или неосознанный отказ от прежних ценностей и норм чреват, как показывает опыт человечества, самыми худшими последствиями.

Такова одна из серьезнейших проблем современного глобального мира. С ней связаны мучительные искания, удачные находки, а зачастую и потерянные целых поколений. Число людей, сохранивших живую связь с полем собственной культуры, сокращается с угрожающей быстротой и, напротив, возрастает число утративших эту связь. Нетрудно представить, к каким последствиям может привести нарастание этого разрыва. При отсутствии нового пополнения творцов и ценителей культуры и заметном снижении уровня преемственности ценностей и норм любое, самое богатое духовно-нравственное, художественное наследие рискует угаснуть, попасть в руки людей, не способных не толь-

ко распорядиться этим наследием, но даже проникнуться мыслью о его непреходящей ценности.

К наихудшим последствиям приводят активные формы такого невежества. Примером может служить исламский фундаментализм с его отрицанием национальной культуры, когда под флагом борьбы с язычеством или с другими религиозными системами внедряются опасные идеи экстремизма и радикализма. В различных концах мира, в том числе в России, и особенно на Северном Кавказе, они наносят огромный ущерб нравственно-экологическому состоянию общества.

В социологической традиции со времен Э. Дюркгейма такие спады общественной жизни и широкомасштабные нарушения экологического порядка известны под названием аномии. Поэтому ученые в разных концах мира твердо убеждены, что «человеческое благо связано с причастностью к сложившимся формам культуры, содержание которых существенно варьируется»⁵¹. Культуросообразность и преемственность – непременные условия успешной адаптации человека к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям, залог поступательного, устойчивого развития общества. Такой подход существенно меняет наши представления об экологии человека, акцентируя внимание на том, что социокультурное загрязнение среды вредит человеку в не меньшей степени, чем химическое, радиационное или биологическое. Более того, подчеркивается, что именно культурная, нравственная эрозия является главной причиной ущерба, наносимого жизненному пространству в целом.

Резко возрастает в этих условиях социальная значимость нравственно-экологической грамотности личности, для которой принципиальное значение имеет восприятие и освоение окружающей среды через призму этико-эстетических диспозиций.

7. Идеология жизненной среды и политика толерантности

Определенные ценности и нормы усваиваются человеком в любом случае, независимо от его воли и желания. Это происходит естественно и неизбежно уже в ходе первичной социализации, под влиянием окружения, которому человек подражает, которое его поощряет за одни поступки и наказывает за другие.

Но за кажущейся хаотичностью данного процесса стоит определенный порядок, определенная концепция человеческого существования. Восприятие и чувствование как ценности людей, вещей, событий, суждений осуществляется через идеологию, которая является лишь концентрированным выражением жизненной, прежде всего, социальной среды. В самом деле, обычно ценности сами по себе лишены информационной

энергии, достаточной для ощутимого воздействия на мышление и поведение людей. Без социальных и психологических установок, способных преобразовать их в движущую силу социальной активности и культурной динамики, они мертвы. Правильно замечено, что для каждого человека только то представляет собой ценность, что имеет к нему соответствующий доступ, что глубоко затрагивает его как личность⁵².

Даже такие понятия, как честь, Родина, родной язык, нравственная чистота и порядочность ничего не стоят, если они не превращаются в мотивы, в доминантные, командные центры социального действия.

Ближайшее экзистенциальное пространство и более широкое социокультурное окружение предлагают человеку некоторое множество ценностей, но какие из них станут для него главными, определяющими смысл и назначение бытия, зависит от идеологии среды. С этим связана постоянная борьба за человека, за вовлечение его в систему тех ценностей и норм, которые диктует та или иная концепция человеческого существования.

На наш взгляд, отрицание идеологии как таковой не имеет никакой абсолютно почвы под собой. Идеология – это имманентное свойство жизненной среды. Поэтому резко и однозначно негативное или позитивное отношение к ней не только непродуктивно, но и бессмысленно. Все зависит на самом деле от внутреннего содержания и общей направленности жизненной среды. Она способна раскрепощать человека и снижать психическое и социальное напряжение или действовать в прямо противоположном направлении – принуждать к действиям, которые приводят к распаду личности и хронической безрадостности, к утрате не только собственного достоинства, но и элементарного чувства реальности и соразмерности.

Во взаимодействии с идеологически нагруженным социальным пространством формируются характер и жизненная философия человека, выкристаллизовываются его моральные принципы и установки. Предлагаемая как наиболее важные для выживания и личностного роста одни ценности и нормы, идеология отвергает или нейтрализует другие. Тем самым, она воздействует на движущую силу человеческого существования, на естественное стремление к развитию и росту, на желание использовать для этого все свои возможности. Важнейшие функции идеологии – отбор, трансляция и последовательная, подчиняющаяся определенной программе реализация ценностей. Пассивность среды только кажущаяся. Воздействуя на личность всей своей мощью и самим фактом своего существования, она задает, иногда навязывает, программу внутренней организации фактов и отношений действительности, предпочтительных способов человеческого существования.

Ключевой является, таким образом, не только проблема культурных ценностей и норм, но и той идеологии, благодаря которой «наводятся мосты между реальным и желаемым положением дел»⁵³. Даже сознательно

отказываясь признавать значение, которое имеет для нас идеология, мы неизбежно следуем в своем мышлении и поведении ее законам.

Идеология может способствовать вытеснению и нейтрализации одних ценностей и усилению других, в том числе не всегда оптимальных с точки зрения культурного развития и роста. Это явление, напоминающее закон взаимной индукции в психофизиологии. Согласно этому закону, открытому академиком А. Ухтомским, торможение в одних участках мозга приводит к возбуждению в других, к активизации центров, ответственных за иные, в том числе и альтернативные способы восприятия и категоризации мира.

Борьба конкурирующих центров в этом случае предстает как перенесенная в сферу индивидуального сознания идеологическая борьба. А идеологический вакуум – это лишь метафора, которой мы пользуемся для обозначения кодовых переходов в общественном и индивидуальном сознании, например, переходов, которыми был ознаменован период перестройки и внедрения рыночных отношений в нашей стране.

Таков внутренний механизм культурной динамики. Всякое ослабление одних центров управления мышлением и поведением неизбежно влечет за собой усиление других импульсов или установок, зачастую прямо противоположных по содержанию. Этот механизм действует и по типу обратной корреляции, когда возбуждение в одних участках сознания обуславливает торможение в других.

Однако процесс идеологически значимого упорядочивания ценностей нельзя представлять исключительно как их борьбу. Идеология должна обеспечивать, кроме того, консенсус и оптимальное соотношение наиболее актуальных в данный момент ценностных программ, которые, «дождавшись своей очереди», станут столь же актуальными в будущем. Правильно замечено, что очень часто здесь дают о себе знать не столько признаки борьбы взаимоисключающих ценностей, сколько симптомы перегруженности, когда «синхронизация и своевременность становятся в сфере властной практики проблемой и меняют структуру ее предпочтений»⁵⁴. Экологический подход позволяет преодолеть данное противоречие, разрывая оковы настоящего под действием величайшей ответственности перед будущим.

При этом особое значение приобретает толерантность. В ее основе лежит договор об элементарной учтивости, доброжелательности, тактичности. В нашем понимании, толерантность – сплав уважения других и самоуважения, проявление в поступках, манерах, в стиле жизни развитой умственной культуры и высокой требовательности к себе. Прежде всего, это терпимое отношение к людям, к тому, что в их внешности, действиях, убеждениях, чертах характера не нравится и кажется не вполне гармоничным, но расценивается, тем не менее, как нечто такое, что имеет право на существование. Толерантность – антипод всякой односторонности и категоричности.

Занимая толерантную позицию по отношению к другим, мы признаем наличие собственных недостатков, и, в свою очередь, надеемся, что окружающие, проявляя терпимость, не станут судить нас за них слишком строго, будут принимать, уважать, иногда даже любить нас такими, какие мы есть. Именно в этом смысле мы говорим о роскоши человеческого общения, когда можно взаимодействовать с другим, без страха быть непризнанным и непонятым, без страха быть наказанным за какую-либо неточность или оплошность. Здесь, как мы видим, присутствует признание того, в общем, вполне очевидного факта, что все люди по самой своей природе несовершенны, и это должно их объединять, а не разъединять. В сущности, перед нами договор о сочувственном понимании и признании друг друга – о такте, снисходительности и благородстве в человеческих отношениях.

Система мер, в том числе и государственных, законодательных, направленных на соблюдение условий понимаемого таким образом договора, образует политику толерантности. В рамках такой политики поддерживаются свобода печати, свобода совести, права меньшинств, определяется, какие именно формы и пределы терпимости являются приемлемыми или неприемлемыми для данной общности в данный момент. Политика толерантности, последовательно проводимая в государстве, способствует формированию гражданского патриотизма, высокой общей культуры и культуры эмпатии, достижению на данной основе экономического процветания. И напротив: низкий уровень политической толерантности создает моральную базу разобщенности, всеобщего недоверия, культурной и экономической отсталости.

Главное свойство толерантности – готовность отказаться от этически и юридически неприемлемых реакций, от действий, противоречащих принципам демократии и способных нанести ущерб другим людям. И это следует расценивать как проявление внутренней культуры и дисциплины, а не слабости или обывательского благоразумия.

В быту мы придерживаемся такой линии поведения почти автоматически – благодаря сложившимся навыкам вежливости, такта, соучастия, – создавая для других психологически комфортное социальное пространство. Но толерантность, все же, форма наиболее осознанного и трудного эмпатического действия, когда мы совершаем поступки, преодолевая определенные внешние и внутренние препятствия. В своих высших проявлениях это не простое, а сложное волевое действие, сопряженное с борьбой мотивов. И особенно это касается политической толерантности, когда от качества тех или иных решений и действий зависят судьбы многих людей.

Толерантность, как это ни странно, соотносима с силой и властью. Прежде всего, с властью над самим собой. Отсюда некоторые нюансы традиционных представлений о мужестве. Существует понятие благородного мужества, соотносимое с сочувствием, состраданием, с готов-

ностью защищать права слабых, угнетенных. А также – с терпением и стойкостью, с умением прощать и быть благодарным, признавать (преодолевая порой ревность и болезненное самолюбие) чужие заслуги и достоинства. Политическим лидерам такие качества позволяют приобрести большую популярность в народе и, благодаря этому, сплотить общество, мобилизовать его на решение насущных проблем.

Сказанное свидетельствует еще и о том, что в политике толерантности большое значение имеет способность отменить или отодвинуть во времени реакцию неприятия, перенести поиск правильного решения и действия в будущее, позволяя свести решение задач статики к задачам динамики.

Такая позиция может вызвать ложные ассоциации с инертностью, нерешительностью, пассивностью. Поэтому следует подчеркнуть, что в рамках правильно выстроенной политики толерантности обозначенная тактика является отражением не пассивного, а активного, этически значимого контроля и торможения. Она позволяет выиграть время и властвовать над ним, снизить возможность принятия ошибочных решений. Возникшая проблема выводится, благодаря этому, за пределы ситуации ее породившей с большой долей вероятности, что напряженность снизится под влиянием определенных действий и событий, которыми заполнится выигранное время.

Принципы политической толерантности находят выражение и в представлениях об управлении движением в пространстве. Возникает даже зрительный образ такого контроля, который в русском языке выражен в понятии «пойти навстречу». У народов Кавказа аналогичная идея передается еще более зримо и радикально. Говорят о готовности человека пройти определенный путь вместе и в согласии с оппонентом, несмотря на то, что эгоистические интересы указывают ему другой, прямо противоположный маршрут.

Толерантный лидер открыто, с достоинством идет на такой шаг или компромисс – из уважения или сочувствия к оппоненту, во имя дружбы, согласия, сотрудничества. Так или примерно так, в 1962 году пошел на уступки алжирскому народу генерал де Голль, сумев повести за собой по этому трудному пути весь французский народ.

Примечания

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.

² Лихачев Д.С. Раздумья. М., 1991. С. 202.

³ Herzfeld M. Anthropology. Theoretical Practice in Culture and Society. Oxford, 2001; Rapoport A. Spatial organization and the built environment // Companion encyclopedia of Anthropology. London and New York, 1988. Ямсков А.Н. Исследования экологических функций нематериальных явлений культуры // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М., 2005.

- ⁴ *Watson O.M.* Proxemic behavior: A cross cultural Study. The Hague-Paris, 1970.
- ⁵ *Loventhal D.* Social Leatures // Small stares. Chicago, 1987.
- ⁶ *Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства. М., 1988.; *Bourdieu P.* Strukturs, habitus, practices // The logic of practice. Book 1. 1990.
- ⁷ *Jtelson W.H., Proshancky H.M., Pivin L.C., Winkel K.G.* An introduction to environmental psychology. N.-Y. etc., 1974.
- ⁸ *Dower N.* What is environmental ethics // Ethics and environmental responsibility. Aldershot etc., 1989.
- ⁹ *Мантатов В.В., Доржигушаева О.В.* Экологическая этика: буддизм и современность, Улан-Удэ, 1977; Горелов А.А. Экология. М., 2002. С. 226-242.
- ¹⁰ *Аалто А.* Архитектура и гуманизм. М., 1978; *Environmental aesthetics. Theory, research, and application.* Cambridge, 1988.
- ¹¹ Как правило, речь идет при такой постановке вопроса об ограничениях, которым должен следовать человек по чисто экологическим соображениям. – *Форрестер Д.* Мировая динамика. М., 1978. Основной тезис этого направления - «этика в экологическом смысле – это ограничение свободы действий в борьбе за существование». – *Леопольд О.* Календарь песчаного графства. М., 1988. С.200.
В русле концепции ограничения и расширения зоны ответственности перед природой выполнена и недавно переведенная на русский язык книга немецко-американского философа Ганса Йонаса. – *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М., 2004.
- ¹² Видеть красоту // Литературная газета. 2006. № 10. С. 14.
- ¹³ *Годфруа Ж.* Что такое психология. Т. 1. М., 1992. С. 74, 98.
- ¹⁴ *Хэйс Н.* Популярная прикладная психология. М., 2005. С. 327.
- ¹⁵ *Айзенк Г., Айзенк М.* Исследования человеческой психики. Почему мыведем себя именно так. М., 2002. С. 62-63; *Аронсон Э., Уилсон. Т., Энкерт Р.* Психологические законы поведения человека в социуме. СПб. – М., 2002. С. 379.
- ¹⁶ *Isen A.M.* Positive affect, cognitive processes, and social behavior // *Advances in experimental social psychology.* Vol. 20. N.-Y., 1987.
- ¹⁷ *Эфроимсон В.П.* Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. С. 119.
- ¹⁸ *Вердербер Р., Вердербер К.* Психология общения. Тайны эффективного взаимодействия. СПб., 2006. С. 98.
- ¹⁹ *Park E.R.* On social control and collective behavior. Selected papers. Chicago; London, 1967.
- ²⁰ *Конфуций.* Лунь юй // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. С. 147.
- ²¹ См. об ассертивности: *Вердербер Р., Вердербер К.* Психология общения. Тайны эффективного взаимодействия. СПб., 2006. С. 163,166.
- ²² *Lowenthal D.* Social features // Small stares. London, 1987.
- ²³ *Гегель.* Философия права. М., 1990. С. 335.
- ²⁴ *Ницше Ф.* Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. Минск, 1998. С. 206.
- ²⁵ *Богданов А.А.* Текстология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 1. С. 201.
- ²⁶ *Князев Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 6.
- ²⁷ *Тулмин С.Э.* Человеческое понимание. М., 1984. С. 294.
- ²⁸ *Медведев В.И., Алдашева А.А.* Экологическое сознание. М., 2001. С. 22.
- ²⁹ *Сельченко К.В.* Конструирование предстоящего. Руководство по психодизайну. Минск, 2006.
- ³⁰ *Гессе Г.* О старости // Человек без границ. 2006. № 1. С. 23.
- ³¹ *Йонас Г.* Принцип ответственности. М., 2004. С. 171.
- ³² *Юнг К.* Архетип и символ. М., 1991. С. 113.

- ³³ Юнг К. Психологические типы. СПб.–М., 1995. С. 492. Возможно, взгляд Юнга на эмпатию был своеобразной реакцией на скептическое отношение к альтруистической морали, выраженное в наиболее отчетливой и резкой форме Ф. Ницше. См.: Ницше Ф. Утренняя заря или мысль о моральных предрассудках. Минск, 1998.
- ³⁴ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988. С. 312.
- ³⁵ Куббель Л.Е. Становление первобытной истории как науки // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 102.
- ³⁶ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 405, 406.
- ³⁷ Кесслер К. О законе взаимной помощи // Труды Санкт-Петербургского общества естественных наук. 1980. Вып. XI.
- ³⁸ Кропоткин Б.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918; Берг Л.С. Борьба за существование и взаимная помощь. Петроград, 1922.
- ³⁹ См.: Бгажноков Б.Х. Культ пищи и пищевой аниматизм // Этнографическое обозрение. 2001. № 2.
- ⁴⁰ Сведения, любезно представленные Т.Ш. Биттировой.
- ⁴¹ Каменев Н. Урочище Адыхек // Кубанские войсковые ведомости. 1866. № 43–44. С. 170–171.
- ⁴² Гегель Г.В. Указ. соч. С. 233.
- ⁴³ Rogers C.R. Emphatic: an unappreciated way of being // Counseling psychol. 1975. V. 5. № 2. P. 9.
- ⁴⁴ Brandt R.B. Rationality, egoism, and morality // J. philosophy. 1979. V. 59. № 20. P. 9.
- ⁴⁵ Гегель Г.В. Философия права. М., 1990. С. 203.
- ⁴⁶ См. об этом: Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. М., 2003.
- ⁴⁷ Lang J. Symbolic aesthetics in architecture: toward a research agenda // Environmental aesthetics. Theory, research, and application. Cambridge, 1988. P. 11–12.
- ⁴⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 39.
- ⁴⁹ Эджертон Р. Традиционные верования и практики: действительно ли одни лучше, чем другие? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002. С. 175.
- ⁵⁰ Франкл В. Указ. соч. С. 39.
- ⁵¹ Грей Дж. Поминки по просвещению. М., 2003. С. 211.
- ⁵² Лэнгдэ А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М., 2006. С. 142.
- ⁵³ Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.-Y., 1973. P. 201.
- ⁵⁴ Луман Н. Власть. М., 2001. С. 131.

Глава 4

Культурная антропология морали

1. Моральные основания разнообразия культур

Разнообразие культур – фундаментальный адаптационный ресурс человечества, но мы используем его отнюдь не в полной мере. Опыт многих народов мира зачастую отвергается, как способный только препятствовать поступательному развитию общества, – и на первое место выдвигается нравственный опыт и достижения западных стран. Считается, что только моральный универсализм западноевропейского образца способен стать моделью культурной самоорганизации глобального мира.

Такая односторонность ориентиров оборачивается подчас нравственной амнезией и культурной неразберихой. В результате упадка и размывания традиций и ценностей в структуре отдельных обществ, вовлеченных в водоворот глобализации, образуются зияющие пустоты, нарушающие внутреннее единство культуры. Снижаются жизнеспособность и адаптивность таких обществ. Люди в этих условиях чувствуют себя недостаточно уверенно и уютно, возникают дополнительные препятствия для конструктивного самоанализа и эффективной самоорганизации. Отсюда нерациональное использование сил, средств, времени, расточительное отношение к культурному наследию. Человек теряет способность реально оценивать происходящее с ним самим и с его народом, делая из этого разумные выводы, занимая рационально (а, следовательно, и этически) выверенные позиции по отношению к миру, к ресурсам и перспективам бытия и развития.

Механическая замена прежних ценностей и норм новыми нарушает целостность этнических систем. «Догоняя», таким образом, западную цивилизацию, мы уничтожаем этически выверенное равновесие между традиционным и современным образом жизни, между границами этноса и границами человека. Негативно сказывается это на состоянии и судьбах не только отдельной личности, но и целых народов.

Конечно, этносов, как жестко, раз и навсегда заданных общностей, не существует. Есть только люди, которые постоянно создают и воссоздают такого типа общности, подобно тому, например, как члены большой се-

мы строит большой дом со всеми хозяйственными постройками, чтобы удобно в нем разместиться. Они украшают этот дом, вырабатывают соответствующие нормы, необходимые для поддержания в нем согласия, порядка, взаимного уважения и признания. С моральной точки зрения народы существуют и развиваются для того, чтобы человек не чувствовал себя потерянным и брошенным в этом мире, чтобы в создавшемся этническом пространстве у него было ощущение радости бытия и полноты жизни. Поэтому люди не развивающие, а напротив, подрывающие основы этнического бытия поступают, по меньшей мере, неблагоразумно. Всякий вынужденный или сознательный отказ от подлинных ценностей и норм народной жизни обедняет человека и сужает его границы, хотя часто он этого не ощущает или не хочет признать.

Существование народов и культур – бесценный дар, которым необходимо распорядиться с большим умом и тактом. В то же время это большое испытание. Испытание на прочность видовой – общечеловеческой – солидарности.

Я хочу сказать этой последней фразой, что ригидность и замкнутость на своей узко национальной идентичности также ограничивает возможности саморазвития и самоактуализации личности. Происходит своего рода фетишизация социума, с которым связала человека его судьба, и потому свое собственное положение, благополучие, достоинство он, так или иначе, связывает с положением, благополучием и достоинством своего народа. Но в таком соотношении больше иррационального и эмоционального, чем рационального и функционального. Не только по субъективным, но и по вполне объективным причинам люди разных народов в различных концах планеты не могут жить, подчиняясь единым стандартам мышления и поведения. Именно с таким культурно-национальным подтекстом сформулировал это Н.С. Лесков в рассказе «Железная воля», художественно отобразив в трагикомичной истории Гуго Карловича известную пословицу: «Что русскому хорошо, то немцу смерть».

Это свидетельствует лишний раз о том, что принцип относительности, на котором строится выдвинутая А.Г. Здравомысловым релятивистская теория наций, относится к универсальным способам бытия человечества. Согласно этой теории, существование отдельной нации, отдельного национального самосознания становится возможным благодаря существованию других наций¹. К примеру, русские лишь только потому русские, что они рефлектируют этнически своеобразное бытие других народов: немцев, украинцев, евреев, финнов, грузин и т.д. Действительно, все народы в этом смысле взаимно дополняют и воспроизводят друг друга, и я уже отмечал в данной связи, что перед нами теория, которая служит хорошим подспорьем в обосновании гуманистической идеи взаимозависимости народов и внутреннего единства человечества. В то же время она не отвергает самоценности этнического бытия и развития и более того – акцентирует внимание на этом.

В определенном смысле каждый народ существует в своем собственном измерении, в собственной системе координат, а его внешние, межэтнические связи и отношения являются лишь дополнением к этим координатам, интегрированным во внутриэтническое бытие. Без этой, конечно, относительной, самостоятельности этносов невозможно представить их существование. Поэтому второй тезис релятивистской теории наций я бы сформулировал следующим образом: существование различных наций и национальных картин мира становится возможным лишь благодаря существованию данной и любой другой отдельно взятой нации.

Благодаря такой постановке вопроса особенно очевидным становится тот факт, что развитие одних этносов является необходимым условием и способом бытия не только других, скажем, соседних этносов, но и всего человечества. Нет на нашей планете «лишних» народов (и, соответственно, лишних, отсталых языков, обычаев, традиций), не вносящих свой неповторимый вклад в существование мировой культуры.

2. Выбор культурных традиций и норм

«Ничто не живет насильно, все отвечает какой-нибудь потребности жизни, какому-нибудь переходному оттенку мысли», – писал А.И. Веселовский, критикуя повальное увлечение идеями так называемых «пережитков» культуры и «изживания» вредных обычаев². То же самое относится и к целым народам, сохранившим по тем или иным причинам такие элементы и комплексы культуры, которые в обыденном сознании других народов являются анахронизмом. Ведь по большому счету, по счету, который заявляет релятивистская теория наций, без этих народов не было бы других, как говорят сейчас, более продвинутых в своем развитии цивилизаций и культур.

Но следует ли из всего сказанного, что исторически сложившаяся конфигурация этнической культуры всегда и, так сказать, априори, ограничивает поле возможностей человека и народа? Нет, конечно. Все зависит от позиции, которую занимает отдельный человек, различные группы и народ в целом по отношению к своей культуре, к другим цивилизациям и культурам. Необходимо исследовать и выделить наиболее типичные виды таких позиций. Однако и в этом плане в современной этнологии мало что сделано и очень часто все проблемы сводятся к простым, иногда пугающим формулировкам и схемам: агрессивный национализм, антисемитизм, расизм, русофобия, этноцентризм, этническая напряженность, этническая мобилизация, религиозный фанатизм и фундаментализм. Относительно новые и очень важные для развития этнологии концепты – этничность, примордиализм, конструктивизм также рассматриваются чаще всего с точки зрения угроз, которые таит

в себе сам факт существования народов. Под влиянием таких взглядов люди, быть может, даже с большей, чем прежде опаской смотрят на тех, кто говорит на другом языке, исповедует другую религию, придерживается других обычаев.

И получается, что как ни поверни, все плохо. Как будто этническое и культурное разнообразие – это система мин замедленного действия, постоянно взрывающихся то в одних, то в других точках планеты. А ведь так, казалось бы, просто и легко было бы жить, если бы народов как таковых не было, а было бы единое человечество с единым языком, с единой культурой и религией. Такие мысли непроизвольно возникали и возникают у людей, во всех концах мира, вызывая подспудное желание раздвинуть, или разрушить границы этносов, освободить, раскрепостить тем самым человека.

В эпоху Возрождения и Просвещения такая идеология оформилась и нашла мощную поддержку в Западной Европе – в среде гуманистически настроенных гениальных поэтов, художников, ученых-философов, служителей церкви. В конце концов, сложилось мнение, что для претворения в жизнь мечты Роберта Бернса о том, «когда на всей земле все люди будут братья», необходимо только создать на планете относительно однородную социокультурную среду. В это движение, получившее впоследствии название европоцентризма, включились наряду с католическими и православными миссионерами, этнографами, люди простых и энергичных действий – политики и военные. Они сочли возможным осуществить вековую мечту человечества о культурном единстве в принудительном порядке, ссылаясь на цивилизаторскую миссию Европы в странах, где они насаждали свои порядки огнем и мечом.

К каким последствиям привело это в Америке, в Индии, Африке, на Ближнем Востоке, на Кавказе, мы уже знаем. Физически были уничтожены десятки миллионов человек, отказавшихся жить в соответствии с ценностями и нормами просвещенной Европы. Я уже не говорю о культурах и цивилизациях, которые были разрушены целиком. По существу это прервало естественный ход развития человечества.

В противопоставление главных, продвинутых в своем развитии и второстепенных, отставших культур и народов внесла свой, явно негативный, вклад и советская идеология с доведенной до абсурда концепцией социально-экономических формаций. Многие российские ученые упорно отстаивали этот подход вплоть до настоящего времени, оценивая все, что не соответствует стандарту советского образа жизни как пережиток, с которым надо бороться. Идея плюрализма и принципиального единства и равенства этнических культур отвергалась с порога.

Вспомним, как бурно реагировали некоторые ученые на факты иного представления и восприятия традиций, отнесенных к разряду пережитков. Обвинения в культурном релятивизме звучали тогда почти как приговор. Поэтому многие обычаи, к примеру, калым, левират или

обычаи избегания, не полагалось, даже запрещалось интерпретировать на основе тех, главным образом положительных, оценок, которые давали им люди, соблюдавшие данные обычаи. Считалось, что они заблуждаются и не понимают, в какое на самом деле униженное и неудобное положение ставит их соблюдение подобных норм. Тем самым человеку навязывались другие, непривычные критерии самооценки и самоуважения.

По существу это было нарушением этически значимых границ, которые человек установил для себя в соответствии с привычной для него культурной и социальной средой. Как раз в том, чтобы предотвратить такое вторжение в личную, частную жизнь человека и видят свою основную задачу сторонники культурного релятивизма. «Люди, – пишет в данной связи М.Н. Коэн, – должны обладать правом определять для себя поле своих собственных потребностей и нужд – за исключением таких потребностей, удовлетворение которых может нанести ущерб другим людям. Мы обязаны уважать достоинство других в соответствии с их собственными представлениями об этом, с их собственными представлениями о культуре и обществе»³.

Но дело не только в элементарном уважении чувств и привязанностей людей иной культуры. Есть у концепции многообразия культур и достаточно сильные рационалистические основания, позволяющие обуздать негативное воздействие глобализации. И они все явственнее обнаруживают себя в настоящее время, когда мир испытывает шок экологического и мирового финансового кризиса. Ведь это деструкции, являющиеся обратной стороной нравственного кризиса. Стало очевидным, что даже те обычаи, которые в свое время были безоговорочно отвергнуты как отсталые и дикие, могли бы компенсировать некоторые недостатки современной западной культуры. К примеру, калым, левират, традиция многоженства и даже обычаи избегания, как оказалось, способствуют сплочению, а не разобщению семейно-родственного коллектива, что они спасают людей от одиночества, бедности, комплекса неполноценности. Теперь никто не сомневается, что культура Востока существенно дополняет, выравнивает культуру Запада, и никто не удивляется тому, что европейцы или американцы принимают ислам или буддизм.

Не только ученые-теоретики, но и простые люди во всех концах мира понимают, что множественность культур является способом выживания и сохранения принципиального единства человечества, что перед отдельным человеком она открывает новые перспективы развития и роста. Существует закон или принцип дополнительной дистрибуции культур, в том числе и этнических. Это означает, что каждая локальная культура представляет собой резерв или ресурс планетарной культуры, особый опыт бытия, которым мы не вправе пренебрегать.

Современные технологии коммуникации, доступность разнообразной информации о других культурных мирах заметно усиливают зна-

чимость этого закона, оказывая существенное воздействие на распределение и перераспределение человеческих ценностей. Современный человек, как никогда ранее, сознает, что в его распоряжении есть различные варианты культурного, социального самообозначения и самораскрытия – определенное поле выбора. А вариативность в таких случаях является обратной стороной точности – правильной и достаточно гибкой самоидентификации, создающей наилучшие условия для самореализации.

3. Формы наднациональной идентичности

У каждого народа есть свои, конечно, достаточно подвижные и гибкие, границы. Свое социальное, экономическое, территориальное, культурное, временное, биологическое, даже математическое пространство. Как правило, люди оказываются в этом пространстве, хорошо сознавая, признавая, а иногда и отстаивая, свое место в нем. Такова общая и в основном верная картина социально-этнического бытия человечества, широко и разнообразно представленная в современной этнологии, в том числе и российской. Чтобы сделать ее еще более полной признается, что за пределами условных границ этноса остаются разного рода культурно-национальные маргинальные группы, численность которых сравнительно невелика. Бытие вне национальности или над национальностью ассоциируется либо с социальной неустроенностью, вызывающей сочувствие и жалость, либо с необычайно развитой силой духа и свободы, преодолевающей барьеры этнического бытия и сознания. Этничность согласно общепринятому мнению – норма, а ее отсутствие – своего рода аномалия.

Однако действительность социального бытия и развития гораздо сложнее этих схем, и мы убеждаемся, что наднациональная социальная идентичность и всечеловечность являются столь же привычной формой самовосприятия, как и этническая идентичность.

Возникает в данной связи вопрос, как рассматривать и оценивать сам факт «размещения» человека в этническом пространстве? Способствует ли это развитию творческого потенциала личности или, напротив, ограничивает поле ее возможностей, позволяет ли правильно, рационально организовать свое бытие или создает почву для неудач, расточительного или разрушительного поведения? Чем, собственно говоря, является народ для отдельного человека – убежищем, где он обретает покой и чувство полноты жизни, или западней, из которой трудно выбраться? Опорой в самораскрытии, самоактуализации или помехой на этом пути?

В социологии прошлых лет такие вопросы даже не ставились. Но их ставит сама жизнь, перипетии бытия целых народов и отдельных людей, погруженных в той или иной степени в атмосферу этнически окрашенных

образов и картин мира. К примеру, в социологических исследованиях, проводимых мной и моими коллегами в республиках Северного Кавказа, обнаружилось, что некоторые респонденты считают мир своего этноса не вполне уютным и удобным, создающим препятствия для личностного роста и развития. Не только в ходе специальных опросов, но и в быту, в доверительных беседах приходилось слышать от многих, что будь они людьми другой национальности (при этом называют иногда, какой именно), все у них сложилось бы гораздо лучше. Причем такое мнение не было связано прямо и порой даже косвенно с явлениями этнического нигилизма. Например, ведь этого не скажешь о чеченцах, хотя они признаются, что сам факт их этнической принадлежности создает для них множество трудностей на пути к самореализации.

В прошлом, столкнувшись с аналогичными, хотя и несколько иными по своим истокам проблемами, тысячи российских евреев, сохраняя субстанциональное ядро еврейской идентичности, становились формально русскими⁴. Теперь многие из них уже не формально, а вполне сознательно воспринимают себя русскими – и не только по языку и культуре, но и по рождению.

Нельзя ожидать, что этому примеру и в таком масштабе последуют все народы нашей страны и в особенности народы Кавказа. Тем не менее, в России сохраняется и сохранится впредь тенденция постепенного «сбрасывания» исходной нерусской идентичности и плавного смещения в сторону постнациональной, общероссийской. Происходит это в ходе аккультурации и естественной ассимиляции, преодолевая в ходе такого саморазвития, во-первых, этап освоения и использования русского языка в качестве преобладающего, во-вторых, этап становления общегосударственной или общенациональной (в недавнем прошлом – общесоветской) социальной и культурной идентичности и ментальности.

В СССР такие трансформации были зафиксированы как закономерные и массовые уже в 60–70-е годы, то есть в третьем поколении граждан, представляющих нерусские народы⁵. В четвертом и нынешнем, пятом поколении, смена исходной этнической идентичности приобретает еще более широкий размах и особенно среди малочисленных народов Севера, Дальнего Востока, Сибири, Поволжья, а также среди калмыков, адыгейцев, осетин. Типичными стали ситуации, при которых в одной семье старшее и среднее поколения прочно сохраняют исходную этническую идентичность, а представители нового, вступающего в жизнь поколения, утрачивают ее целиком, на первых порах даже плохо сознавая, кем они в этом смысле являются.

Обычно в этих условиях человек ищет и находит себя в парадигме наличных, более или менее близких ему форм социальной идентичности, которые могут быть предельно общими и самодостаточными, объединяющими широкое мультикультурное, суперэтническое пространство. Для граждан нашей страны в этом качестве выступает сейчас

интер- или суперэтнотермин «россиянин», выполняющий функции, аналогичные тем, что выполняет в США термин «американец».

В средствах массовой информации, на разного рода публичных встречах, совещаниях, форумах мы постоянно видим и слышим, как люди явно нерусской национальности так себя идентифицируют, демонстрируя тем самым способность выйти за пределы узкоэтнического самовосприятия и двигаясь в направлении общегосударственной идентичности. Это, как показывает опыт, очень удобно и в том смысле, что позволяет людям общаться более естественно и непринужденно, акцентируя внимание на сходстве, а не на различиях. Даже в анкетах социологических исследований на вопрос «Ваша национальность?» некоторые респонденты отвечают: «россиянин», хотя, согласитесь, в наших условиях сама постановка этого вопроса не располагает к такому ответу.

Можно назвать этот процесс (с учетом его направленности) расширением социального поля или пространства идентичности.

Ощущение такое, что в современной России, и прежде всего в кругах интеллигенции, формируется сравнительно новая традиция толерантного и шире – эмпатического сознания и поведения, которая связана с распадом СССР и демократическими реформами. Сама логика этих преобразований вызывает потребность консолидации общества на принципиально иной политической и культурно-национальной почве. И мы видим, что теперь каждый гражданин страны может воспринимать и называть себя россиянином, сохраняя частично или в полной мере, исходную (русскую, татарскую, калмыцкую) этническую идентичность.

Однако само по себе это явление не новое. Существует сопровождающая людей на всех этапах мировой истории универсальная потребность ощущать себя частью более широкого и мощного национально-культурного, историко-географического или государственного целого⁶, органической частью которого является психологически более близкое или исходное этническое пространство. Формируются отвечающие этой потребности традиции. В частности, хорошо известна традиция обозначать единым термином некоторое множество этнических групп или общностей, близких по культуре, языку, по внешнему облику или по территориальному признаку. Отсюда разного рода древние и относительно новые названия и самоназвания: германцы, славяне, турки, латиноамериканцы, индейцы, африканцы, австралийцы, кавказцы и т.д. Благодаря подобным названиям и самоназваниям, человек расширяет горизонты не только своего внешнего внимания и восприятия, но и горизонты своего Я, свою духовную перспективу. А самое главное, так развивается чувство интеридентичности, когда в различиях между собой и людьми другой культуры человек видит не отделяющую его от них пропасть, а сложную мозаику принципиального единства и целостности.

Специфическим выражением такого движения сознания и является новое осмысление термина «россиянин». Будучи способом выражения

и признания своей принадлежности к определенному культурному и государственно-политическому объединению, он четко ориентирован на интеграцию, а не обособление или отмежевание от каких-либо иных общностей. У всех народов, как хорошо известно, существует магия имени, названия, самоназвания и в том числе «магия этнонима»⁷. Единое название или самоназвание обычно сплачивает людей вокруг определенных реалий и ценностей, что касается в полной мере и суперэтнонима "россиянин", приобретающего все большую и большую популярность среди населения.

Через призму этой динамики можно увидеть, как разворачивается сложный процесс формирования представлений о единстве громадной страны. Он протекает даже вопреки национальной политике, проводимой как на федеральном, так, в особенности, и на региональном уровнях, вопреки предсказаниям о распаде России на ряд самостоятельных или относительно самостоятельных общностей.

Сознавая относительность своего социального и этнического бытия, человек ощущает себя причастным к другим, более масштабным формам самоорганизации, открывает для себя возможность выхода за рамки жесткого однозначного взгляда на этнос и этническое бытие. Ведь границы человека потенциально всегда шире границ этноса. Поэтому и его самосознание гораздо богаче и несводимо, скажем, к этнической гипер- и гипoidентичности или к схемам типа «шовинист-националист». Но эти и многие другие культурные, символические схемы, будучи раз и навсегда созданными, все же оказывают значительное влияние на мышление и поведение людей. Мало того, они навязываются им. И порой в грубой и безапелляционной форме. В частности, мы хорошо знаем такие формы идеологического экстремизма, когда отдельным людям, группам приклеиваются ярлыки врагов народа, националистов, шовинистов, антисемитов, космополитов, исламских фундаменталистов.

Это издержки процесса осмысления и освоения действительности. С одной стороны, без символических моделей, культурных знаков люди не могут познать, организовать и контролировать социальную жизнь, приобрести и адаптироваться к ней, а с другой, они то и дело попадают в сети ими же расставленных формул, определений, суждений. Или их загоняют в эти сети, ограничивая право на выбор себя и своего места в жизни.

Но в конечном итоге и по большому счету люди сами и в полной мере несут ответственность за свой выбор. Опираясь на собственный опыт, знания и убеждения, они организуют наличный социокультурный материал, выстраивая определенным образом свои отношения с миром: конструктивно или деструктивно, оценивая социальную среду как позитивную или негативную. Вот почему так важно исследовать логику и характер подобных связей и отношений. Это позволит определить самочувствие различных групп и слоев общества в границах

народа, государства, страны, увидеть, как пересекаются эти границы с границами и масштабом конкретных личностей.

Средоточием, самым ярким и полным выражением культуры является сам человек, а не нормы, ценности или артефакты. И в этом смысле гордое название «Kulturträger» относится практически к каждому человеку. Но в традиционной этнологии обычно недооценивали способность человека раздвигать границы этнического сознания и бытия. Предполагалось, что мышление и поведение людей жестко задано их этнической культурой, ее, как принято говорить, профилем. Отсюда столь привычные особенно для российских этнологов термины и формулировки: этнофор, носитель культуры, типичный представитель народа. Но это лишь рабочие понятия, облегчающие изложение материала и в этом смысле удобные и полезные.

На самом же деле человек не просто носитель и транслятор, но и агент – создатель и потребитель культуры. И не только этнической, но и планетарной. Только от него и зависит, в конечном счете, уровень развития различных форм и проявлений культуры, степень востребованности данных форм. Достижения народа мало что значат, если люди отвергнут их, не будут опираться в своем развитии на опыт своих предшественников. Более чем показательна в этом отношении история России, которая в стремлении догнать и опередить другие страны и народы растеряла лучшие качества своего национального характера и облика. Не зря эпоха Петра I вызывала у Пушкина сдержанный скепсис: «Кипучее брожение и пылкая бесцельная деятельность, какой отличается юность всех народов». Во второй половине XIX века этот процесс зашел так далеко, что заставил Достоевского, Толстого и других гениальных русских мыслителей ужаснуться и признать, что Россия идет по пути своего саморазрушения.

Следует отметить в данной связи, что обычно мы очень односторонне представляем процесс, именуемый диалогом культур, подразумевая под этим главным образом взаимодействие на уровне различных цивилизаций, государств, народов. На самом деле, первостепенное значение имеет диалог человека с миром, в ходе которого он составляет представление о том, как устроена жизнь, приближаясь в той или иной мере к семантическому универсуму культуры, в котором важное место занимают этнические образы⁸. Человек не только познает мир, но одновременно и строит его по образу и подобию представлений о смысле и назначении своего бытия. Поэтому не ценности и нормы сами по себе, а люди, конкретные личности создают или задают определенные координаты и параметры социокультурного пространства.

По крайней мере, здесь уместней говорить об отношениях партнерства человека с культурой.

Наивно полагать, что люди живут в строгом и точном соответствии с предписанными культурными ценностями, нормами, идеалами. Человек

ведет себя, подчиняясь, с одной стороны, групповым нормам, а с другой – основываясь на своих индивидуально-личных ощущениях, иногда даже удивляясь своим поступкам, узнавая себя, свой внутренний мир по этим поступкам. Простой взгляд на опыт «национального возрождения» России заставляет признать, что границы этноса и этнонациональной идеологии, с одной стороны, и границы человека, с другой, находятся в разных системах координат, то взаимно дополняя и усиливая, то совершенно игнорируя друг друга. К примеру, демократические законы о языках коренного населения, как оказалось, не являются условиями или гарантиями реального повышения их социального и коммуникативного статуса. Нередко именно те, кто больше всего ратовал за возрождение различных форм национально-этнического бытия, на деле отказываются от них, подчиняясь вольно или невольно требованиям реальной жизни.

А что такое для человека реальная жизнь? Это, прежде всего, поле возможностей для самоактуализации. Поэтому, когда какие-либо внешние условия, в том числе границы этноса, по его мнению, ограничивают данное поле, он ими пренебрегает. Или преодолевает. Иногда с большим трудом. Логика этой активности состоит в том, что человек сопоставляет модели поведения, которые предлагает ему традиционная культура с иными способами реагирования на ситуацию. И при этом, как правильно отмечают сторонники теории рационального выбора, чем дороже и обременительнее для субъекта традиционный способ действий, «тем скорее он будет склоняться к рассмотрению инновационных альтернатив достижения той же цели»⁹.

Но не следует думать, что таким образом человек удовлетворяет всегда только свои личные потребности, цинично пренебрегая интересами группы или народа. Гораздо чаще нетрадиционные, порой даже шокирующие действия, обеспечивающие наилучшую самореализацию отдельных личностей, оказываются в конечном итоге рациональными и выгодными для общества в целом, как толчок для производства необходимых социальных преобразований. Так было всегда: большая, громоздкая социальная или этносоциальная система с устоявшимися традициями и ценностями обычно ригидна и потому не в состоянии достаточно оперативно и точно реагировать на требования времени, тогда как это могут сделать с успехом отдельные личности и группы, прокладывая путь к структурной перестройке общественной системы.

Отдавая дань интеллектуальной смелости и стойкости таких личностей, выдающийся адыгский мыслитель Жабаги Казанок говорил: «Идущий в ногу со временем – благородный муж».

4. Взаимодействие народов и культур и возможность глобального этоса

С нравственно-экологической точки зрения самым важным в самой постановке данной проблемы является положение о корреляции уровня (качества) эмпатии и социальной организации различных народов. В случае, когда принципы и нормы эмпатии поддерживают в социуме высокий уровень позитивного внимания, согласия, признания, поддержки, – есть основания говорить о нем, как об относительно благополучном, гармоничном обществе – даже вне связи (во всяком случае, жесткой) с характером и уровнем развития цивилизации. Напротив, если культура эмпатии недостаточно развита или она отвергнута, мы имеем дело с неблагополучным и, в известном смысле, опасным обществом, негативно влияющим как на собственное самочувствие и бытие, так и на самочувствие других, прежде всего соседних обществ.

Господство эгоистических интересов, агрессивность, жестокость, коварство, алчность, неблагодарность, расчет на грубую силу, порождающий ощущение превосходства, безнаказанности, вседозволенности – вот далеко неполный перечень свойств и наклонностей, преобладающих в обществах или у народов с низкой культурой эмпатии. Это черты, которые делают их опасными и для себя, и для других. Становится не по себе, когда в стремлении показать себя человеком здравомыслящим и объективным заявляют: «У террористов нет национальности». На самом деле, есть у них и национальность, и своя уродливая, в том числе и национальная идеология. Но при этом и само содержание терроризма не следует сводить к действиям боевиков. Фактически, их атаки, уносящие жизни ни в чем не повинных людей являются лишь следствием террора, которому подвергается сознание, общественное мнение, культура.

Мне уже приходилось доказывать, что тезис, согласно которому «нет и не было плохих обществ или народов, а есть только плохие люди, порочащие доброе имя и репутацию народа», не совсем правильно ориентирует ученых, политиков, общественное мнение в целом. Пользуясь аналогичной казуистикой можно с таким же и даже с большим успехом сказать: «любой человек изначально добр, есть лишь «плохие», сбившиеся с верного пути народы, вынуждающие людей стать плохими».

Но в каждой из обозначенных позиций есть доля истины и, чтобы снять такое противоречие, следует признать, что народы, общества, группы с недостаточно развитой или недостаточно востребованной культурой эмпатии действительно есть или бывают. Только не следует видеть в этом раз и навсегда заданное свойство; один и тот же народ может демонстрировать высокий уровень эмпатии на одном этапе своей истории и низкий – на другом. Задача состоит в том, чтобы выяснить причины, закономерности, всевозможные грани и динамику протекания

ния этих процессов. Такие попытки предпринимались неоднократно, и всегда подчеркивалось, что от недостатка эмпатии страдает разум. «Поведение целых наций совершенно не соответствует соображениям разума, – писал Э. Фромм, – многие граждане... быстро забывают, как, прислушиваясь к советам демагогов, они нанесли большой ущерб своей стране и другим странам»¹⁰.

Между тем, советы и экспертные оценки явно дискриминационного, нонэмпатического плана и сейчас циркулируют в обществе. Например, под предлогом несостоятельности концепции культурного релятивизма утверждается, что «действительно существуют культуры менее развитые и более развитые, низшие и высшие», а всякое иное мнение на этот счет объявляется недопустимым признанием равноценности культур, отрицанием прогресса человечества¹¹.

С введением в научный оборот понятия «культура эмпатии» можно избрать принципиально иной – гуманистический критерий развития человечества, который позволит преодолеть излишне прямолинейное толкование не только процесса развития культуры, но и культурного релятивизма. Таким критерием является уровень развития принципов и норм сочувственного мышления и поведения. Чем выше он, тем при прочих равных условиях лучше организована жизненная среда, тем больше создает она условия для самореализации и поддержания хорошего общего самочувствия.

Очевидно, что уровень и специфическое содержание внутрипопуляционной эмпатии отражаются (позитивно или негативно) на отношении к другим сообществам, создавая вокруг данного региона, народа, государства благополучную или неблагополучную, этически выверенную или ущербную среду. Существует два вектора (высокой или низкой) культуры эмпатии: центробежный и центростремительный. Они действуют совместно, оказывая влияние на содержание всех сфер бытия. Но бывает и так, что, к примеру, низкий уровень синергизма, как бы выплескиваясь из сферы внутренних связей и отношений, дает еще одну разновидность ущербности этнического сознания и бытия, создавая почву для различных форм агрессии, экспансии или самоизоляции.

Это тот случай, когда снижение уровня эмпатии в одном обществе вызывает цепную реакцию дегуманизации и дезадаптации, распространяющуюся наподобие волн во все стороны от данного центра. Возникает форма отношений, отвергающая на тот или иной период необходимую для взаимопонимания народов всеобщность моральных принципов.

Но это не значит, что такой всеобщности нет в самой природе народов и культур. Она сохраняется в любом случае как еще не использованный в полной мере ресурс для возобновления и продолжения диалога культур, а также для развития и функционирования глобального этоса. Именно в этом смысле современные исследователи говорят не

только о возможности, но и о сложившемся единстве «эти-ческой инфраструктуры» современного человечества:

«Что же происходит на этих площадках межкультурной коммуникации, в том пространстве, куда силой глобальных процессов в сфере экономики, информации, политики и т.д. стягиваются люди разных культур. Здесь действуют какие-то единые нормы поведения, свободные от привычных религиозных, мировоззренческих обоснований, в отрыве от них. И только благодаря такой эмансипации практической морали от метафизики и религии могут существовать современные мультикультурные образования – города, аэропорты, универмаги, крупные фирмы и т.д. и т.п., даже городские многоэтажные жилища, где в одних подъездах, на одних лестничных площадках живут люди, исповедующие разные религии, принадлежащие к разным культурам, разным народам. Возникает новая культура поведения и общения, которая не привносится в человеческую коммуникацию извне, а возникает в ней самой и не нуждается в ином обосновании, кроме полноты и прочности самой этой коммуникации. Во всех этих внеконфессиональных, внеидеологических, вненациональных коммуникативных ситуациях люди обнаруживают высокую степень взаиморезультативности и нравственной сдержанности, даже более высокую, чем в отношениях между своими по вере, политическим убеждениям, национально-культурной принадлежности»¹².

Практика межкультурного взаимодействия и коммуникации морали, как следует из этого, обусловлена внутренним сознанием солидарности человеческой расы¹³. Ставшие сейчас модными выражения типа «конфликт цивилизаций», «цивилизационный раскол», конечно, отражают некоторые тенденции развития современного мира, однако, едва ли уместны в практике мультикультурного воспитания. Подрывая веру в реальность духовно-нравственного единства человечества, заостряя внимание на фатально действующих и почти непреодолимых противоречиях, они ведут к дезинтеграции и распаду мирового сообщества.

В политике мультикультурализма следует опираться на позитивный, объединяющий социальный капитал. Поэтому гораздо полезнее сделать акцент на способах создания высокосинергичных, безопасных обществ с высоким уровнем культуры эмпатии. О них писала Рут Бенедикт, отвергая низкосинергичные общества, в которых при наличии больших межличностных, межгрупповых и межкультурных противоречий накапливается отрицательная энергия и агрессия. Развивая идеи Р. Бенедикт, выдающийся американский психолог Абрахам Маслоу настаивал на сознательном поиске социально приемлемых планов и структур поведения, способных обеспечить взаимную выгоду участникам взаимодействия, исключив поступки и цели, наносящие ущерб другим группам или членам общества. По его словам, в конечном итоге все сводится к формированию такого типа социального устройства, «при котором индивидуум одними и теми же действиями и в одно и то же время служит как своим собственным интересам, так и интересам остальных членов общества»¹⁴.

5. Этика межкультурного диалога и гражданской солидарности

Внутренним основанием культуры мира в сфере межэтнических, межгосударственных связей и отношений является, как сказано, эмпатичность. Создавая условия, при которых люди спокойно, со знанием дела избирают линию и формы своего самоосуществления, она смягчает нравы, снижает уровень социального беспокойства и напряженности, создает условия для формирования государственно-гражданской солидарности.

Эмпатия оберегает от черствости, ставки на грубую силу в решении национальных проблем, поддерживает в обществе убежденность в том, что не только несправедливо, но и нерационально навязывать людям такие формы социального бытия, которые заставляют их страдать, создают сложные или непреодолимые препятствия для сохранения имеющих большое ценностное значение форм этнического бытия. С другой стороны, и опять-таки по гуманистическим соображениям, она позволяет воздержаться от таких способов этнизации, которые ограничивают свободу личности, возможности ее наиболее полной самореализации. Я имею в виду формы жесткого давления этнической среды, националистически настроенных групп, корпораций, выражающиеся в том, что на личность возлагаются такие обязанности (по так называемому «спасению нации»), которые на самом деле ей чужды и зачастую только разрушают, подталкивают к неадекватным действиям. Отвергаются по тем же причинам крайние формы культурного релятивизма, оборачивающиеся консервацией вековой отсталости народов, самобытностью в ущерб модернизации и этико-эстетической рационализации мира.

Эмпатичность помогает более организованно и безболезненно пройти путь от традиционно-иррациональных к инструментально-рациональным отношениям, не отвергая с порога новых форм и стандартов жизни.

Требуется большая выдержка и терпимость, чтобы пройти этот путь. Поэтому толерантность – необходимый компонент эмпатического подхода к решению межэтнических проблем. Толерантность важна как способность и готовность воздержаться от импульсивных и агрессивных реакций на конфликтную ситуацию. В быту сдержанность и терпимость ассоциируются с широтой ума, воспитанностью, учтивостью, а в сфере более широких социальных отношений – с проявлением «зрелости и жизненности человеческих коллективов, государственных и политических образований, а также международного сообщества в целом»¹⁵. Это, по словам В.А. Тишкова, существенный механизм культуры, и прежде всего культуры мира и взаимопонимания между социальными группами, слоями или народами, позволяющий избежать необдуманных политических решений и действий, чреватых наихудшими последствиями.

Политическая и повседневно-бытовая толерантность является объективно наиболее эффективным средством преодоления потенциаль-

ной конфликтогенности многокультурности, хорошей предпосылкой и базой для развития полиархии как одной из форм либеральной демократии. По мнению политологов в таких случаях первостепенное значение приобретает «присутствие в политической культуре элит традиций взаимных уступок, компромиссов и использования примирительных процедур»¹⁶. Там, где эти традиции слабы, очень трудно избежать, во всяком случае, демократическими средствами, деструктивного соперничества субкультур.

Но все зависит в данном случае от того, как именно воспринимаем мы объект толерантного отношения. Если в установке на толерантность преобладает холодный, эгоистический расчет – это одна ситуация. И совсем другая ситуация – толерантность, основанная на эмпатическом отношении. Обычно в первом случае объект толерантного отношения воспринимается как помеха, препятствие, а в лучшем случае – как средство к самоосуществлению, и отсюда снисходительность сильного по отношению к слабому или благоразумная учтивость и покорность слабого в его отношениях с сильным. Во втором случае объект толерантного отношения отождествляется с субъектом, поэтому действия в интересах других воспринимаются как действия в своих собственных интересах, к своей собственной пользе и выгоде. Важное значение имеет теплое и заинтересованное проникновение во внутренний мир личностей, сознающих несовершенство, недостаточность этнического самоосуществления и бытия.

Хочу подчеркнуть в данной связи, что эмпатичность – не только психологическое, но и социально-политическое измерение этнических связей и отношений, роль которого возрастает вместе с развитием горизонтальной культуры общества. Чтобы эмпатичность стала доминантной темой современной цивилизации, необходимо возвращать и укреплять демократические институты, создавая подлинно гражданское общество, способное противостоять всем формам социальной несправедливости.

Это актуально для современной России. Следует отказаться от формальной, подчас циничной, демократии, основанной только на сомнительного свойства арифметических подсчетах и политике кнута и пряника. Нужна подлинно гуманистическая демократия, учитывающая и уважающая интересы и чаяния меньшинства, и в том числе интересы народов, не по своей воле оказавшихся в состоянии этнического кризиса, переживающих в этом смысле не лучшие времена.

При этом многое зависит от политики, проводимой на местах, и, прежде всего, в республиках Российской Федерации. Замечено, что формы правления, сложившиеся в них, зачастую далеки от демократических. С одной стороны, это не отвечает национальным интересам проживающих там народов, а с другой – подталкивает федеральный Центр к использованию столь же недемократичных способов давления на местные власти. Отсюда неутешительные оценки и прогнозы типа

«крайний национализм губит демократию в Центре, милитаризованный национализм Центра погубит ростки демократии в республиках»¹⁷.

Является ли национальная самобытность и идентичность помехой, непреодолимым препятствием на пути интеграционных процессов? Тот, кто принимает такую точку зрения, вольно или невольно оказывается в поле негативной интеркультурной ориентации, где лучше всего произрастают недоверие, неприятие иных средств и способов культурной самоорганизации. Так рождаются различные формы дискриминации, взаимного непонимания, бытового национализма, болезненной подозрительности.

Прямо противоположным является ответ мультикультурной педагогики на заданный вопрос. Множественность культур воспринимается как источник взаимного обогащения, единения и динамичного развития общества.

Конечно, нужна в любом случае хорошо продуманная и сбалансированная культурная политика, опирающаяся на специфические особенности полиэтнической среды: исторические, социально-экономические, психологические, демографические, географические и т.д. Но общая формула многокультурности остается во всех случаях неизменной. Она предстает в виде различных комбинаций из двух ключевых слов: «единство» и «многообразие», что предполагает разумное сочетание вариативности и интегративности в практике мультикультурного воспитания¹⁸.

На этих принципах строится и политика конфессиональных и межконфессиональных отношений, открывая перед человеком возможность свободного выбора своего бытия в мире – сакрального, с верой в Создателя, и атеистического, но в то же время не аморального. Без широкомасштабного религиозного и нравственно-экологического просвещения свобода совести носит ограниченный характер.

Большое значение имеет наполнение общих принципов и ориентиров взаимодействия культур конкретным морально-психологическим содержанием, соединяющим общечеловеческий и культурно-своеобразный опыт этической рационализации мира. К примеру, понятие человечности, выраженное в специфической языковой форме у одного народа, концептуально мало чем отличается или не отличается вообще от того, как представлено оно в языковом сознании других народов. Вполне идентично русскому «человечность» китайское слово жэнь, английское mankind, немецкое Menschlichkeit, кабардинское цыхугъэ, тюркское адамлыкъ и т.д. За каждым из этих понятий стоит система сходных моральных оценок, представлений, суждений.

То же самое можно сказать о концептах чести, стыда, совести. У многих народов ключевым является здесь понятие лица: face – у англичан, напэ – у кабардинцев, бет – у балкарцев. Человека низкого, бессовестного у кабардинцев и балкарцев определяют вследствие этого, как лишенного лица – напэншэ, бетсиз, что в общем соответствует аналогичным отображениям данного содержания в английском языке – to lose face или в русском – потерять лицо.

В системе мультикультурного воспитания важное место занимает представление о почтительности, взаимном уважении и признании как о главной добродетели, которую следует укреплять в людях. Опыт Востока в этом смысле особенно богат. Общим выражением необходимой в отношениях между людьми почтительности, честности, уважительности стал здесь термин *намус*, о котором мы уже упоминали. Он восходит к греческому слову *номос* – «норма», «закон», усиливая тем самым значимость взаимного уважения и признания как общеобязательного, общечеловеческого правила, не знающего культурных барьеров и ограничений. Отсюда представление о неотъемлемом праве каждого человека на уважение и социальное признание, независимо от возраста, пола, вероисповедания, национальности.

Взаимное уважение и признание создает почву для доверия и открытости в контактах. Возникает ощущение психологического комфорта, уверенности в том, что к участнику диалога отнесутся с сочувствием и пониманием, что в случае надобности ему помогут, пойдут навстречу. В адыгском языке слово доверие «дзыхъ» состоит из двух компонентов *дзы* – «порок», «изъян» и *хьын* – «нести». Тем самым, как бы подчеркивается, что человек может открыть себя для других, признать свои недостатки, ошибки, не рискуя, не опасаясь быть отвергнутым, неправильно понятым, наказанным.

Это свидетельствует еще и о том, насколько тесно связаны человечность, уважение, доверие, открытость с толерантностью и эмпатией – способностью сочувствовать, сострадать, ограничивать границы собственного Я. Позитивное внимание и позитивная каузальная атрибуция выступают в этом случае на первый план, оставляя мало места для разного рода предубеждений и предрассудков. А движение навстречу друг другу становится важным промежуточным этапом движения в общем направлении.

Как видим, моральные понятия и установки, из которых складывается позитивная интеркультурная установка и объединяющий социальный капитал, взаимно усиливают и поддерживают друг друга. И хотя у разных народов для этого используются разные термины, их общий социорегулятивный эффект во всех случаях один и тот же – активизация интеграционных процессов.

На основе концептуальной общности базовых символов, ценностей и норм строится не только теория, но и практика мультикультурализма. Формальные различия в культуре в этом случае только усиливают процесс их взаимного притяжения и обогащения. Поэтому следует приветствовать глубокое, уважительное погружение в культуру других, особенно соседних народов. «Открытие различий – это открытие новых связей, а не новых барьеров», – писал в данной связи К. Леви-Стросс.

Самым действенным средством мультикультурного воспитания является, свободное, благожелательное общение носителей различных культур, в ходе которого осуществляется обмен, сравнение и соединение различных способов, приемов этической рационализации мира.

Такое общение снимает страх, снижает недоверие, позволяет внести необходимые коррективы в стереотипные, зачастую ошибочные представления о быте, нравах, истинных причинах и целях реальных участников социального контакта и обмена.

Межкультурный диалог, построенный на основе позитивного внимания, сближает людей, вырабатывает у них желание демонстрировать через свои поступки лучшие черты культуры, которую они представляют. Это своего рода культурный патриотизм, заставляющий человека постоянно заботиться о том, чтобы выявить себя в облагороженной форме, произвести на людей максимально благоприятное впечатление, не уронить честь своей фамилии, профессии, народа и т.д. В то же время активизируется нравственно-аргументированное критическое отношение к недостаткам своей культуры.

Опыт показывает, что на почве культурного патриотизма развивается также этически значимая конкуренция культур, когда каждый из участников диалога постоянно и ненавязчиво доказывает, в какой мере он, как носитель и транслятор определенной культуры, может способствовать созданию общества с высоким уровнем синергизма. Правильно организованный межкультурный диалог становится, таким образом, инструментом позитивных преобразований в экзистенциальном пространстве личности и общества. Так формируется шаг за шагом гражданское общество, в котором культурные различия только усиливают процессы консолидации вокруг общечеловеческих ценностей.

Но личность в современной России подавлена и закрепощена и своей собственной, как правило, чрезмерно акцентуированной этнической идентичностью. Многие люди строят планы, принимают решения и действуют под постоянным контролем и влиянием такой идентичности, плохо сознавая, что становятся заложниками своей национальной принадлежности и предубежденности.

Почву для стереотипных суждений о своем народе или представителях другого народа создает известная «традиция и инерция массового сознания россиян видеть в национальности почти врожденную и неотъемлемую характеристику личности»¹⁹. Через призму национальности рассматривают россияне не только других людей, но и себя, свой собственный жизненный мир. И это создает чрезмерную, даже не столько межнациональную или межэтническую, сколько более широкую – общенациональную напряженность хронического типа, когда идея национальности становится навязчивой, патологической.

Очевидны на этом фоне преимущества более широкой – общекультурной – идентичности, позволяющей посмотреть на мир без фильтров напряженного и ригидного этноцентризма.

Ведь в конечном итоге самое главное для человека – в максимальной степени реализовать свой потенциал, оставаясь верным самому себе и своему призванию. Это не исключает любви и привязанности

к своему народу. Но свой народ нужно не только слепо любить, но и хорошо знать, черпая в его опыте все самое лучшее, укрепляя и умножая традиции правильной, этически выверенной рационализации отношений. Личность, освоившая нравственную культуру собственного народа, приобщается неизбежно к аналогичному опыту других народов, раздвигая границы своего бытия в мире.

Любой человек и любой народ обладают способностью развивать, умножать традиции понимающего, эмпатического мышления и поведения, видовой – всечеловеческой солидарности. Но не исключается и возможность сужения, забвения, даже демонстративного отказа от этих традиций. В итоге снижается общий уровень культуры эмпатии в социуме, формируется ущербное мышление и поведение. Вот почему в качестве наиболее приемлемой и актуальной выдвигается сейчас модель взаимозависимого бытия народов, основанного на максимальной открытости и сочувственной объективности.

В русле такого движения самосознания – от частного к общему, от узкого социокультурного и этнического пространства к более широкому – следует рассматривать тенденцию формирования общероссийской идентичности, возрастающую лингвистическую и психологическую привлекательность термина «россиянин».

Примечания

¹ Здравомыслов А.Г. К обоснованию релятивистской теории нации. М., 1998. С. 16.

² Веселовский А.И. История и поэтика. М.–Л., 1940. С. 91.

³ Kohen M.N. Culture of intolerance. Chauvinism, class and racism in the United States. New Haven; London, 1998. P. 128.

⁴ Рывкина Р. Евреи в современной России – кто они? М., 1997; Снопов Ю.А. Евреи в Москве: динамика численности и расселения (XV – середина XX) // Этнографическое обозрение. 2002. № 6.

⁵ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970. Т. 4. М., 1980.

⁶ Сошлемся в данной связи на мнение Ж. Де Воса: «Те, кто рассматривают индивидуализм как высокую цель, – пишет он, – иногда ошибочно предполагают, что индивидуация, или автономия, означает недостаток верности (или лояльности) группе. Они не видят, что современный человек также ищет значимые и ультимативные единицы социальной принадлежности и надежду на выживание через такое соотнесение». – De Vos G.L. Ethnic pluralism: conflict and accommodation // Ethnic identity. Cultural continuities and change. Chicago, 1982. P. 29.

⁷ Томановская О.С. Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты их соотношения // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 204.

⁸ См. об этом: Бгажноков Б.Х. Культура общения и семиозис // Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

⁹ Hechter M. Ethnicity and rational choice theory // Ethnicity. Oxford – N.-Y., 1996. P. 91.

¹⁰ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 381.

- ¹¹ Семенов Ю.И. Этническая культура и политическая борьба (размышления над книгой М.Н.Губогло «Языки этнической мобилизации») // Философия. Культура. Философия культуры. М., 2004. С. 126.
- ¹² Гусейнов А.А. О возможности глобального этоса // Диалог культур в глобализующемся мире. М., 2005. С. 180.
- ¹³ Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М., 2001. С. 310
- ¹⁴ Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. М., 1997. С. 214.
- ¹⁵ Тишков В.А. Указ. соч. С. 259.
- ¹⁶ Даль Р. Предпосылки возникновения и утверждения полиархий // Политические исследования. 2002. № 6. С. 34.
- ¹⁷ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротаяева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 92.
- ¹⁸ См.: Тишков В.А. Единство в многообразии. Оренбург, 2009.
- ¹⁹ Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 8.

Глава 5

Коммуникация морали и проблемы современного развития общества

1. Понятие о нравственном прогрессе и регрессе

История человечества является историей восходящего развития морали. Так, еще до формирования мировых религий у людей сложились представления об искуплении вины через покаяние и очищении души, через сочувствие и помощь страждущему. Формы нравственно акцентированного мышления и поведения постепенно шаг за шагом оттесняли другие чисто механические и догматические формы достижения той же цели, такие, как очищение огнем, золой, водой, путем задабривания или, напротив, устрашения духов, демонов, принесения им жертв и даров.

Показательна в этом отношении категория «псапа» у целого ряда кавказских народов (адыгов, карачаевцев, балкарцев, осетин, абхазов). Она соединяет в одно целое две очень важные идеи: благодеяние и воздаяние. Поэтому в повседневной жизни как разные грани одного и того же процесса воспринимаются высказывания «совершать псапа» и «приобретать псапа». Первый из этих актов ассоциируется с благодеянием, с благотворным воздействием на душу страждущего, а второй – с моральной заслугой, самовознаграждением, просветлением. Существует твердое убеждение в том, что, воздерживаясь от зла, человек каждодневно и неустанно должен совершать добрые дела, спасая и успокаивая собственную душу. Весь посыл категории «псапа» в самом благодеянии, в духовной искре, которую высекает благо во взаимодействиях людей, вызывая эффект обоюдного просветления, катарсиса.

Аналогичные моральные понятия имеются у всех народов. Например, вполне сопоставимо с категорией «псапа» немецкое «Heil» – благо, исцеление, спасение, святость. Путь к спасению через благодеяние лежит и в основе буддистского вероучения, и отсюда важное для буддистов понятие моральной заслуги – «пин», ведущей к просветлению.

Под влиянием подобных идей происходило, как сказано, смягчение нравов, развивалась культура сочувствия, ушли в небытие распро-

страненные в прошлом обычаи каннибализма, умерщвления стариков, принесения богам человеческих жертв. Сравнительно недавно были ликвидированы жестокие формы публичной казни: через сожжение на костре, побивание камнями, повешение, отсечение головы гильотиной. На повестке дня стоит вопрос об отмене любых форм смертной казни, акт уже давно подготовленный историческим развитием этики. Еще в середине прошлого века Дж. Мур, прибегая к еще более широким обобщениям, писал: «ни один поступок, называемый убийством, ни при каких обстоятельствах не осуществит столько добра в универсуме, сколько его несовершенство»¹.

Сочувственное понимание лежит в основе принципов, согласно которым не достигшие совершеннолетия освобождаются от суровых наказаний за нарушение закона. Серьезно поставлен вопрос о защите детства. В 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята конвенция о правах ребенка, к которой в 1990 г. присоединилась Россия. Известно также, как далеко продвинулись международные права малых народов и культур, подчиняясь этически аргументированному принципу органического целого различий.

Одним словом, современная мораль наполняется новым, более богатым духовным, гуманистическим содержанием, освобождая человека от необходимости следовать в своем поведении устаревшим принципам и нормам, утратившим свой подлинно нравственный смысл. На смену необходимости педантичного исполнения буквы нравственных правил приходит право морального выбора, возможность решать, как поступить в каждом конкретном случае, не нарушая универсальных этических установок.

Вместе с тем эпоха глобализации породила крайне неустойчивую и условную практику сетевого взаимодействия, для которой становятся тесными даже предельно общие моральные принципы. Стремительность социальных и технических преобразований, нарушая преемственность культуры, приводит иногда к нравственному регрессу, парадоксальным образом нарушая общий процесс гуманизации и либерализации общественной и личной жизни. С тревогой пишет об этом извесный американский психолог Р. Мэй:

«Иллюзия того, что мы становимся «лучше», «прогрессируем», делая по шагу вперед каждый день, – это доктрина, контрабандой заимствованная из техники и ставшая догмой в этике, где она не соответствует действительности. Это действительно верно в технике, но в этике, эстетике и других областях духовной жизни термин прогресс в указанном выше смысле неадекватен. Современный человек не превосходит в этическом отношении Сократа и древних греков»².

Для обозначения широкомасштабных спадов морального сознания и поведения французский социолог конца XIX в. Эмиль Дюркгейм ввел

понятие аномии (букв. «без норм»), понимая под этим неоправданное ослабление и рассогласование ценностей и норм, утрату значимости и эффективности нравственных рамок, регулирующих общественную и индивидуальную жизнь.

К крайним проявлениям и последствиям аномии относят обычно суицидогенные импульсы и суицид. Но, видимо, следует включить сюда и наиболее жестокие, бессмысленные формы насилия, а также некоторые другие проявления деградации культуры, в не меньшей степени расшатывающие устои общественной жизни. Например, симптомом нравственного регресса является аномическое разделение труда, при котором рабочие места распределяются не по способностям, а по другим соображениям, иррациональным не только с экономической, но и с этической точки зрения.

Продолжая традицию, начатую Дюркгеймом, американский социолог Г. Блумер выделял форму социального самочувствия, именуемую социальным беспокойством. Характерными для социального беспокойства являются, с одной стороны, смутные предчувствия и страхи, растерянность и неуверенность, инертность и внушаемость, а с другой – агрессивность и повышенная раздражительность, носящая часто суетливый, беспорядочный характер³. Это состояния, близкие к панике, возникающие в условиях, когда аномическая среда действует на человека угнетающе, порождая уныние, страх, безысходность. В психологии и психотерапии аналогичные состояния называют экзистенциальным вакуумом, экзистенциальным неврозом, аффектом тоски, тревогой бытия. Все чаще используется также понятие кризиса социальной и моральной идентичности, в котором видят не только симптомы разрушения личности и общества, но и зачатки новых, более эффективных средств и способов культурной самоорганизации.

Обычно спады морального состояния общества и личности являются результатом каких-либо больших социальных, экономических катаклизмов: социальной революции, экономического кризиса. Эмиль Дюркгейм связывал аномию, характерную для Франции конца XIX века, с французской революцией 1889 г. В 90-х годах прошлого столетия в состоянии аномии находилось и российское общество, что было обусловлено распадом Советского союза, болезненным переходом к рыночной экономике. С другой стороны в состоянии вялотекущей аномии находится сейчас все мировое сообщество, что, собственно, и привело в 2008 г. к мировому экономическому кризису, напомнив лишний раз о том, что без соответствующих духовно-нравственных основ глобализация может обернуться для человечества глобальным хаосом.

Симптомы такого хаоса уже видны в движениях антиглобалистов, зеленых, неонацистов, исламских и христианских фундаменталистов. И больше всего в связи с этим опасаются внешних, явных форм разрушительности и девиантности, когда противостояние и недовольство выливается в бунт,

преступность, открытое неповиновение. Но не придают значения внутренним изменениям, ведущим к саморазрушению и деформации социального характера, к моральному и культурному обнищанию и опустошению личности. Между тем, мы все больше убеждаемся в том, что мутации последних десятилетий не улучшали, а ухудшали человеческие качества. Велико число лиц опустившихся внутренне, морально, плохо представляющих смысл происходящего вокруг и назначение своего бытия. Даже за внешним благополучием и идейной убежденностью таких людей угадывается внутренняя трагедия и моральная паника, связанная с развившимся постепенно стойким недоверием ко всему, что происходит в мире.

Наконец, самое главное. Депрессия и плохое социальное самочувствие населения - не только угроза общественной безопасности, но вместе с тем боль и страдания людей, горечь несбывшихся надежд, трагедия сломанных судеб.

Отсюда вывод, имеющий основополагающее нравственно-экологическое значение. Признавая высшей ценностью и главным критерием благополучия общества самочувствие населения, необходимо улучшать условия существования и самореализации людей не только в инструментальных целях – для поддержания общественного порядка, но и по этическим соображениям – из сострадания, исходя из представлений об абсолютной ценности человека. Это существенно меняет традиционный подход к общественной безопасности, акцентируя внимание на праве каждого человека на счастье и достойную жизнь, заставляя пересмотреть приоритеты образования, воспитания, государственной политики, выдвигая на первый план коммуникацию морали и этическую рационализацию жизненного мира.

2. Общение с прошлым: самоуважение и объективная самооценка

«Избыток истории вредит жизни», – говорил Ф.Ницше⁴. И с этим можно согласиться. Но, отвергая иррациональный традиционализм, не следует отказываться от базовой структуры национального характера и бытия, изменяя своему предназначению, ввергая себя и вместе с собой других людей в состояние аномии и морально-психологического сиротства.

Отдельные политики и даже представители так называемой интеллектуальной элиты все еще призывают закрыть либо ограничить, «дозировать» информацию об истории народов, о лучших образцах традиционной нравственной культуры. Появились вместе с тем научные исследования, в которых случаи отклоняющегося поведения представляют как нормы повседневного быта народов. Это пробелы в логике и непонимание существа исторического процесса, в котором движение в лучшее будущее невозможно без лучшего прошлого. В заботах об объективной самооцен-

ке и непредвзятом подходе к истории нельзя забывать о самоуважении. Этот баланс, столь необходимый в структуре индивидуального сознания, очень важен и для национального самосознания. В противном случае складывается постепенно хронически раз-балансируемое, напряженное общество.

В 50–80-х годах прошлого столетия отягощенные тяжелыми раздумьями о судьбах Родины ушли поколения наших отцов и дедов, людей, мировоззрение которых складывалось еще в дореволюционном прошлом. Культурная, духовно-нравственная преемственность и сообразность при этом нарушились. Но никто не бил тревогу. И вздоха сожаления не было слышно. Между тем, с уходом этих поколений был если не сломлен, то сильно поколеблен дух народов. И теперь мы видим, что, предлагая, а иногда и навязывая людям в красочной упаковке самые разнообразные новые для них стандарты мышления и поведения, массовая культура одерживает победу над национальными культурами, угрожая национальной идентичности народов.

В такой же степени недопустимо бездумное, бездушное отрицание советского прошлого, в котором, несмотря на все издержки, родилась и в конце концов погибла, не получив соответствующего культурного, духовно-нравственного подкрепления, утопия справедливого общества.

Отвратительна идеология, цинично разрушающая самое лучшее и светлое в человеке, преемственную связь с вереницей прошедших и будущих поколений. Но не менее пагубна ситуация неопределенности, когда человек или народ в целом оказываются в положении буриданова осла, не будучи в состоянии сделать выбор между конкурирующими ценностями и идеалами. «Личность, – писал Осип Мандельштам, – должна быть организована прежде всего. Аморфный, бесформенный человек, неорганизованная личность есть величайший враг общества»⁵. Характерные черты аморфного человека – структурное несоответствие статусов и ролей, целей и результатов деятельности, потенциальных возможностей и реальных дел. В результате мы получаем полного тоски и тревоги, духовно истощенного, раздражительного, мелкого человека. И, соответственно, столь же неупорядоченный, ослабленный и раздираемый внутренними противоречиями, потерянный общественный организм.

В поисках своего места в жизни аморфному человеку не помогают ни семья, ни власть, ни богатство, ни развлечения. Ощущая сильнейшую зависимость от среды и, пытаясь утвердиться в ее глазах, он болезненно раним и озабочен – достижением почета, признания, наград. Аморфный человек может посвятить этому всю свою жизнь, занимаясь саморекламой, интригами, настойчиво выпрашивая и требуя подтверждений своей значимости, безжалостно уничтожая на этом пути все, что удастся уничтожить. И, прежде всего, себя самого.

Таков портрет человека, принужденного жить не по законам собственной внутренней природы, а по законам порочного социального окружения. Обычно в связи с этим говорят об утрате смысла бытия, о своего

рода экзистенциальном вакууме, который, как показал опыт XX столетия, является неизменным свойством конформизма и тоталитаризма. В таком состоянии, писал Лев Толстой, люди постоянно задают себе один и тот же вопрос, но не могут найти ответ: «Зачем существует все то, что существует, и зачем существую я»⁶.

Тревожность, как отмечают психологи, всегда идет рука об руку с внутренним конфликтом или приводит к нему. В основе своей это конфликт между бытием и небытием, разрушающим или отвергающим потенциальные возможности самореализации, личностного роста и развития. Аморфный человек не развивается. Нет, как правило, события или потрясения, которое может заставить его существенно изменить свой взгляд на жизнь, внести коррективы в набор приоритетных целей, в способы их достижения. Ригидность, отсутствие гибкости, необходимой для наиболее полной самореализации, – одна из главных черт такого типа личности.

То же самое относится к обществу в целом. Впечатление такое, что современная Россия живет какой-то странной и неполной, если не сказать пустой, жизнью без ясных целей и перспектив, при отсутствии не только способности, но и желания реализовать свой творческий потенциал и перейти от ценностей простого выживания к ценностям самовыражения и общественного признания.

Но причины сложившейся ситуации следует искать не только в культурной неразберихе постсоветского периода. Ее корни уходят гораздо глубже – в период тоталитаризма и тотальной нравственно-экологической безграмотности. Под давлением исторически сложившейся косной, консервативной идеологии и среды россияне длительное время последовательно и точно выполняли и выполняют по инерции сейчас даже то, против чего восставало и восстает все их существо. Бессмысленно повторяя под страхом тех или иных форм наказания заученные действия и фразы, люди на протяжении многих десятилетий сохраняли и воспроизводили псевдоколлективистские, примитивные, абсурдные по своему существу формы культурной самоорганизации.

Как правило, некоторой видимости экологического успеха добивались в этих условиях лишь те, кому удавалось удачно вписаться в спущенный сверху насквозь лживый и лицемерный псевдокоммунистический (а в последние десятилетия и узко-националистический) заказ. В своих действиях они руководствовались не столько духовно-нравственными соображениями, сколько обеспечением (в ожидании наград и под страхом наказания) необходимой поддержки авторитарных систем. Это форма политической активности, основанная не на свободном участии, а на преступном в основе своей соучастии⁷. Нуждаясь в поддержке масс, правящая группа использовала таких людей как обезчеловеченное «стадо», в необходимых случаях подключая к реализации принятых верхами решений. И часто вполне осознанно и

охотно они становились послушным орудием системы, соучастниками ее несправедливых дел.

Речь идет об изменении человеческой природы, а точнее, о смещении нравственных ориентиров и индивидуального морального кода, об их соскальзывании в русло банального зла и конформизма. Правильно сказано в тюремных записках Д. Бонхеффера, казненного за соучастие в покушении на Гитлера: «глупость представляется скорее социологической, чем психологической проблемой»⁸. «Власть одних нуждается в глупости других, – развивает свою мысль Бонхеффер. – Процесс заключается не во внезапной деградации или отмирании некоторых (скажем, интеллектуальных) человеческих задатков, а в том, что личность, подавленная зрелищем всепоглощающей власти, лишается внутренней самостоятельности и (более или менее бессознательно) отрекается от поиска собственной позиции в создающейся ситуации. Глупость часто сопровождается упрямством, но это не должно вводить в заблуждение относительно ее несамостоятельности. Общаясь с таким человеком, просто-таки чувствуешь, что говоришь не с ним самим, не с его личностью, а с овладевшими им лозунгами и призывами. Он находится под заклятием, он ослеплен, он поруган и осквернен в своей собственной сущности. Став теперь безвольным орудием, глупец способен на любое зло и вместе с тем не в силах распознать его как зло. Здесь коренится опасность дьявольского употребления человека во зло, что может навсегда погубить его»⁹.

Без психологических травм и последствий здесь, конечно, не обходится. Глупость, разрастающаяся на почве мощного усиления внешней власти, делает человека глубоко несчастным. С годами ощущение «банальности зла»¹⁰ и бессмысленности существования становится очевидным; жизнь превращается в муку под прицелом проснувшейся совести, которая является, как замечено Виктором Франклом, «органом смысла»¹¹. Испытывая острое беспокойство, люди начинают понимать, что пренебрегли нравственно-экологическими принципами и правилами, которые могли бы избавить их от этих мучений. Сформировался вследствие всего этого стереотип «тревожной зависимости» от окружения, ограничивающий свободу суждений и действий, не позволяющий человеку понять, кем он на самом деле является, в чем его призвание и какой должна быть его судьба.

Даже многих внешне вполне благополучных людей ничто не спасает от этих тягостных мыслей и чувств, от психологических потрясений и катастроф. Трагедия в том, что человеку в этом состоянии «страшно» сделать что-либо, противоречащее навязанной ему и чуждой его природе идеологии. Среда «душит» его, заставляя «сжиматься». И отсюда внутренняя форма слов, используемых для отображения состояний тревоги. Например, кабардинское *гузэвэн* – «тревожиться», означает буквально «стеснить, сжать сердце», что вполне соответствует, как мы видим, аналогичным способам отображения подобных состояний в рус-

ском языке. То же самое наблюдается в немецком и во многих других языках. Слово angst – «тревога», отмечает Ролло Мэй, происходит, от слова anguish (страдание), далее от латинского понятия angustus, то есть «сжатый», которое, в свою очередь, берет свое начало от angere, что соответствует значению «причинять боль схватками», «душить»¹².

В России автоматизм аморального политического мышления и поведения оказался настолько сильным, что даже после либеральных реформ многие не могут, не успевают перестроиться, адаптироваться к новым условиям жизни, использовать в полной мере открывшиеся возможности личностного развития и роста. Не сознают, что существуют другие стили бытия, при которых можно, позволено, а главное, выгодно жить иначе – дыша полной грудью, не нарушая элементарные нравственные принципы и нормы. Не «хватает», «не достает» для этого сердца, потому что оно «стеснено», «сжато». Психологическое пространство, необходимое для возникновения альтернативных способов мышления и поведения, сужено. Хотя социальное пространство располагает к этому.

Разорвать этот порочный круг можно, существенно изменив восприятие жизненной среды. Из темной, враждебной, подавляющей силы, принуждающей к конформизму или побуждающей к бессмысленному, бесполезному протесту и отрицанию, ее нужно превратить в сочувствующую, жизнеутверждающую, в силу, которая помогает реализовать творческий потенциал личности и общества. И тогда на смену скованному страхом, пессимистически настроенному типу человека придет полный энергии и внутреннего достоинства тип критически грамотного гражданина.

3. Этический дискурс пространственно-временных отношений

Характеризуя ситуацию современной России, говорят о стабилизации экономической и социально-политической обстановки, о развитии и расширении границ толерантности в общественном сознании и поведении. Хотя социальные проблемы не исчезли, а в некотором отношении и обострились, люди в целом адаптировались к ним. Многие весьма успешно. Страна миновала острый период кризисной перестройки и вступила в стационарный режим формирования нового образа жизни, в котором на первое место выдвигается индивидуально-личностная самоорганизация, относительная свобода от государственного контроля поведения и образа жизни граждан. Это еще не стабильность устойчивого развития. Поэтому лучше назвать ее новой стагнацией, – и, разумеется, только условно, признавая, что она отличается от застоя. Например, от застоя советских времен.

Помимо очевидных социально-политических и экономических различий наблюдаются здесь и различия в отношении к базовым характеристикам человеческого существования. В частности, к пространству. В прежние времена к нему относились как к жизненному пространству в полном и самом глубоком духовно-нравственном смысле этих слов. Пространство полагалось любить, ценить, обустраивать, украшать – как мир, в котором ты живешь, в котором сбываются твои мечты. Так в недавнем прошлом воспринимались даже колхозные и совхозные поля, сады, виноградники. Вспомним фильм «Свадьба с приданым». Он повествует не только и даже не столько о страстной любви молодых колхозников, сколько о безграничной любви к земле, к своей малой родине.

Сейчас сформировалась принципиально иная концепция пространства. Теперь это территория. И ее рассматривают либо с позиций денежной стоимости и приносимой (в том числе и политической) прибыли, либо как помеху или барьер, который необходимо преодолеть, пройти, миновать в погоне за информацией, за успехом, за богатством. Современные технологии и средства связи предоставляют для этого колоссальные возможности. Но они же превращают пространство не только в чуждую, но и в ничтожно малую величину. Пророческими оказались слова поэта, сказавшего: «Пространство сморщилось и перестало быть». Время пытается его подчинить своим законам. В новом мире, названном глобализацией, ощущение территории, – пишет З. Бауман, – утратило значительную долю своей ценности, свою привлекательность и притягательность.

Однако в современной России столь же существенно изменилось и отношение к социальному времени. Даже в эпоху брежневского застоя сохранялась хотя бы видимость его ценности, поэтому все еще актуальной оставалась идея ускоренного выполнения действий, например, объявление встречного плана и выполнение пятилетнего плана за три или четыре года и т.д. Конечно, уже тогда это превратилось в лицемерие. Но сейчас господствует другая крайность – циничное отношение к координатам и пульсу времени, в котором население не присутствует или выносится за «скобки» общественной жизни. Гуманистическое и историческое содержание времени уступило brutальному, авторитарному. Привилегия на власть рассматривается одновременно как привилегия на время, как право распределять этот важнейший ресурс по своему усмотрению. Доступ народа к этому ресурсу ограничен.

Более чем красноречиво свидетельствуют об этом первые 10–11 дней Нового Года, официально признанные нерабочими. Тем самым как бы говорят людям, что в течение этого периода страна в них не нуждается, что встреча Нового года с характерными для России застольями и возлияниями может продолжаться всю первую декаду января. И мы охотно с этим соглашаемся. Между тем, в Японии, в стране с самой высокой продолжительностью жизни, весь годовой отпуск работников равен всего 10 дням и это нисколько не смущает японцев,

не снижает уровень их социального самочувствия, что психологически вполне объяснимо: установлено, что в обществе со здоровой экономикой люди гораздо хуже переносят изобилие свободного времени, чем жизнь заполненную трудом. «При отсутствии работы, – пишет В. Франкл, – жизнь кажется людям бессмысленной, а сами они считают себя бесполезными»¹³.

Высокий уровень безработицы, особенно в отдаленных от центра областях России, еще больше усугубляет положение. Застойное российское общество нового типа – социально пустое, испорченное, избалованное возможностью ничего не делать и не предпринимать в надежде на то, что необходимая нравственно-экологическая работа будет выполнена другими, без их участия. Появилось не только большое число бродяг, бомжей, но и людей с так называемым пассивным источником доходов (сдающих в аренду квартиры, земельные участки и т.п.), выпавших, в силу этого обстоятельства, из гущи социальной, экономической, культурной жизни страны. Но свято место пусто не бывает. В этом пространстве социального сна и небытия находит себе место один из самых успешных проектов современной России – шоу-бизнес, ставший «дежурным по стране», мощной пятой властью, подмявшей четвертую.

Остановка и обесценивание времени грозит России, и в особенности ее окраинам, не только культурной, но и экономической отсталостью. В мире современной сверхскоростной символической экономики время становится все более важным фактором производства. Необходимости сужения временных интервалов подчинены новые знания и технологии, процессы бурного строительства и улучшения дорог, новых видов транспорта, перевод максимально возможного объема информации и коммуникации в русло электронной связи. Россия в этом отношении отстает от ряда стран с развитой экономикой. Как предупреждение беспечному отношению россиян к фактору времени звучат слова американского философа Элвина Тоффлера: «Это ускорение нервных импульсов экономики в странах с высокой технологией имеет еще не замеченные последствия для стран с низкой технологией или вообще с неразвитой технологией. Ибо чем ценнее становится время, тем больше обесцениваются такие традиционные факторы производства, как сырье и труд. То есть именно то, что эти страны, в большинстве случаев продают ... Великая стена отделяет быстрых от медленных»¹⁴.

Еще жестче, в плоскость соревнования за право диктовать условия современного миропорядка, ставит фактор времени З. Бауман, резко противопоставляя его пространству. По его оценкам, «для тех, кто обладает мобильностью, задачи территориального и административного управления кажутся все более грязной работой, которой следует избегать любой ценой и передавать тем, кто стоит пониже на ступенях иерархической лестницы, кто столь слаб и уязвим, что не откажется от тяжелой работы, даже если знает, что его усилия, несомненно, будут пустыми и бесполезными...»¹⁵.

Вполне закономерен итог этих размышлений, выдержанный в традициях классической схемы «время – это деньги, а деньги – это власть». «Время и пространство по-разному распределены между стоящими на разных ступенях глобальной властной пирамиды, – пишет Бауман. – Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве. Для первых пространство не имеет значения. При этом вторые изо всех сил борются за то, чтобы сделать его значимым»¹⁶.

На наш взгляд, фетишизация времени стала главной причиной мирового нравственного и экономического кризиса. Поэтому очень опасно столь жестко противопоставлять пространство и время, подчиняя первое второму. Неестественность и ошибочность такого противопоставления становится очевидной в свете новых представлений о нравственной экологии и экофутуризме. На самом деле, время – это агент пространства, прокладывающий путь к новым, более совершенным формам организации взаимодействия человека с местом, с территорией – с жизненной средой. Это всего лишь часть, свойство, эпифеномен пространства, один из способов его измерения.

Бег или течение времени измеряется количеством и социальным, духовно-нравственным качеством изменений пространства. Этика, называющая себя глобальной и желающая противостоять глобальному хаосу, должна сосредоточиться на проблемах нравственной экологии.

4. Кризис морали в современном российском обществе

Чувство бессмысленности существования, крушение надежд и утрата прежних ценностей характерны в настоящее время для значительной части россиян. Эйфория конца 80 – начала 90-х годов трансформировалась в синдром бессилия и апатии, как только выяснилось, что невозможно построить в короткий срок (уже к концу 1993 года, как заверял Б.Н. Ельцин), сплоченное и благоденствующее общество. Такую реакцию следовало ожидать. Психологам хорошо известно, что в тех случаях, когда задача начинает казаться чересчур сложной, наблюдается резкое падение активности и усилий, направленных на ее решение¹⁷. Всякие формы социальной активности или критики воспринимаются как пустая трата времени, сил, средств.

Избранная подавляющим большинством населения стратегия неучастия вполне объяснима. Люди не желают действовать, опираясь на права, которые реально не защищены и не обеспечены. Маятник социальной жизни повернулся в сторону аномии, когда рушатся прежние ценности, когда нормы, задания, приказы не исполняются, когда почти

все отвергают и критикуют сложившийся в обществе порядок, но не хотят и мало что могут сделать для существенных изменений к лучшему. По словам Д.А. Медведева, последние события показали, что мы подошли к той черте, когда находимся уже за гранью добра и зла.

Положение усугубляется и тем, что очень часто не только политики, но и ученые рассматривают эту вялость, апатичность и безответственность как толерантность, выдавая тем самым бессилие и вынужденную беспомощность за проявление поддержки и понимания населением происходящих в обществе реформ и изменений. На самом деле это реакция инертной и потерявшей доверие к властям массы. И потому так трудно, медленно, зачастую сдавая свои позиции, формируется у нас гражданское общество, а вследствие этого и средний класс, на который возлагались большие надежды.

Чтобы преодолеть отчужденность общества, были предприняты попытки воздействовать на массы такими мерами, как «укрепление вертикали власти», «установление диктатуры закона» и т.д. Но руководители и чиновники всех рангов быстро сориентировались в ситуации и восприняли подобные сигналы как возможность реанимировать в еще более циничной форме методы административно-командного управления, не ограниченного практически никаким контролем. Превратно представлена и понята была сама идея вертикали власти, как направленная только сверху вниз, тогда как преобладающее значение должен иметь другой вектор: снизу вверх.

Понятно, что в таком перевернутом социальном пространстве демократические ценности действовать не могут, сколько бы их не провозглашали. Право сильного, то есть чиновника, администратора, крупного предпринимателя, выдвигается на первый план.

Там, где государственная бюрократия «ошибочно полагает себя центром и вершиной общества», возникает угроза тоталитарных последствий¹⁸, уничтожающих формы этической рационализации жизненного мира. И в России опасность такого поворота политической жизни все еще сохраняется. Мы видим, что полнота власти и разного рода привилегий сконцентрировалась на всех уровнях управления в руках узкого круга лиц. Вся остальная масса населения отброшена к социальным низам без какой-либо реальной перспективы роста и достижений. В результате увеличивается число растерянных и беспомощных, обездоленных и покорных своей судьбе лиц. Неприкаязность стала одной из ведущих черт значительной части россиян.

Специфика нового застоя состоит, как отмечено президентом страны, и в господстве иждивенческо-паттерналистских настроений, когда люди полагают, что большая часть стоящих перед ними проблем, решится сама собой или благодаря усилиям государства. Поглощенные заботой о выживании при минимуме творческой, созидательной работы, они по собственной инициативе отказываются от многих форм

участия в общественно-политической и культурной жизни страны. А это карт-бланш в руках новой номенклатуры. Не упуская появившейся возможности в очередной раз возвыситься над массой пассивного населения, она действует методично в нужном и выгодном для нее направлении, фактически без контроля со стороны общества. Но, несомненно, с учетом господствующих в нем настроений, исходя из объективных индикаторов социальной жизни и духовной атмосферы.

Одним словом, ситуация современной России, вовлеченной без должной культурной, идеологической подготовки в глобальный мир, – типичный пример аномии в ее качественно иной форме, когда, по меткому замечанию З. Баумана, порядок становится индикатором беспомощности и подчиненности¹⁹. В условиях глобального хаоса в распоряжении элит появляются новые приемы отрицания и невыполнения обязательств, разъединения и противопоставления отдельных личностей и социальных групп. Благодаря этим новым условиям «население можно удерживать в повиновении всего лишь в силу крайней его уязвимости и ненадежности положения, не требуется даже регулировать поведение людей нормативным образом»²⁰.

Но, однако, и в такой, казалось бы, безусловно пассивной позиции населения есть определенный рациональный момент. Перед нами социальное торможение, напоминающее запредельное или охранительное торможение в психофизиологии, когда задержка, остановка нервной деятельности при чрезмерных нагрузках позволяет сохранить и восстановить силы и работоспособность организма в других более благоприятных условиях. Следует верить, что наметившаяся тенденция освобождения от иллюзий стремительного развития без соответствующей идеологической и технологической подготовки приведет в конечном итоге к позитивным изменениям.

Так что празднующей победу номенклатуре не стоит особо обольщаться. Широкие масштабы социальной апатии и неучастия являются в какой-то мере и вызовом, который бросает население новой элите и бюрократии. Перед нами приглушенная форма гражданского неповиновения, при которой люди, уже не полагаясь на чиновников и не вполне им доверяя, выживают как могут в рамках тех возможностей, которые имеются. И молча выжидают – будто и нет животрепещущих общественных проблем, которые надо решать.

Так, под маской безразличия и скорбного бесчувствия создается оппозиция неучастия и молчания. Не случайно некоторые наиболее ответственные и прозорливые политики, особенно в партии «Единая Россия», уже бьют тревогу. Призывая к диалогу с обществом, они стремятся «разбудить» народ, поощряя различные формы социальной активности, создание широкой сети институтов и органов гражданского общества. Именно в этих целях учреждена, как сказано выше, Общественная палата при президенте. Создаются и функционируют анало-

гичные палаты или консультативные советы в регионах, общественные приемные партий «Единая Россия», «Справедливая Россия» и др. Они призваны донести до власти мнение граждан России по волнующим их вопросам, обеспечить хоть в какой-то мере контроль и качественную экспертизу важнейших государственных решений.

Стратегия неучастия, избранная народом, и в самом деле не столь бессмысленна, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, она предстает как форма сохранения чувства собственного достоинства, а с другой – как способ внутренней самоорганизации, удобный для выживания и самовосстановления, для возвращения в скором будущем на сцену общественной жизни, но уже в принципиально ином качестве – в качестве спокойных и полных достоинства представителей среднего класса.

В том, что этот класс набирает силу, нет сомнений. Появилось много черт западного образа жизни, возросло стремление улучшить быт, украсить жизнь. Бурно, преодолевая все препятствия, развивается сфера разнообразных услуг. Это, в свою очередь, способствует возрастанию коэффициента учтивости, услужливости, взаимного понимания и снисхождения. В обществе, где предложение опережает спрос и поддерживается элементарный социальный порядок, вежливость становится одним из главных рычагов успешной работы. А вежливость, в свою очередь, является элементом сложной системы культурных оснований экономического процветания.

Период дикого капитализма закончился. У людей появился вкус к жизни – к спокойному, комфортному существованию, когда спад социальной активности сопровождается сужением зоны социальной ответственности и ограничением социальных притязаний и ожиданий. Даже у беднейших слоев населения развилось некое подобие благодушия, связанное, видимо, с тем, что им уже нечего терять. Резко снизился накал межэтнических противоречий, распались национально-демократические движения. По всем внешним признакам население вернулось в состояние, когда преобладает культура молчания и послушания, а не культура политического участия и согласия. Люди вооружились минималистской этикой, согласно которой человек может считаться и считать себя вполне добропорядочным членом общества в силу лишь того обстоятельства, что не причиняет вреда другим людям²¹. Моральность такого свойства – пассивная, лишенная нравственной силы и энергии, также одна из черт нового застоя или стагнации образца начала XXI в.

Но это все же стагнация – с большим числом степеней свободы, на новом витке общественного развития. Перед нами не пустое и не тупое, а социально наполненное и напряженное – пристальное молчание. Поэтому главное сейчас – перед лицом радикальных изменений – не оказаться во власти хаоса и случайностей.

В современной синергетике этот переломный, критический и одновременно опасный момент получил название бифуркации (от латинского *bi* –

двойной и furca – развилка, разветвление). Тем самым подчеркивается, что в дальнейшем система уже не может эволюционировать, следуя прежней траектории, что выбор устарел, исчерпал свои возможности. Но каким будет новый выбор тоже неясно, хотя бифуркация в обществе, как полагают специалисты, вполне управляема и не обязательно обусловлена игрой случая. В этих условиях все надежды возлагаются на людей, которые, по словам Эрвина Ласло, «смогут «изнутри» смещать в нужную сторону взаимодействие флуктуаций, которое в остальном случайно. Они смогут создавать новые образцы жизни, вырабатывать альтернативные варианты поведения, вводить целесообразные инновации, создавать эффективные, учитывающие потребности окружающей среды социальные и политические движения»²².

Новая стагнация в современной России – стартовая площадка для будущих преобразований, для ощутимого улучшения всех параметров жизненной среды. На этой площадке уже стоят, дожидаясь своей очереди, молодые честлюбивые люди, для которых, говоря словами Гегеля, высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членами государства, как высшего проявления нравственной идеи. Это люди, способные изменить облик современной России.

Примечания

¹ Мур Дж. Принципы этики. М., 1984. С. 233.

² Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М., 2001. С. 312.

³ Blumer H. Collective Behavior // New outline of principles of sociology. N.-Y., 1951. P. 171–174.

⁴ Ницше Ф. О пользе и вреде истории. Минск, 1998. С. 31.

⁵ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 3 т. Нью-Йорк, 1969. Т. 1. С. 123.

⁶ Толстой Л.Н. Исповедь // Не могу молчать. М., 1985. С. 66.

⁷ Демидов А.И. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики // Политические исследования. 2002. № 3. С. 160, 161.

⁸ Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. О глупости. М., 1994

⁹ Там же.

¹⁰ Термин «банальность зла», ассоциирующийся с отсутствием или недостатком разума и этической рационализации мира, введен Х. Арндт. См. об этом: Сведенсон Л. Философия зла. М., 2008. С. 180, 190.

¹¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 38.

¹² Мэй Р. Открытие бытия. М., 2004. С. 125.

¹³ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 42.

¹⁴ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004. С. 479.

¹⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 51.

¹⁶ Бауман З. Указ. соч. С. 51.

¹⁷ Kukla A. Performance as a function of resultant achievement motivation (perceived ability) and perceived difficult // Journal of Research in Personality. 1974. № 7.

¹⁸ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 83.

¹⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 55.

²⁰ Там же.

²¹ О минималистской этике или моральном минимализме см.: *Callahan D.* Minimalist ethics: On the pacification of morality // *Ethics in hard times*. N.Y., London, 1981; *Diamond C.* Moral minimalism and the development of moral character /// *Midwest studies in philosophy*. Vol. XIII. Ethical theory: Character and virtue. Notre Dame, 1988; *Montagye P.* In the interests of others. Dodrecht; Boston; London, 1992.

²² Ласло Э. Век бифуркации. Постигение изменяющегося мира // *Путь*. 1995. № 7. С. 15.

Глоссарий

Аномическое разделение труда – формы организации, при которых рабочие места распределяются не по способностям, а по другим соображениям, иррациональным с этической и экономической точек зрения.

Аномия – состояние общества, в котором снижается значимость и ценность социальных норм, разрушается единство культуры, порождая всеобщую апатию и тревожность.

Антропология морали – данная в опыте реальность нравственной жизни, нравственного состояния человека и общества.

Антропономия морали – система исторически сложившихся принципов и правил нравственно аргументированного мышления и поведения, своего рода программа этической рационализации мира.

Ассертивность – умение постоять за себя, защищая свои права и уважая права других. С ассертивностью нельзя путать агрессивность. Агрессивное поведение, в отличие от ассертивного, неэтично.

Доблесть – активность, актуальная в моменты опасности, неопределенности, когда достижение нравственной цели связано с известным риском и невозможно без преодоления серьезных внешних и внутренних препятствий, без борьбы мотивов и психологической мобилизации.

Золотое правило жизни – выявить себя в облагороженной форме, создать максимум психологического комфорта для себя и окружающих.

Золотое правило нравственности – «Не делай другим того, что не желаешь себе». Сформулировано в V в. до н.э. китайским философом Конфуцием.

Идеология среды – представления о наилучшей организации жизненной среды, ценностно-нормативная заданность и обусловленность формирования установок экологического мышления и поведения. Организационный центр экологического сознания, оказывающий решающее воздействие на общую линию человеческой деятельности.

Индивидуальный моральный код – поле свободного выбора, открывающее возможность по-своему интерпретировать принципы этики, формировать собственную шкалу моральных ценностей и приоритетов.

Инстинкт экологического выравнивания – неосознаваемое или не вполне осознаваемое желание упорядочить, обустроить жизненную среду.

Инструментальная грамотность – стимулирует распространение профессиональных знаний и развитие цивилизации.

Калокагатия (греч. calos – «прекрасный» и agathos – «хороший», «нравственно совершенный»). Термин, используемый для обозначения гармонии внешнего – физического и внутреннего – нравственного совершенства личности и общества.

Концепция справедливости – возникает исторически как форма этической и юридической рационализации сочувствия, как способ эмпатического понимания и объяснения мира.

Критическая грамотность – единство богатых специальных знаний и высокой политической и нравственной культуры.

Культура себя – совокупность имеющихся в арсенале личности и общества средств, способов, навыков нравственно аргументированного восприятия и изменения себя.

Культура эмпатии – система выработанных человечеством ценностей, норм, институтов, ориентированных на производство и воспроизводство сочувственного, понимающего сознания и поведения и, в конечном итоге, на этико-эстетическую рационализацию мира.

Культурный ландшафт – культурно-обустроенная среда, результат рациональной, духовно-нравственной и материальной организации естественной среды. Ландшафт, в котором человек и его поведение играют важную роль.

Культурный патриотизм – моральное обязательство, заставляющее человека заботиться о том, чтобы выявить себя в облагороженной форме, произвести на людей максимально благоприятное впечатление, не роняя чести своей фамилии, профессии, народа.

Культурный релятивизм – концепция, согласно которой каждая культура должна рассматриваться и оцениваться в собственных терминах. Культурный релятивизм возник как реакция на европоцентризм и неприятие доктрины превосходства одних обществ и культур над другими.

Культуросообразность и преемственность – условия успешной адаптации человека к изменениям природной среды, социальным

и техногенным трансформациям, залог поступательного, устойчивого развития общества.

Малое общество – общество, отношения внутри которого локализованы и характеризуются отсутствием четких границ между сферами деятельности, персонификацией отношений, несовершенными механизмами контроля насилия и дуализмом норм.

Моральное сознание – основанное на этических знаниях переживание необходимости и готовности нравственного мышления и действия.

Моральные принципы – закрепленные в нравственном сознании и опыте важнейшие моральные обязанности, являющиеся мотивами нравственных поступков.

Мужество – большая воля и важное моральное качество, ассоциирующееся с силой нравственных позиций и устремлений личности.

Нравственная память – нравственная валентность памяти, ее готовность воспроизводить этически значимые факты и отношения прошлого.

Нравственная экология – субдисциплина экологии и философии, предметом которой является этико-эстетическое содержание взаимоотношений человека с жизненной средой, а главной задачей – улучшение этих отношений.

Нравственное внимание – особая форма любознательности или пытливости, способность выявить, распознать переживания или состояния человека и этически грамотно отреагировать на них.

Нравственно-экологическая (духовно-нравственная) грамотность – наличие этико-эстетических знаний, принципов, установок, обеспечивающее сохранность и развитие гуманитарной культуры. Способствует развитию способностей морального суждения и поведения.

Педагогика морали – сложная и многогранная деятельность, направленная на обеспечение эффективного взаимодействия этики с процессами нравственного мышления и поведения.

Политическая толерантность – наличие и преобладание в политической культуре элит традиций взаимных уступок, компромиссов, использования примирительных процедур.

Природный ландшафт – ландшафт заданный самой природой, без воздействий на него человека.

Притягательность (очарование) зла – болезненное и лишенное нравственных ограничений удовлетворение желаний, соединенное с искусством обезопасить себя от угрызений совести.

Психологическое поле – сфера человеческих переживаний: потребностей, мотивов, настроений, целей, идеалов и т.д.

Разумность – способность нравственно аргументированного мышления и поведения.

Самочувствие – окрашенная в различные тона интегральная характеристика взаимоотношений человека с различными компонентами жизненной среды. Одна из главных категорий экологической этики.

Синергизм – тип социального устройства, при котором индивидuum одними и теми же действиями и в одно и то же время служит как своим собственным интересам, так и интересам остальных членов общества.

Совесть – социально-психологический механизм, фиксирующий нравственные параметры и ориентиры собственных поступков, действий, образа жизни в целом.

Социальное самочувствие – концентрированное выражение общественного сознания, характеристика его психологического содержания и направленности.

Социальный капитал – совокупность связей, эффективно конвертируемых при случае в преимущества в конкурентной борьбе за дефицитные или престижные позиции. Социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами.

Стойкость – терпение, выносливость, упорство в достижении нравственно оправданных целей.

Толерантное сознание – внутренне согласованная часть эмпатического (сочувственного) сознания и поведения.

Толерантность – терпимое отношение к людям, к тому, что в их внешности, действиях, убеждениях, чертах характера не нравится и кажется не вполне гармоничным, но расценивается, тем не менее, как нечто такое, что имеет право на существование.

Тревожная зависимость от окружения – ограничивающая свободу суждений и действий, не позволяющая человеку понять, кем он на самом деле является, в чем его призвание и какой должна быть его судьба.

Управляемая близость – характерная для малого общества высокая степень социального контроля, сковывающая действия человека, не позволяющая ему в рамках данного социального поля реализовать в полной мере свой творческий потенциал.

Фамилистические общества – общества, в которых наиглавнейшим (а иногда и единственным) путем реализации общественного инстинкта является семья или более широкие родственные институты.

Человечность – способность и готовность индивида перенести естественную любовь к самому себе и к своим близким на других людей, на весь окружающий мир.

Честь – субъективное сознание и переживание моральных обязательств перед самим собой, перед обществом, перед Богом.

Экзистенциальный заказ – образ жизни, который предлагается личности, группе, обществу, как необходимый или желательный. Специфическая форма группового влияния или давления.

Экологическая конкуренция – конкуренция и борьба между социальными группами за дефицитные ресурсы пространства.

Экологический порядок – порядок в жизненном пространстве человека и общества, который создает ощущение комфорта, смысла и полноты жизни.

Экологический успех – движущая сила нравственно-экологического мышления и поведения, достижение новых, более совершенных форм бытия человека в мире, когда удачная или успешная адаптация является обратной стороной успешного изменения условий жизненной среды.

Экологическое событие – любой сколько-нибудь значимый и осознаваемый человеком элемент или фрагмент жизненной среды, требующий нравственной или эстетической оценки.

Экологическое сознание – совокупность исторически сложившихся представлений о взаимных связях и отношениях человека с его жизненной средой, о значимости этих связей для установления экологического порядка.

Экофобное поведение – деструктивное поведение, выражающееся в сознательном разрушении жизненной, в том числе и социальной среды.

Экофутуризм – культурная политика, направленная на познание и улучшение параметров экзистенциального пространства, на конструирование предстоящего. Воля к необходимому, этически значимому изменению жизненной среды, концентрированное выражение ответственности перед будущим.

Эмпатия – способность проникать в психику другого человека, сочувствовать ему и принимать его чувства в расчет. Эмпатию характеризуют как «теплое» вхождение в роль другого человека – в отличие

от «холодного вхождения», когда оно не сопровождается сочувствием и доброжелательностью.

Этика – наука о морали. Система знаний, помогающая судить о том, что следует и чего не следует делать, отличая добро от зла, прекрасное от безобразного.

Этикет – система принципов и норм общения, выражающих взаимное уважение и признание.

Этически значимая конкуренция культур – личностно или социально ориентированное взаимодействие, в ходе которого каждый из участников диалога доказывает в какой мере он, как носитель и транслятор определенной культуры, может способствовать созданию общества с высоким уровнем синергизма.

Этический иммунитет личности – моральное право личности на признание его человеческого достоинства.

Этический шизоморфизм – свойство личностного морального кода, выражающееся в совмещении морального и аморального мышления и действия.

Этос – совокупность образов культуры, отражающих особенности мышления и поведения тех или иных сообществ.

Литература

- Аалто А.* Архитектура и гуманизм. М., 1978.
- Айзенк Г., Айзенк М.* Исследования человеческой психики. Почему мы ведем себя именно так. М., 2002.
- Апресян Р.Г.* Идея морали. М., 1995.
- Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Соч. Т. 4. М., 1983.
- Аронсон Э., Уилсон. Т., Эйкерт Р.* Психологические законы поведения человека в социуме. СПб. – М., 2002.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бгажноков Б.Х.* Адыгский историко-героический эпос в комплексном освещении. Типология основных персонажей с точки зрения этических представлений // Героико-исторический эпос народов Кавказа. Грозный, 1988.
- Бгажноков Б.Х.* Культ пищи и пищевой аниматизм // Этнографическое обозрение. 2001. № 2.
- Бгажноков Б.Х.* Культура общения и семиозис // Этнознаковые функции культуры. М., 1991.
- Бгажноков Б.Х.* Основания гуманистической этнологии. М., 2003.
- Берг Л.С.* Борьба за существование и взаимная помощь. Петроград, 1922.
- Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 1.
- Бонхеффер Д.* Сопротивление и покорность. О глупости. М., 1994.
- Вердербер Р., Вердербер К.* Психология общения. Тайны эффективного взаимодействия. СПб., 2006.
- Веселовский А.И.* История и поэтика. М.–Л., 1940.
- Видеть красоту // Литературная газета. 2006. № 10.
- Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства. М., 1988.
- Войтыла К.* Основания этики // Вопросы философии. 1990. № 1.
- Гегель Г.В.* Философия права. М., 1990.
- Гессе Г.* О старости // Человек без границ. 2006. № 1.
- Годфруа Ж.* Что такое психология. Т. 1. М., 1992.
- Голованов В.П.* Методика и технология работы педагога дополнительного образования. М., 2004.
- Горелов А.А.* Экология. М., 2002.
- Грей Дж.* Поминки по просвещению. М., 2003.
- Гусейнов А.А.* Введение в этику. М., 1985.
- Гусейнов А.А.* О возможности глобального этоса // Диалог культур в глобализующемся мире. М., 2005.
- Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика. М., 1998.
- Демидов А.И.* Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики // Политические исследования. 2002. № 3.

Древнекитайская философия. М., 1972.

Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротаева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.

Законы Ману. М., 1960.

Здравомыслов А.Г. К обоснованию релятивистской теории нации. М. 1998.

Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики технологической цивилизации. М., 2004.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970. Т. 4. М., 1980.

Каменев Н. Урочище Адыхейко // Кубанские войсковые ведомости. 1866. № 43–44.

Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. Т. 3. М., 1964.

Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.

Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.

Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.

Кесслер К. О законе взаимной помощи // Труды Санкт-Петербургского общества естественных наук. 1980. Вып. XI.

Классическая буддийская философия. М., 1999.

Князев Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии. 1992. № 12.

Конфуций. Лунь юй // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972.

Крепость мусульманина. Из слов поминания Аллаха, встречающихся в Коране и сунне. Майкоп, 2007.

Кропоткин Б.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918.

Куббель Л.Е. Становление первобытной истории как науки // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.

Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7.

Леопольд О. Календарь песчаного графства. М., 1988.

Лихачев Д.С. Раздумья. М., 1991.

Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Соч. Т. 3. М., 1988.

Лотман Ю.М. Феномен культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978.

Луман Н. Власть. М., 2001.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.

Лэнгз А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М., 2006.

Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 3 т. Нью-Йорк, 1969. Т. 1.

Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. Экологическая этика: буддизм и современность, Улан-Удэ, 1977;

Марасин В.В. Человек... добродетели и пороки, достоинства и недостатки. М., 2002.

Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. М., 1997.

Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание. М., 2001.

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988.

Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.

Мэй Р. Открытие бытия. М., 2004.

Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М., 2001.

Ницше Ф. Воля к власти. М., 1995.

Ницше Ф. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. Минск, 1998.

Ницше Ф. Утренняя заря или мысль о моральных предрассудках. Минск, 1998.
 От бытия до откровения. Пятикнижие Моисеево. М., 1993.
Платон. Определения // Платон. Диалоги. М., 1986.
Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.–Л., 1947.
 Релятивистская теория наций. М., 1998.
Рикёр П. Я – сам как другой. М., 2008.
Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
Рывкина Р. Евреи в современной России – кто они? М., 1997. Сведенсон Л. Философия зла. М., 2008.
Сельченко К.В. Конструирование предстоящего. Руководство по психодизайну. Минск, 2006.
Семенов Ю.И. Этническая культура и политическая борьба (размышления над книгой М.Н.Губогло «Языки этнической мобилизации») // Философия. Культура. Философия культуры. М., 2004.
Снопов Ю.А. Евреи в Москве: динамика численности и расселения (XV – середина XX) // Этнографическое обозрение. 2002. № 6.
Собкин В.С. К определению понятия «идентификация» // Виды и функции речевой деятельности. М., 1977.
Соловьев В.С. Оправдание добра. // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. М., 1988. Т. 1.
Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991.
Тейдзю И. Японская этика. М., 1911.
Тишков В.А. Единство в многообразии. Оренбург, 2009.
Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001.
Толстой Л.Н. Исповедь // Не могу молчать. М., 1985.
Томановская О.С. Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты их соотношения // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004.
Тулмин С.Э. Человеческое понимание. М., 1984.
Форрестер Д. Мировая динамика. М., 1978.
Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
Франклин Б. Автобиография // Франклин Б. Избр. соч. М., 1956.
Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.
Хаузер М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М., 2008.
Хекхаузен М. Мотивация и личность. М., 1986.
Хэйс Н. Популярная прикладная психология. М., 2005.
Цивьян Т.В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам. Вып. 11. Тарту, 1966.
Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.
Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919.

Эджертон Р. Традиционные верования и практики: действительно ли одни лучше, чем другие? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002.

Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995.

Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.

Юнг К. Психологические типы. СПб.–М., 1995.

Ямсков А.Н. Исследования экологических функций нематериальных явлений культуры // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М., 2005.

Argyle M. The psychology of interpersonal behavior. London, 1971.

Berlo D. The process of communication. N.Y., 1960.

Blumer H. Collective Behavior // New outline of principles of sociology. N.-Y., 1951.

Borowski E.J. Identity and personal identity // Mind. Vol. 45. 1976.

Bourdieu P. Structures, habitus, practices // The logic of practice. Book 1. 1990.

Brandt R. Rationality, egoism, and morality // J. philosophy. 1979. V. 59. № 20.

Callahan D. Minimalist ethics: On the pacification of morality // Ethics in hard times. N.Y., London, 1981.

Chu G.C. The changing concept of self in contemporary China // Culture and self. Asian and western perspectives. N.-Y.; London, 1985.

Diamond C. Moral minimalism and the development of moral character /// Midwest studies in philosophy. Vol. XIII. Ethical theory: Character and virtue. Notre Dame, 1988.

Dower N. What is environmental ethics // Ethics and environmental responsibility. Aldershot etc., 1989.

Environmental aesthetics. Theory, research, and application. Cambridge, 1988.

Erikson E.N. Identity and the life cycle. N.-Y., 1959.

Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.-Y., 1973.

Goffman E. On face-work // Psychiatry. Vol. 18. 1955.

De Vos G.L. Ethnic pluralism: conflict and accommodation // Ethnic identity. Cultural continuities and change. Chicago, 1982.

Hare R.M. Relevance // Values and morales. Boston, London, 1978.

Hechter M. Ethnicity and rational choice theory // Ethnicity. Oxford – N.-Y., 1996.

Herzfeld M. Anthropology. Theoretical Practice in Culture and Society. Oxford, 2001.

Hofstätter P.R. Einführung in die Socialpsychologie. Stuttgart, 1959.

Isen A.M. Positive affect, cognitive processes, and social behavior // Advances in experimental social psychology. Vol. 20. N.-Y., 1987.

Jtelson W.H., Proshanky H.M., Pivin L.C., Winkel K.G. An introduction to environmental psychology. N.-Y. etc., 1974.

Kohen M.N. Culture of intolerance. Chauvinism, class and racism in the United States. New Haven; London, 1998.

Kukla A. Performance as a function of resultant achievement motivation (perceived ability) and perceived difficulty // Journal of Research in Personality. 1974. № 7.

Küng H. Projekt Weltethos. München, 1990.

Lang J. Symbolic aesthetics in architecture: toward a research agenda // Environmental aesthetics. Theory, research, and application. Cambridge, 1988.

Lowenthal D. Social features // Small states. London, 1987..

Marcuse H. Repressive tolerance // A critique of pure tolerance. London, 1971.

Maslow A.H. Motivation and personality. N.-Y., 1954.

Montague P. In the interests of others. Dodrecht; Boston; London, 1992.

- Nakajima B.* Japanese etiquette. Tokyo, 1955.
- Nicols R.E.* The science of mental cybernetics. N.Y., 1970.
- Park E.R.* On social control and collective behavior. Selected papers. Chicago; London, 1967.
- Rapoport A.* Spatial organization and the built environment // Companion encyclopedia of Anthropology. London and New York, 1988.
- Rogers C.R.* Emphatic: an unappreciated way of being // The counseling psychologists. Vol. 5. № 2. 1975.
- Thelin M.G.* Chinese values: A sociologists view // The moral sense in the communal significance of life. Boston; Tokyo, 1986.
- Watson O.M.* Proxemic behavior: A cross cultural Study. The Hague-Paris, 1970.
- Wong D.B.* On Flourishing and funding one's identity in community // Midwest studies in philosophy. Vol. XIII. Ethical theory: Character and virtue. Notre Dame, 1988.

Оглавление

Глава 1. Предмет и задачи моральной философии

1. Смысл, назначение и основные формы этических знаний.....	3
2. Этика и эстетика.....	7
3. Мораль и нравственность: сторож снаружи и страж внутри.....	8
4. Этикет.....	10
5. Моральное сознание.....	13
6. Антропология, антропономия и педагогика морали.....	15
7. Принципиальное единство светской и религиозной этики.....	17

Глава 2. Нравственные принципы

1. Природа и функции нравственных принципов.....	20
2. Человечность.....	22
3. Почтительность.....	26
4. Разумность.....	30
5. Мужество.....	35
6. Честь.....	40
7. Системная организация и актуализация нравственных принципов.....	44

Глава 3. Этика и эстетика жизненной среды

1. Этико-эстетическое содержание экологического мышления и поведения.....	48
2. Самочувствие в системе нравственно-экологического анализа бытия.....	52
3. Стремление к экологическому порядку.....	57
4. Экофутуризм. Идеология становления новых форм бытия.....	60
5. Инстинкт сочувствия и культурные механизмы эмпатии.....	64
6. Нравственно-экологическая грамотность.....	69
7. Идеология жизненной среды и политика толерантности.....	71

Глава 4. Культурная антропология морали

1. Моральные основания разнообразия культур.....	78
2. Выбор культурных традиций и норм.....	80
3. Формы наднациональной идентичности.....	83
4. Взаимодействие народов и культур и возможность глобального этноса.....	89
5. Этика межкультурного диалога и гражданской солидарности...	92

Глава 5. Коммуникация морали и проблемы современного развития общества

1. Понятие о нравственном прогрессе и регрессе.....	99
2. Общение с прошлым: самоуважение и объективная самооценка.....	102
3. Этический дискурс пространственно-временных отношений...	106
4. Кризис морали в современном российском обществе.....	109

Глоссарий.....	115
-----------------------	------------

Литература.....	121
------------------------	------------

Научное издание

Барасби Хачимович Бгажноков

АНТРОПОЛОГИЯ МОРАЛИ

Зав. издательским отделом *С.К. Нахушев*
Художественное оформление *З.Х. Бгажноков*
Верстка и техническое редактирование *К.М. Хахова*
Корректоры *Ф.Х. Занукоева, И.А. Кажарова*

Подписано в печать 20.11.2009
Формат 165х240. Бумага офсетная. Гарнитура Verdana
Усл. печ. л. 9,1 Тираж 300 экз. Заказ № 22

ISBN 978-5-91766-015-8

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ с готового оригинал-макета

Учреждение РАН
Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел.(8662) 424697